

Журнал издается
по благословию
преосвященного Евгения,
епископа Верейского,
Ректора МДА и С.

Учредители

Московская Духовная
Академия
Международный
Фонд единства
православных народов

Главный редактор
Иеромонах Петр (Еремеев)

Выпускающий редактор
Иеродиакон Нестор (Сиротенко)

Литературный редактор
Дмитрий Моисеев

Отдел богословия и философии
Сергей Елисеев,

диакон Сергей Ефимов

Отдел информации

Сергей Зрянин,
Александр Войтенко,
Михаил Первушин,
Сергей Матюшин

Отдел проектов

Александр Болонников,
Андрей Кольцов

Верстка Роман Глыбовский,
Алексей Долгов

Набор Светлана Вараксина,

Фото Сергей Пантелеев,
Олег Командин,
Андрей Лисичкин

Журнал издается попечением
Международного Фонда
единства православных народов

Адрес редакции:

141300, Московская обл.,
Сергиев Посад, Лавра, МДАиС
факс: (095) 973-08-23

E-mail: academi@tsinet.ru

Адрес в сети Internet:

<http://www.og.ru>

Издание зарегистрировано
Комитетом Российской Федерации
по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 017290 от 6 марта 1998 г.

Подписано в печать 08.05.99 г.
Формат 60x90 1/8. Бумага офс. № 1
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2
Зак. 853. Тираж 1500

Оригинал-макет изготовлен
редакцией журнала «Встреча»

Отпечатано в ГУП ИПК "Ульяновский
Дом печати"
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВСТРЕЧА

1999 • 1(10)

Ежеквартальный студенческий православный журнал
Московской Духовной Академии и Семинарии
и Международного Фонда единства православных народов

Дорогие братья и сестры, вы держите в руках десятый юбилейный номер «Встречи». Конечно, в самом этом факте нет ничего особенно замечательного, и для серьезного периодического издания десять номеров — это очень немного, но для нашей редакции его выход все же большой праздник. Десять номеров для нас составляют целую эпоху, ведь каждый из них давался нам, откровенно говоря, с большим трудом. Не имея ни подготовленных кадров, ни удовлетворительной технической базы, отрывая время от учебы, мы старались по мере наших сил издавать «настоящий» журнал. Насколько это получилось, судить не нам.

Юбилеи, как правило, дают хороший повод остановиться на некоторое время, оглядеться вокруг себя и задуматься о том, каким путем идти дальше. Поэтому на страницах этого номера мы бы хотели не столько поговорить о себе самих, сколько обсудить ситуацию, сложившуюся в мире церковной журналистики, в который мы, с помощью Божией, вступили три года тому назад.

С тех пор, как на Пасху 1996 года вышел первый тоненький шестнадцатистраничный номер нашего журнала, многое изменилось. Изменилось прежде всего наше отношение к нему — постепенно мы почувствовали, что занимаемся серьезным и нужным делом, что студенческий православный журнал, несмотря на недостаточный профессионализм, все же находит своего читателя. Мы воочию убедились насколько необходимо сейчас нашей Церкви печатное слово, обращенное к молодежи.

Вместе с тем, мы все более отчетливо видим, что наш журнал еще нельзя признать устоявшимся. Каким он должен быть? Думается, ответ на этот вопрос нужно искать сообща. А каким он будет, зависит от всех нас — не только от редакции, но и от всех сочувствующих нашему журналу, всех его читателей, и прежде всего от всех учащих и учащихся нашей Духовной школы.

Главный редактор

Иеромонах Петр (Еремеев)

Правила для поступающих в Московскую Духовную Семинарию на 1999/2000 учебный год

- I. ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ — учебное заведение Московского Патриархата, готовящее священнослужителей и церковнослужителей Русской Православной Церкви.
- II. Срок обучения — 5 лет.
- III. В Семинарию принимаются лица мужского пола в возрасте с 18 до 35 лет, имеющие среднее образование, холостые или женатые (первым браком).
- IV. Поступающие в Семинарию сдают вступительные экзамены по следующим дисциплинам:
1. Закон Божий, включая
 - а) Священную историю
 - б) Основы Православного вероучения
 - в) Богослужебный уставРекомендуемая литература:
— протоиерей Серафим Слободской. Закон Божий для семьи и школы.
— Закон Божий. О православной вере. тт. 1–4.
 2. Церковная история.
Рекомендуемая литература:
— Закон Божий. О православной вере. т. 5.
 3. Сочинение (на церковно-исторические темы)
 4. Церковное пение.
- V. Поступающие должны знать следующие молитвы:
- а) начальные: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», «Царю Небесный...», «Святы Боже...», «Пресвятая Троице...», «Отче наш...», «Приидите поклонимся...»;
 - б) утренние: «От сна восстав...», «Боже, очисти мя, грешнаго...», «Ангелу-Хранителю...»;
 - в) вечерние: «Боже Вечный...», «Вседержителю, Слово Отчее...», «Благаго Царя Благая Мати...», Ангелу-Хранителю;
 - г) Божией Матери: «Богородице Дево, радуйся...», «Достойно есть...», «Взбранной Воеводе...», «Милосердия двери...», «Не имама иныя помощи...»;
- д) Символ веры. Молитва святого Ефрема Сирина. Молитва перед Святым Причащением. Десять Заповедей. Заповеди Блаженства. Тропари двенадцатых праздников. Тропарь своему святому. Псалмы 50 и 90.
- VI. Поступающие должны свободно читать богослужебные книги на церковно-славянском языке.
- VII. Желающие поступить в Семинарию должны представить в канцелярию следующие документы:
- 1) прошение на имя Ректора;
 - 2) благословение правящего архиерея или рекомендацию приходского священника, заверенную правящим архиереем;
 - 3) заполненную анкету и две фотокарточки (6 x 8);
 - 4) автобиографию;
 - 5) свидетельство о рождении;
 - 6) документ об образовании;
 - 7) справку о семейном положении;
 - 8) свидетельство о крещении;
 - 9) свидетельство о венчании (для женатых).
- VIII. Поступающие, по прибытии в Семинарию, должны предъявить в канцелярию паспорт, в котором должны быть отмечены регистрация по месту жительства и гражданство, а также военный билет (приписное свидетельство), в котором должна быть отметка о постановке на воинский учет.
- IX. Всем учащимся предоставляется бесплатное питание, общежитие, выплачивается стипендия.
- X. Для абитуриентов, поступающих в Семинарию, питание и проживание платное.

Прием документов до 1-го августа.

Адрес: 141300, г. Сергиев Посад Московской области, Лавра, Семинария. Телефон. 4-53-45

Содержание

- **Болезни роста**
Проблемы православной молодежной периодики
Дмитрий Моисеев 4
- **Мы все читаем понемногу...**
Опрос общественного мнения: периодическая печать
в духовной школе
Михаил Первушин 9
- **«Ныне отпускаеши»**
А. Бессарабов 16
- **Ревнитель духовного просвещения**
К жизнеописанию преосвященного Михаила (Лузина), ректора МДА
В. Д. Юдин 16
- **Нить Ариадны** 22
Воспоминания А. А. Шостыиной
Владимир Стасюк 28
- **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин –
отец Востока и Запада**
К. Е. Скурат 29
- **Торжество совести**
К 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина
Митрополит Антоний (Храповицкий) 38
- **Нам целый мир пустыня, отечество нам... Сергиев Посад**
Воспоминания выпускников первых послевоенных курсов МДА ... 40
- **Париж глазами семинариста**
Александр Войтенко 53
- **Глядим на Него и не видим...** 54
Идеи троичности в духовных традициях Китая и Индии
Е. Петровский 54
- **Международный форум в Одессе** 61
Православные политики предлагают пути преодоления
мирового системного кризиса
Денис Алексеев 62
- **Навстречу 2000-летию Рождества Христова** 63

На 1-й стр. обложки: «Мы все читаем понемногу...». Фото Андрея Лисичкина.
На 2-й стр. обложки: Циферблат колокольни Троице-Сергиевой Лавры. Фото
Сергея Пантелеева. На 3-й стр. обложки: Каличья башня. Фото Сергея Пантелеева.
На 4-й стр. обложки: В академическом саду. Фото Сергея Пантелеева.

К жизнеописанию преосвященного
Михаила (Лузина), ректора МДА.
Стр. 16

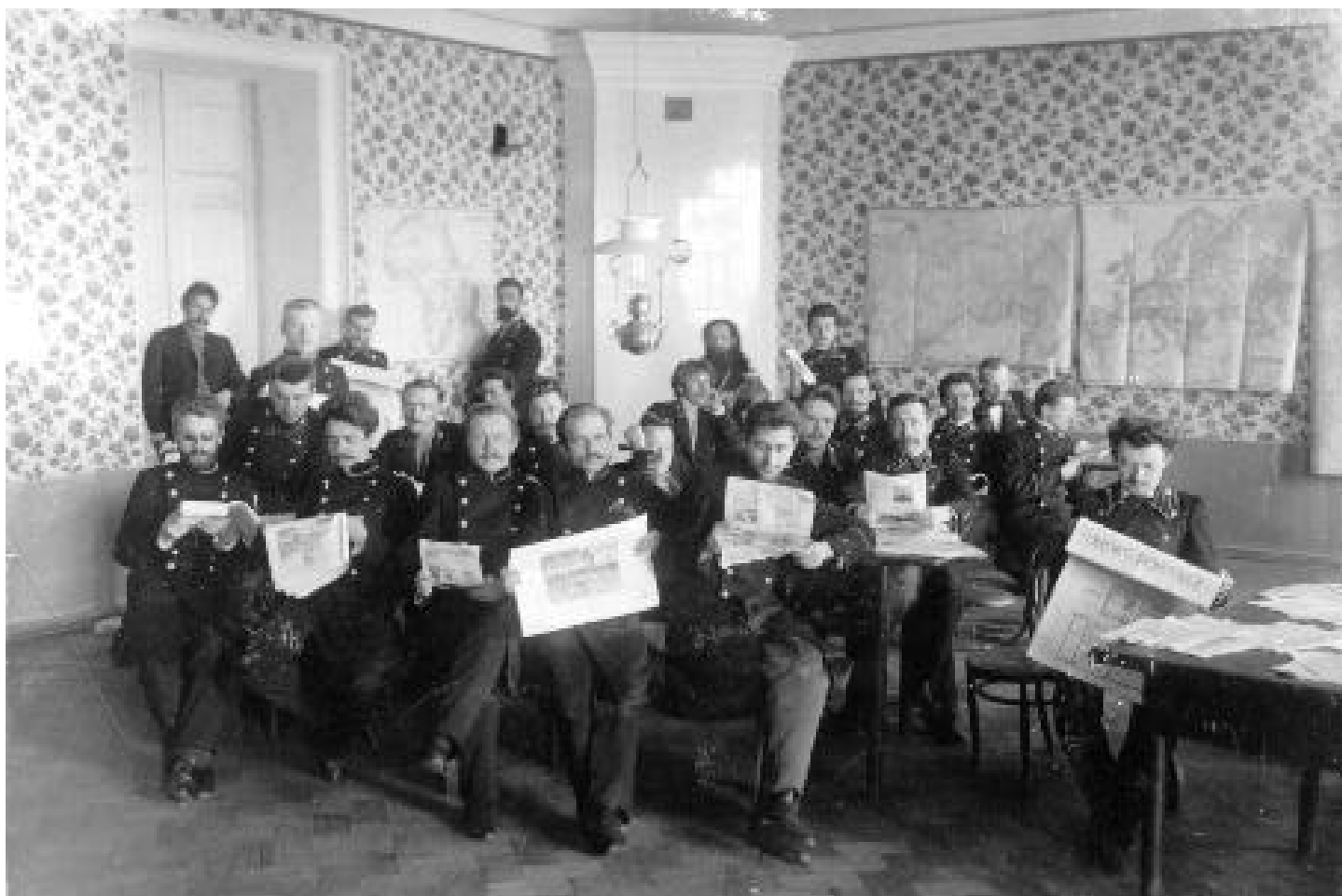
Воспоминания выпускников первых
послевоенных курсов МДА
Стр. 40

При использовании материалов ссылка на «Встречу» обязательна. Редакция будет рада любому сотрудничеству, особенно со студентами.

Редакция благодарит администрацию, сотрудников канцелярии и ЦАКа МДАиС за помощь в подготовке этого номера.

Болезни роста

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПЕРИОДИКИ

В аудитории. Московская Духовная Академия, 1909 г.

Спектр православных изданий, рассчитанных на молодежную аудиторию, не так уж велик: из тех, что выходит в Москве, можно назвать лишь «Татьянин День» и наш журнал. По своей тематике и общей направленности к ним примыкает и журнал «Фома», который, правда, открыто не заявляет о себе именно как о молодежном издании. То, что сфера распространения этих журналов не охватывает, наверное, и десятой части верующих молодых людей даже в Москве — доказывать не нужно, а в масштабах всей страны — это и вовсе капля в море. Ситуация, конечно, нелегкая, но с другой стороны, — откуда бы взяться этим православным молодежным изданиям, если раньше их вообще никогда не было?

Конечно же, в предшествующие десятилетия и помыслить нельзя было о том, чтобы студенты Духовной школы могли сами издавать журнал. Прецеденты, впрочем, были до революции в семинариях, но все подобные журналы выходили подпольно, в тайне от инспекции и были заполнены, как правило, статьями революционного содержания или всевозможными пасквилями, в которых высмеивалось начальство и духовные власти. Словом, эти журналы представляли собой типичное проявление бурсацкой необузданности. Так что журнал «Встреча» самим фактом своего появления, безотносительно к профессиональному уровню его создателей, знаменовал начало нового этапа в жизни Духовной школы.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

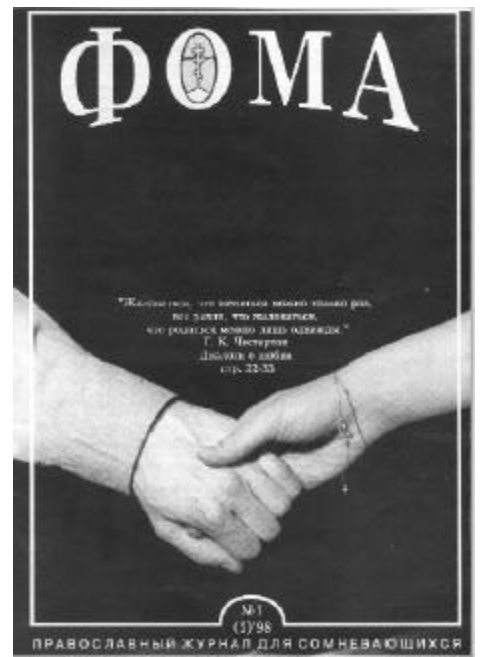
Главной нашей задачей, которую мы осознали уже после того как журнал начал выходить и которая с каждым днем вырисовывается все яснее, стала **подготовка кадров церковной журналистики**, которые выйдя из стен Духовной школы, смогли бы наладить на местах выпуск периодических изданий, опираясь на опыт, приобретенный в процессе работы в студенческом журнале.

Что и говорить, опыт владения пером для будущего пастыря важен сейчас, как никогда. К сожалению, у нас очень мало, — боюсь сказать, почти нет, — «пишущих» священнослужителей. Есть блестящие проповедники, великолепные миссионеры — церковных же журналистов почти нет. Поэтому вся церковная пресса, если можно так выразиться, отдана на откуп мирянам, многие из которых совсем недавно пришли в Церковь, и пользуясь силой печатного слова и тем доверием к Церкви, которое весьма сильно в народе, пытаются иногда внушить людям совершенно незрелые, подчас самые нелепые идеи. Достаточно привести пример газеты «Русь православная», авторский коллектив которой считает себя мерилom чистоты церковного учения. Нам могут возразить, неужели мы против того, что миряне принимают столь активное участие в церковной жизни? Ни в коем случае. Но в основе деятельности любого церковного человека — будь он митрополит, священник или мирянин — на первом месте всегда должен стоять принцип церковности, то есть сознание своего неразрывного единства с Церковью, того единства, которое является условием нашего спасения. Это не значит, что на страницах церковной прессы невозможна критика священноначалия или даже полемика с ним. Но и полемизировать, и критиковать нужно так, чтобы не противопоставлять себя церковному обществу. Поэтому, если уж под логотипом газеты стоит гриф «По благословию...», это значит не только то, что когда-то тот или иной архиерей благословил выпуск газеты или журнала, а то, что редакция вместе с этим архиереем несет полную ответственность перед Церковью и обществом за все материалы, напечатанные в этом издании. В противном случае такая пресса, как бы громко она не заявляла о своей церковности и православности, по сути дела не может считаться церковной. Такие издания имеют, конечно, право на существование, один из лучших примеров здесь — «НГ религий», далеко не самый лучший — рубрика «Верую» в газете «Московский комсомолец». Но это по сути своей светская пресса, которая пишет о вопросах церковной жизни, поэтому водораздел здесь всегда должен быть очень четкий.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Но опять-таки может возникнуть вопрос: может быть, священникам и тем более архиереям не стоит бросаться в бушующее море журналистики, пусть даже и церковной, а лучше потихонечку сидеть у себя на приходе или осуществлять общее руководство процессом из недр епархиального управления? Тем, кого мучают подобного рода сомнения, мы бы посоветовали поближе познакомиться с личностью выдающегося иерарха Русской Церкви, архиепископа Никона (Рождественского), который известен не только как прекрасный писатель и издатель всенародно любимых «Троицких листков», но и именно как замечательный церковный публицист. Владыка Никон еще при жизни издал семь выпусков своих публицистических статей под названием «Мои дневники», которые являются бесценным памятником той идейной борьбы, которую он вел до конца своей жизни — борьбы за Церковь, Православие и Россию. В этих глубоких по мысли, совершенных по форме и увлекательных по содержанию статьях владыка давал ясные, доступные и вразумительные ответы на многие вопросы церковной и общественной жизни того времени. О силе его слова и духовного авторитета свидетельствует, например, то, что В. В. Розанов, считавший архиепископа Никона своим главным противником во взглядах на Церковь, под конец своей жизни был вынужден признать его мудрость и духовную высоту.

Более близкий к нам пример — митрополит Иоанн (Снычев). Сила слова, помноженная на авторитет Церкви — это в наше время огромный фактор положительного духовного влияния на современное общество, в котором люди тянутся к Церкви как к чистому и незамутненному источнику, но часто не имеют ни возможности, ни навыка посещать богослужение, часто и регулярно ходить в храм. Владыка Иоанн в своих многочисленных статьях живым архиерейским словом раскрывал перед людьми красоту духовной жизни, заставлял многих обратиться от неверия к вере, указывал путь духовного возрождения России. Конечно, такие люди как митрополит Иоанн — это самородки, которые развились как писатели и публицисты почти самостоятельно. Но, еще раз повторимся, церковных журналистов и публицистов надо готовить, их надо учить писать, делать материал, обрабатывать его, продумывать концепцию номера, придумывать заголовки и т. д. Духовная Академия, конечно, не может, да и не должна превратиться в факультет церковной журналистики, но учиться этому будущие пастыри, безусловно, должны.

«ФОМА» — НЕВЕРУЮЩИЙ?

Но вернемся к молодежной прессе. Выше уже упоминались студенческие православные издания «Фома» и «Татьянин День». Нужно сказать и нужно отдать должное, концепции этих изданий вполне оригинальны, интересны и отвечают запросам нашего времени.

«Фома», как явствует из названия, — православный журнал для сомневающихся. Название вполне удачное, поскольку сразу выражает суть концепции: журнал издается верующими людьми для тех, кого мучают сомнения не столько относительно веры в Бога — убежденных атеистов сейчас почти не осталось, сколько, главным образом, в отношении истинности православной веры, необходимости участия в церковных таинствах или соблюдения определенных установлений.

По своему характеру — это апологетически-миссионерское издание, рассчитанное, с одной стороны, на юношей с горящими глазами и девушек в мини-юбках, а с другой — на людей, которые уже прошли определенный жизненный путь и не считают себя убежденными атеистами, но и в отношении Церкви испытывают определенные предубеждения. Этой направленностью журнала определяется и его стиль, и характер его материалов. Здесь много писем исповедального характера, статей, в которых душа автора как бы выворачивается наизнанку, где человек делится своим — пусть небольшим — опытом духовной жизни, главным образом, рассказывая о том, как он пришел к вере.

В самом деле, категория людей сомневающихся или колеблющихся в вере, сейчас очень велика, и они действительно нуждаются в доходчивом и понятном объясне-

нии сущности Православия, смысла церковных таинств и еще очень многих предметов, связанных с осмыслением православной веры. Другое дело, что людям уже сделавшим, как сейчас говорят, свой выбор в пользу веры, журнал, может быть, не особенно интересен. Душещипательные письма-исповеди, повторяющиеся из номера в номер, наводят скуку своим однообразием, а неожиданные на первый взгляд богословские трактовки некоторых феноменов светской культуры при более пристальном рассмотрении удивляют своей натянутостью и несостоятельностью.

И все-таки несмотря на некоторые недостатки, неизбежные на стадии становления журнала, «Фома», как нам кажется, уже занял свою нишу среди православных изданий, ориентированных на самую широкую аудиторию. Так что теперь дело за малым — повышать качество материалов, подбирать своих авторов и расширять читательскую аудиторию, постепенно сужая круг сомневающихся и увеличивая число тех, кто при помощи журнала расстался с былыми сомнениями.

ПРОЩАЙ ТОСКА — ЧИТАЙ «ТД»!

Не менее интересное издание — «Татьянин День». Если уж мы занялись толкованием названий, то и здесь следует сказать, что столь необычное на первый взгляд название призвано символизировать идею сближения Церкви и современной молодежной культуры, поскольку день памяти св. мученицы Татьяны, будучи в первую очередь церковным праздником, начиная с образования университета широко отмечался именно как студенческий праздник.

Сама идея воцерковления культуры, в том числе и молодежной, столь же благородна (хотя и не нова), сколь и трудноосуществима. Поэтому издателям приходится всегда как бы балансировать на грани церковного и светского, дозволенного и недозволенного, сакрального и профанного. Создается такое впечатление, что при отборе материала, редакторы только тем и озабочены, чтобы, подпустив жару, не перегнуть палку. При этом главная добродетель авторов «ТД», очевидно, заключается в умении лавировать между разными категориями читателей, стараясь быть интересными «и нашим и вашим», а единомысленными только с «нашими». Впрочем, газета имеет несколько завуалированную миссионерскую цель — показать, что и верующие студенты это такие же люди, которые не отстраняются от жизни своих сверстников и не дистанцируются от общестуденческих интересов и проблем.

Интересно также и жанровое своеобразие «ТД». Как значится на первой его полосе — это журнал-газета. «ТД» действительно замышлялся как газета, постепенно стал «пухнуть» и тяготеть к журналу, но так и остановился на полпути в этом движении. Получился этаким журнал без обложки — вполне оригинально, да к стати и дешевле. Специфичность же этого издания заключается в том, что оно осознает себя именно университетским, принадлежащим МГУ и почти полностью отождествляющим свои интересы с жизнью этого вуза. Эта корпоративность, конечно, весьма приятна студентам МГУ, но, может быть, несколько задевает православных студентов других вузов, которым, конечно, интересно читать «ТД», но в то же время при чтении их не покидает чувство, что издается эта газета вроде как и не для них. По этой причине круг постоянных читателей «ТД» потенциально ограничен и вряд ли газета сможет рассчитывать на то, чтобы занять в ближайшем будущем то количество подписчиков, которое необходимо для ее стабильного существования.

СТАНУТ ЛИ ЛЮБИТЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛАМИ?

Это основные молодежные православные издания. Что между ними общего? — Характерная черта, что издаются они студентами трех славнейших вузов России: МДА, МГУ и МГИМО. Причем инициатива изданий принадлежала самим студентам, то есть исходила снизу. Это неплохой пример для православных студентов любых других российских учебных заведений. Руководство вузов только следит за развитием событий, но не вмешивается в процесс издания. Еще

одна немаловажная деталь — все три журнала выходят по благословению священноначалия.

В чем разница? — В первую очередь, разные читательские аудитории. Читатели журнала «Встреча» — воцерковленная молодежь, в основном это учащиеся Духовных школ. «ТД» читают главным образом православные студенты светских вузов. «Фому» — люди, тянувшиеся к Православию, в большинстве своем опять-таки студенты. Довольно сильно различается и круг авторов. Словом, понятно, что различия продиктованы спецификой самих изданий, что вполне естественно.

Конечно, замечательно, что вниманием православной периодики охвачены широкие круги людей сомневающихся, семинаристов и благочестивых московских студентов, но что же делать обыкновенным верующим юношам и девушкам, которые хотели бы общаться через журнал со своими сверстниками и обсуждать на его страницах волнующие их вопросы? Мы должны признать, что хотя вышеназванные издания во многом уже сформировали свои читательские аудитории и, что называется, заняли свои ниши, но главная ниша — огромная по своим размерам, в которой бы поместилось 95 % всей верующей молодежи России, до сих пор еще свободна и не занята никем.

В этой связи хотелось бы затронуть вопрос о будущем наших изданий. Все они не являются профессиональными, хотя, конечно, по прошествии нескольких лет довольно серьезной работы все ребята, которые вплотную столкнулись с журналистикой, приобрели немалый опыт работы в этой области. Но пройдет еще год-два, максимум несколько лет, и большинство из них перестанут быть студентами. Это значит, что журналистикой они не смогут заниматься так свободно, как теперь — если она не станет основным занятием, то она должна превратиться просто в хобби, которым человек занимается в часы досуга. Всю жизнь оставаться «любителем» — это не очень серьезно. Нужно идти или в «большой спорт», или переключаться на другое дело. Выпускники МГИМО станут дипломатами, МДА — священниками, МГУ — преподавателями, учителями и профессорами. Но кто-то, может быть, решит всерьез посвятить себя делу церковной журналистики и раскрыть в полной мере данный ему Богом талант журналиста или редактора. Но где, в каком издании сможет он это сделать? Нынешняя ситуация такова, что у нас **нет ни одного регулярно выходящего молодежного православного издания, рассчитанного на самые широкие круги учащейся молодежи, на которое можно было бы подписаться не только в Москве или еще двух-трех крупнейших городах России, но и во всей стране.**

ЕСТЬ ЛИ У НАС АЛЬТЕРНАТИВА?

К нашему стыду, необходимо сказать, что подобный журнал уже выпускается несколько лет католиками. Это известная всем «Истина и жизнь», которая хотя и не является специальным молодежным изданием, но рассчитана в первую очередь именно на молодежную аудиторию. Журнал сделан вполне профессионально, хорошо и красиво оформлен, имеет, вероятно, уже немалый круг подписчиков, а главное — регулярно издается. Да, сейчас время религиозных свобод, но что же мы можем противопоставить информационному натиску «мира сего» и явным проявлениям прозелитизма? Пока что, к сожалению, очень немного.

Некоторое время назад казалось, что молодежное православное издание, даже если оно появится, не выдержит конкуренции с потоком желтой прессы. Но хочется верить, что это все-таки не так. Пример тому — опыт газеты «Воскресная школа», которая, начав выходить полтора года назад, уже заняла прочные позиции среди православной периодики. Она стоит на ногах, наверное, крепче, чем любое другое православное издание, потому что издается не на случайные пожертвования спонсоров, а на деньги подписчиков, которые полюбили эту газету и с нетерпением ждут выхода каждого нового номера. Кстати сказать, наличие подписчиков — чрезвычайно важный фактор, который определяет востребованность издания обществом. Конечно, хорошо, когда есть благодотворители, жертвующие средства на выпуск каждого нового номера, но спонсорские деньги не должны быть финансовой основой журнала или газеты, если только они издаются не для спонсора.

Неужели же во всей России не найдется 10–15 тысяч благочестивых юношей и девушек (или их родителей), которые бы не пожалели бы вполне приемлемой суммы, чтобы подписаться на подобный журнал? Хочется надеяться, что при всей остроте нынешней экономической ситуации таких людей найдется немало — интерес, а главное доверие к Церкви в народе и среди молодежи сейчас велики. Но такого издания, к сожалению, у нас до сих пор нет, а потому бедные наши юноши и девушки не видят ничего кроме «Cool» или «Вот так!», хотя многих уже тошнит от одного вида этих изданий.

На наш взгляд, создание и издание подобного журнала могло бы стать одной из главнейших задач Всероссийского Православного Молодежного Движения, ведь журнал — это всегда объединяющий фактор. Вспомните РСХД — какой прекрасный и нужный журнал был создан при этой организации, он издается и теперь, хотя это движение, насколько нам известно, давно прекратило свое существование.

НЕ ПРОПАДЕТ ВАШ СКОРБНЫЙ ТРУД!

Подводя итог своим размышлениям, хотелось бы еще раз сформулировать весьма простую и очевидную мысль. Существование трех молодежных журналов, о которых мы только что рассказали, — явление в высшей степени отградное и замечательное. Но этих журналов, конечно же, совершенно недостаточно, чтобы удовлетворить ту потребность приобщения к Истине, которая есть у русской молодежи, — ведь общий их тираж ничтожно мал по сравнению с количеством молодых людей, живущих даже в одной Москве, не говоря уже о всей России. Поэтому даже если «Встреча», «Фома», «Татьянин День» в скором времени перестанут существовать — по большому счету, никакой катастрофы не произойдет, если только опыт, знания и навыки, накопленные ими, будут преобразованы в издание нового журнала — качественного иного по своему уровню, актуального, интересного, а главное доступного не только узким кругам рафинированной молодежи, но и всем юношам и девушкам, живущим на необъятных просторах нашей страны. В самом деле, до тех пор, пока, как в нашем случае, журнал будет издаваться студентами для студентов, по принципу сами пишем — сами читаем, он обречен на «среднеуровневость». Это вполне понятно: студент — это тот, кто учится, а принцип любой учебы — это совершение ошибок и их исправление, то есть пространство журнала в таком случае будет оставаться полигоном для испытания творческих возможностей и журналистских способностей юных авторов.

Но как бы то ни было, главной заслугой нынешних молодежных изданий можно считать то, что они дали импульс для развития молодежной церковной журналистики, который при правильной постановке дела может быть преобразован в создание целого ряда изданий, отвечающих самым серьезным запросам современной молодежи. И когда эти издания появятся, можно будет сказать, что наш скорбный труд первопроходцев не пропал напрасно. Однако до тех пор пока этого не произошло, православные студенты-журналисты должны жить, а точнее выживать, и продолжать бороться за свое существование.

МОИСЕЕВ Дмитрий, II курс МДА

Мы все читаем понемногу...

ОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В ДУХОВНОЙ ШКОЛЕ

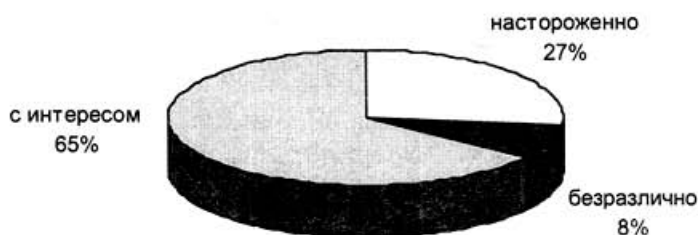

«Сколько людей, столько и мнений», — гласит народная мудрость. Однако такая наука, как статистика, призвана к объединению этого бесчисленного множества суждений в строгие рамки диаграмм, таблиц и графиков. Всем ясно, что наука эта не такая уж точная: очень многое зависит от того, где, когда, при каких обстоятельствах проходил опрос общественного мнения. Даже погода может повлиять на его результаты. И все же, при соблюдении основных условий можно составить практически реальную картину мнений по тому или иному вопросу, при полном спокойствии за их достоверность. При этом, можно получить

очень интересные и, порой, неожиданные результаты.

Нами был проведен статистический опрос, который ставил своей целью узнать, как относится современная верующая молодежь к православной периодической печати, что находит в ней интересного, в чем видит ее проблемы, как оценивает ее качество и т. п. Опрос проводился среди студентов Духовных школ Москвы и Санкт-Петербурга, то есть среди тех, кто решил посвятить свою будущую жизнь служению Церкви. Была опрошена почти третья часть всех студентов двух Академий и Семинарий. Предлагаем вам результаты этого опроса.

Рис. 1. Как Вы относитесь к православной периодической печати?

В первую очередь, мы решили узнать: каково в целом отношение студентов Духовных школ к православной периодической печати? В распределении ответов на этот вопрос у всех опрашиваемых студентов МДАиС и СПБДАиС наблюдалось полное совпадение, поэтому результат можно представить в виде одной диаграммы (см. рис. 1).

Как видно, 65% студентов — не прочь заглянуть на досуге в то или иное православное периодическое издание (обычно в то, что под рукой). Это большинство на вопрос: «Почему же все-таки с интересом?» — как правило, отвечает: «Желаю быть в курсе событий, обладать объективной информацией и знать актуальные проблемы, освещенные с точки зрения Православной Церкви». Конечно, были и более оригинальные аргументы в пользу «чтения с интересом». К примеру, один из воспитанников «с большим интересом читает православную периодику, так как очень желает ощущать жизненную атмосферу Церкви» (!).

Другую группу респондентов можно назвать настороженными читателями. Они не так многочисленны по сравнению с первыми (лишь 27%), зато более осторожны. Эта категория студентов опасается, и порой справедливо, что некоторые издания сеют соблазн, вынося «сор из избы». Вот что говорит по этому поводу один из опрошенных нами студентов: «Меня не устраивают методы, которыми пользуются некоторые «защитники Православия». К чему эта истерия? Не лучше ли спокойно разобраться

в обсуждаемом вопросе? Очень часто, когда у обличителя кончаются аргументы, в противника летят «банановые шкурки». Надо прекратить этот «зоопарк» — люди же смотрят!» Высказывается также недовольство тем, что многие издания не оперативны в подаче информации и весьма тенденциозны.

Оставшиеся 8% опрошенных довольно холодно относятся к православной периодике, аргументируя свое отношение недостатком времени или малой пользой от этого чтения.

Второй вопрос был призван выяснить, как часто мы обращаемся к православным газетам и журналам? Оказывается, нет среди нашего брата-студента такого, который вообще не читает православную периодику, даже несмотря на малую пользу от прочитанного или недостаток времени. Нет-нет, да и прочтет что-нибудь из периодики или, на худой конец, заглянет через плечо взмахивающему соседу.

Регулярность чтения в Московских Духовных школах заметно выше, чем в Петербургских — 29% к 19%. Вероятно, это связано с большей учебной загруженностью питерских коллег. Взять хотя бы зимнюю сессию — в Петербургской Семинарии ее всегда сдавали, в отличие от Московской, которая такого опыта не имеет. На такой результат, возможно, повлияли и другие причины. К примеру, светскую печать питерцы читают гораздо активнее, чем москвичи (об этом смотри ниже). Очень редко читают в Мо-

ске лишь 5% опрошенных, а Петербурге — 10%.

Остальные респонденты читают православную прессу от случая к случаю по причине, как считают многие, весьма скудного ее выбора в библиотеках. С одной стороны, с этим утверждением трудно не согласиться. Так, например, в МДАиС на доступных всем библиотечных столиках периодической печати лежат максимум пять наименований православных газет, да и то не первой свежести. Нет ни одного журнала, даже собственного издания (например, «Встречи»), хотя ее есть кому почитать: в Академию приезжает много заочников, абитуриентов, которым наверняка интересно узнать побольше о жизни Духовных школ, тем более, что тираж нашего журнала не так уж велик.

С другой стороны, в библиотеке МДАиС можно найти более 30 наименований православных газет из разных регионов — от Приморья до Литвы. Как правило, это епархиальные издания или приходские газеты, а общецерковных — более десятка. Точно такая же картина и с православными журналами — более 20 наименований, не считая информационных вестников и бюллетеней. Среди такой массы православных изданий есть также старообрядческая, карловацкая, католическая периодика и даже одна мусульманская газета. Проблема лишь в том, что большинство этих изданий не так доступны, их подшивки не найдешь на библиотечных столиках. Их нужно специально заказывать у сотрудника читального зала. Но многие даже не подозревают о

Рис. 2. Распределение интересов по тематике

столь богатом выборе православной периодики. Ведь в священные недра библиотеки обычным «смертным» студентам доступ закрыт, а списка всех современных православных периодических изданий, хранящихся там, не существует.

Очень жаль, что столь непродуманный порядок выдачи периодических изданий не позволяет студентам оперативно знакомиться с поступающей прессой. Ведь периодическая печать тем и отличается от обычных изданий, что должна быть предельно динамичной не только в плане выпуска, но и в чтении. Тот, кто пришел почитать полчаса свежую прессу, вряд ли будет долго стоять в очереди к окошку выдачи или ждать, пока освободится сотрудница читального зала. Скорее он возьмет то, что есть в наличии, а это, как правило, «Красная звезда» или «АиФ». Как говорится: «На безрыбье и рак — рыба». Так и остается наша православная пресса невостребованной, а около 70% студентов — без ее регулярного чтения.

Следующий вопрос, который мы задали студентам Духовных школ, показал, какие темы более всего интересуют читателей православной периодики (см. рис. 2).

Читатели периодики, в первую очередь, стремятся найти на ее страницах информацию о последних событиях церковной жизни (70–75%

опрошенных). Однако новости — не единственное, что привлекает в православных изданиях. Налицо большой интерес к богословским вопросам, духовным беседам, а также историческим материалам.

Анализируя интерес студентов по этим темам, можно заметить, как разнятся традиции Духовных школ. В Северной столице студенты-богословы имеют более отвлеченный тип мышления, и поэтому склонны к аллегориям, к вопросам теоретического, априорного характера. Их интересует, в первую очередь, богословская полемика, дискуссии, споры (72%), беседы о вере (56%) — своего рода Александрийская школа на берегах Невы. Тогда как в Первопрестольной традиции обучения напоминают Антиохийскую школу, с более свойственным ей эмпирическим характером исследований и склонностью к практическим наукам, таким как,

например, истории (55%), пастырскому богословию (45%).

Такой вывод напрашивается при более подробном анализе анкет, особенно если затронуть интерес студентов к историческим материалам (по другим темам такой четкой зависимости не наблюдается). Интересующихся наукой о прошлом в Московских Духовных школах почти в два раза больше, чем в Санкт-Петербурге (55% к 30%). Динамика же развития этого интереса в двух Семинариях чрезвычайно показательна.

Как видно из графика (см. рис. 3), у семинаристов Петербурга интерес к историческим материалам в период обучения падает с 66% в первом классе до 15% в четвертом. В то время как в Москве этот интерес стабилен с тенденцией к росту — к четвертому классу уже более 60% студентов МДС интересуются историей. Наверное, это связано с тем, что Московская Духовная Академия, которую еще в XIX веке называли исторической, сохраняет свои традиции и сегодня. Отрадно, что есть еще у нас преподаватели, способные заразить любовью к истории своих студентов.

Прежде чем перейти к оценке православной периодики, хочется отметить недостаток некоторых изданий, на который обращали внимание практически все респонденты, выражая разными словами одни и те же мысли. Вот что они говорят: «Вместо того, чтобы поддержать, вдохновить, православная периодика обрушивает на читателя шквал отрицательной информации: кругом одни масоны, сатанисты, сектанты.

Рис. 3. График интереса к историческим материалам

Рис. 4. Чему отдает предпочтение читатель при оценке православного периодического издания?

Зловещие фигуры врагов Православия на страницах некоторых православных газет заслоняют светлый образ Христа Спасителя. Часто читателю предлагают голые факты и оставляют наедине с ними. Может, кого-то такие апокалиптические новости подвигают к пламенной молитве, но чаще всего после прочтения такой газеты остается чувство подавленности и тяжелый осадок на сердце». Впрочем, студенты не только критикуют, но отмечают и положительные стороны православных изданий. Многих радует расширение круга обсуждаемых вопросов, появление специальных изданий (например, журнал для певчих «На клиросе») и приложений, детских журналов и так далее. Как отмечают многие, церковная периодика стала ближе к жизни.

Мы попытались выяснить, какие критерии читатели считают главными при оценке православного периодического издания (см. рис. 4).

Подавляющее большинство опрошенных считают главным актуальность тем, затрагиваемых в издании (85–87%). Это подтверждается и результатами предыдущих наблюдений (см. рис. 2). Вторым по важности критерием в оценке периодической печати стоит «согласие с мнением священноначалия». Многие выбрали его, судя по всему, как наилучший показатель «православности» издания. Петербургская школа, правда, отдала

меньшее количество голосов (48%) этому критерию, чем Московская (53%). В этом, наверное, сказывается либерализм Духовной школы Петербурга или большая удаленность от центра. Но в тоже время, и свободомыслие студентам-богословам Питера не по душе, за него лишь 13%, в отличие от Москвы, где смелую и независимую оценку выбрали 20% респондентов.

При более подробном анализе ответов на этот вопрос вырисовывается очень интересная закономерность между показателем «согласие с мнением священноначалия» и годами, проведенными в Духовной школе. (см. рис. 5).

Чем больше респондент пребывает в стенах Духовных школ, тем меньше он отдает предпочтение вышеназванному критерию при оценке православной периодики. Как объяснить такую закономерность? На первый взгляд, может показаться, что студентов старших курсов вообще перестало интересовать мнение священноначалия. Однако такая зависимость, скорее, свидетельствует о том, что за время обучения студенты часто из первых рук могут узнать позицию священноначалия по тем или иным вопросам. Поэтому им интересно бывает знать, что думают по этим же вопросам другие люди.

Когда мы решили выяснить, какие светские издания читают в Духовных школах, нас поразил их огром-

ный спектр. Среди нецерковных или околоцерковных людей существует довольно распространенное мнение о том, что студенты Духовных школ очень замкнуты, далеки от земных проблем, и поговорить с ними, кроме как о Небесном — не о чем. Но побывавши с кем-либо из семинаристов, эти люди, как правило, меняют свою точку зрения на противоположную. Верность этого утверждения доказывает и наш статистический опрос. Спектр светской печати простирается от газет типа «Мегаполис экспресс» или «Советский спорт» до сугубо специальной научно-технической журнальной периодики. Надо отметить, что в Петербургских Духовных школах читают светскую прессу значительно большее количество студентов — свыше 80% опрошенных, тогда как в Московских — чуть более 50%.

Хотя популярность прессы и зависит, в первую очередь, от того, что выписывает библиотека, есть среди семинаристов и такие, которые сами обеспечивают себя интересующей периодикой, не жалея своей мизерной стипендии. Итак, какая же пресса интересует студентов Академии и Семинарии? В Москве нет определенного предпочтения какому-либо изданию. Наиболее читаемые — «Российская газета» (около 20% опрошенных), «Советская Россия» (18%), менее популярны «Комсомольская правда» (8%) и «Московский комсомолец» (5%). В Питере разделение интере-

сов более строгое, большинство отдают предпочтение «Известиям» (более 40%) и «Аргументам и фактам» (более 30%).

Теперь поговорим о том, сколько студентов вообще не читает светскую периодику. Как выяснилось в процессе анкетирования, Духовные школы Москвы и Петербурга сильно разнятся между собой в этом вопросе (см. рис. 6).

В Петербурге на первом году обучения в Семинарии лишь 50% интересуются событиями в мире со страниц газет. Однако к четвертому классу Семинарии уже все студенты читают светские издания периодической печати. Видимо, сказывается месторасположение Духовной школы — в центре огромного города нельзя не быть в курсе событий. В Московских Духовных школах на протяжении всего времени обучения лишь около половины учащихся читают светскую прессу. В этом можно увидеть духовное влияние Троице-Сергиевой Лавры, на территории которой расположены МДАиС. В Санкт-Петербурге Духовные школы тоже соседствуют с Лаврой, но такого тесного общения они не имеют, тем более, возрождение монашеской жизни в Александро-Невской Лавре началось сравнительно недавно.

В заключение мы попытались выяснить, какие православные пе-

риодические издания пользуются популярностью в Духовных школах. По ряду предложенных в анкете газет и журналов было проведено исследование читательского спроса и выявлены десять изданий, получивших общее признание среди опрошиваемых. Студентам было также предложено оценить качество этих изданий по пятибалльной шкале. И вот каков результат нашего анализа (рис. 7 и 8).

По рейтингу читаемости (см. рис. 8) можно определить, какое количество опрошенных регулярно читает то или иное православное издание. Оценки же, выставленные студентами-богословами Москвы и Петербурга разным изданиям, в

основном совпадают, поэтому можно представить средний балл по двум школам (см. рис. 7).

Самым читаемым в Петербургских Духовных школах является Журнал Московской Патриархии, в то время, как его оценка в СПбДАиС составляет всего лишь 3,8 балла. Несмотря на то, что респонденты северной столицы невысоко оценивают это издание, однако обращаются к нему, как официальному органу Русской Православной Церкви, которому можно доверять в объективной оценке событий. В МДАиС оценка ЖМП оказалась выше (4,1 балла), но, как видно из рис. 8, он пользуется здесь значительно меньшим читательским спросом. Самым же читаемым изданием в Московских Духовных школах оказалась, как показал опрос, родная «Встреча». Наверное, в этом сказывается патриотизм и поддержка своего собственного издания.

Другие студенческие издания, как «Татьянин день» и «Фома» также пользуются вниманием студентов, особенно в Москве (см. рис. 8). Газета «Татьянин день» в МДАиС оказалась на втором месте в оценке качества (4,4 балла). А в северной столице второе место занял журнал «Фома» (4,3 балла), в то время как в Москве он оказался на седьмом.

Рис. 7. Средняя оценка православных периодических изданий по двум Духовным школам

Наименование издания	Оценка
1. Встреча	4,5
2. Русский дом	4,3
3. Татьянин день	4,2
4. Радонеж	4,1
5. Фома	4,0
6. Миссионерское обозрение	4,0
7. ЖМП	3,9
8. Русь Державная	3,7
9. Русский вестник	3,4
10. Русь Православная	3,3

Такие издания, как газета «Радонеж» и журнал «Русский дом» имеют достаточно высокий спрос среди читателей-студентов. Это видно как по рейтингу читаемости (см. рис. 8), так и по оценке качества (см. рис. 7). Что касается остальных изданий, вошедших в десятку, хочется отметить негативное отношение респондентов к газете «Русь Православная» (главный редактор К. Душенов). Об этом говорит и ее низкая оценка — 3,3 балла. Кроме этого, некоторые студенты подчеркивали свое резкое отношение к этой газете такими репликами: «Почему вы включили «Русь Православную» в список православных изданий?»

Из сопоставления двух рисунков (рис. 7 и 8) видно также, что про-

цент читающих какое-либо издание и его оценка не всегда совпадают. Наверно, это объясняется невозможностью для студентов Духовных школ достать именно ту периодику, которая их интересует.

Проведение такого опроса в Духовных школах двух столиц показало, как равнодушно относятся студенты к проблемам православной периодической печати. Многие не только делились размышлениями о православной периодике, но и предлагали свои пути ее развития на современном этапе. Ведь сегодня место православной периодической печати у нас в стране все больше заполняется совсем не православными изданиями, многие из которых отличаются высоким профессио-

лизмом, направленным, к сожалению, на распространение лжи, порока, греха. Роль же периодических изданий в жизни Церкви, как отмечают многие читатели-респонденты, очень велика. «Искренне верующий журналист может сделать многое, — сказал один из опрошенных, — часто простые слова, согретые сердечной теплотой, способны пробить отчуждение от Церкви, привлечь отпадших, укрепить колеблющихся, утешить страждущих». Действительно, слово журналиста — это оружие и, очень важно, куда оно будет направленно.

Хорошо налаженное, профессиональное издание — это голос Церкви в мире. Без продуманной информационной политики Ее голос будет никому не слышен. На сегодняшний день в нашей Православной Церкви не решена проблема периодической печати. Слишком много слабых мест: это и низкий профессионализм, и слабый художественный уровень, и нерегулярность выхода в свет, отсутствие специально подготовленных кадров церковной журналистики.

Может быть, гораздо важнее золоченых куполов наладить сейчас выпуск высокопрофессионального издания, которое могло бы удовлетворить разные слои читателей и явилось бы звучным голосом всей Русской Православной Церкви.

Михаил Первушин, 3 курс МДС

Рис. 8. Рейтинг читаемости православной периодической печати

«Ныне отпускаеши»

Торжественно. Неспеша.

муз. А. В. Бессарабова

mf Ны - не от - пу - ща - е - ши ра - ба Тво - е - го, Вла - ды - ко, по гла -

го - лу *f* Тво - е - му сми - ром, *tr* я - ко ви -

ускорить темп (легко)

дес - та о - - чи мо - и *p* Спа - се - ни - е Тво - е е -

же *tr* е - си у - го - то - вал пред ли - *p* - цем всех лю - дей, всех лю -

rit. неспеша, отчетливо

дей *tr* Свет во от - кро - ве - ни - е я - зы - - ков и *mf*

постепенно ускорить темп

Сла - - ву лю - дей Тво - их Из - ра - и - ля, и *rit.*

замедляя

mf сла - ву лю - дей Тво - их *f* Из - ра - *tr* и - р - ля.

Ревнитель духовного просвещения

К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ ПРЕОСВЯЩЕННОГО МИХАИЛА (ЛУЗИНА), РЕКТОРА МДА

Утром 20 марта 1887 г., в половине 5-го утра, с башни Воскресенского Собора Курска девять протяжных колокольных ударов возвестили о кончине местного владыки, Преосвященного Михаила (Лузина). Покойному было 56 лет. Четыре года он окормлял паству Курской епархии и, несмотря на непродолжительный срок, оставил о себе здесь добрую память.

Половину жизни Преосвященный Михаил (с 1850 по 1877 гг.) провел в Академии у Троицы. «Охотно ехал я в Московскую Академию, — вспоминал его современник, профессор Санкт-Петербургской Академии А. Л. Катанский, — она выдавалась тогда из рода других наших Духовных академий своей солидной ученостью. О Киевской у нас составилось почему-то представление как о не особенно симпатичной, проникнутой иезуитским духом; о молодой Казанской, как приближающейся к типу Петербургской. Московская обрисовывалась как строго ученое царство Филаретовского закала, своего рода русский Оксфорд, как ее называли иностранцы, посещавшие Россию.¹

В ней витали: дух Филарета, митрополита Московского; громадная ученость, необыкновенная сердечность и отеческая доброта тогдашнего идеального ее ректора, протоиерея Александра Горского; традиции знаменитых профессора-философа протоиерея Феодора Голубинского и патриарха Академической корпорации, составлявшего ее душу, первенца I-го ее курса (I-го магистра I-го выпуска 1814–1818 гг.), протоиерея Петра Делицына.²

В своем «Духовном завещании» владыка Михаил с особенной теплотой вспоминал свою alma mater, где он

провел лучшие годы и употребил на науку лучшие силы.

В «Духовной» он завещал Московской Академии 5 тыс. рублей, также как и Киевской, и часть своей ценной библиотеки.

На эти средства в МДА была учреждена премия его имени в 201 рубль за лучшие печатные труды наставников и воспитанников Академии по Священному Писанию.

ПИТОМЕЦ НИЖЕГОРОДСКОЙ СЕМИНАРИИ

Знаменитый богослов родился в семье причетника (церковного сторожа) села Шавы Нижегородской губернии. Год его рождения точно не установлен — 1829 или 1830 (в Архиве МДА называется первая дата).

Двадцати лет, в 1850 г., он окончил Нижегородскую семинарию. Его школьные годы падают на период ее нового подъема. Историк этой духовной школы А. Тихов отмечает: «Чрезвычайными мерами неусыпного ректора архимандрита Аполлония (Матвеевского; 1842–1851 гг.) семинария была выведена из упадка. Она стала благоустроенной, самой крупной и давала наиболее подготовленных в Казанскую Духовную Академию». ³ «Это, — добавляет профессор П. В. Знаменский, — отмечено ревизиями 1852, 1858 гг. из Казанского учебного округа». ⁴ «После вступительных экзаменов в Казанскую Академию, — продолжает Тихов, — Нижегородская семинария была признана лучшей в округе. Академия выразила даже особую бла-

¹ А. Л. Катанский. Воспоминания старого профессора // Христианское чтение, 1914, сентябрь. С. 1068.

² Там же. С. 1067.

³ А. Тихов. Краткая памятная историческая записка Н.—Н. семинарии // Н.—Н. Епархиальные ведомости. 1905 г. С. 56.

⁴ П. В. Знаменский. История КДА, вып. I. С. 143.

годарность семинарии за предоставление отличных студентов... Вообще, с конца 40-х гг. Нижегородская семинария дала Казанской Академии очень много выдающихся по своим способностям студентов».¹

Мы добавим — дала не только Казанской, но и столичной Санкт-Петербургской, где образовалась «могучая кучка» Нижегородских богословов:

1. А. Л. Катанский, доктор богословия, заслуженный ординарный профессор;
2. Федор Герасимович Елеонский, доктор богословия, заслуженный ординарный профессор;
3. Александр Иванович Садов, ординарный профессор;
4. Петр Иванович Ленарский — ординарный профессор догматического богословия, преемник Катанского.

Профессор Катанский, бывший учеником Духовной Семинарии при архимандрите Аполлонии, вспоминал: «Аполлоний был весьма замечательной личностью, в истории Семинарии составил целую эпоху... По необыкновенным административным способностям, по энергии и умению привести семинарию в блестящее во всех отношениях состояние был личностью вполне редкою, необыкновенною».² В другом месте тот же мемуарист пишет: «...всюду: и в классных комнатах, и в помещениях казенно-коштных воспитанников поражала необыкновенная чистота и порядок, полы были устланы половиками или толстым холстом, даже под партами».³ Даже П. В. Знаменский, называя ректора «самодурным хохлом», признает в нем человека, «сделавшего, впрочем, много доброго для внешнего устройства этой бедной и крайне грязной прежде семинарии»,⁴ когда ректором был болезненный и слабохарактерный архимандрит Иннокентий, уволенный по ревизии в 1842 году. По воспоминаниям Катанского, «среди преподавателей было немало очень даровитых людей. В то время еще не было почти поголовного бегства семинаристов в светские высшие учебные заведения, университеты и т. д.; для лучших учеников семинарии было заветною мечтою попасть именно в Академию, и они шли в Академию, и оттуда назначались учителями в семинарии. Вот почему большинство преподавателей Семинарии того времени были очень хорошими педагогами, добросовестно исполняли свои нелегкие обязанности, несмот-

Архимандрит Михаил (Лузин), ректор МДА, кон XIX в.

ря на крайне скудное жалование. Одним из самых выдающихся преподавателей был иеромонах Макарий (Миролюбов)⁵. Он преподавал в Нижегородской семинарии с 1842 по 1851 гг., как раз когда здесь учился Матвей Лузин — сначала философию, затем патрологию, еврейский язык, а по принятии монашества в 1846 году — богословские предметы.

Особо пристальное внимание в семинарии обращалось на проповедничество и письменные работы, что вполне отвечало духу времени.

Ректор архимандрит Аполлоний издал 8 томов лучших проповедей и письменных сочинений воспитанников. Им был оборудован физический кабинет с 53 физическими приборами на сумму 1039 руб. Под руководством ректора семинаристы собрали образцы почв и составили гербарий из 200 образцов Нижегородской флоры. Для семинарии были приобретены также геодезические инструменты.

⁵ Умер в 1894 г. в сане архиеп. Донского; тринадцатый магистр XIII курса (1842 г.) МДА.

¹ А. Тихов. Указ. соч. С. 57

² А. Л. Катанский. Указ. соч. С. 74.

³ А. Л. Катанский. Указ. соч. С. 349.

⁴ П. В. Знаменский. Указ соч. С. 326 — 327. Знаменский учился здесь в 1850 — 1856 гг.

Планы ректора на будущее были впечатляющими, однако в 1851 году он был уволен Казанской Академией за игнорирование ревизора, который в прошлом был изгнан из Нижегородской семинарии, но успел по принятии монашества в молодой КДА восстановить свою репутацию. Вероятно, властный ректор не поладил и с местным архиереем, Преосвященным Иеремией (Соловьевым), который, по воспоминаниям Катанского, был человеком также «непреклонного характера, проникнутым идеей величия епископской власти».¹

В АКАДЕМИИ «У ТРОИЦЫ»

Окончив Нижегородскую семинарию по первому разряду, Матвей Лузин едет в Москву. Академия представлялась провинциалу храмом науки и он испытывал перед ней не только священный трепет, но и страх, «тревожно размышляя о том, как он будет отдавать отчет в своих знаниях пред собранием учителей его бывших учителей...» «Попав в стены Академии, он чувствовал себя сначала крайне дико и переживал весьма тяжелые дни тревог и сомнений», — вспоминал абитуриент КДА П. В. Знаменский, выпускник Нижегородской семинарии 1856 г.² «Приготовление к приемному экзамену в Академии считалось делом очень серьезным и продолжалось долго...» Начальство в последнем классе даже освобождало кандидатов от некоторых классных занятий, чтобы они «протверживали всевозможные семинарские учебники, читали по разным наукам и другие, более обширные руководства... и подготавливались к новым языкам. Некоторые ретивые и трусливые юноши занимались так рьяно, что расстраивали свое здоровье и, выдержав приемный экзамен, прямо от экзаменационного стола направлялись в Академическую больницу. Почти все новобранцы приезжали в Академию робкими, застенчивыми юношами, боявшимися каждого своего шага, чтобы не проступить в чем-нибудь, готовы были кланяться даже швейцару...»³

Письменные экзамены были действительно весьма строгими и включали все предметы семинаристской программы, а также медицину и сельское хозяйство, которые были введены в 30-х гг.

В 1852 году абитуриенты писали сначала два сочинения-эспромта по Священному Писанию, а затем по

философии на тему: «Справедливо ли мнение древних, что есть душа мира» (последний — на латыни).

В Московской Академии, как уже упоминалось выше, в то время славились особой ученостью два мэтра богословской науки: протоиерей Феодор Голубинский (1791–1854) и протоиерей Петр Делицын († 1863). Первого по праву можно считать основателем академической философской школы. В 1828 году, горя желанием послужить Богу, Голубинский принял священнический сан. И, действительно, духовное звание носил достойно. Обратил много инославных в Православие, рационалистов и вольтерьянцев привел к вере, помогал из своего скудного жалования нуждающимся. Он написал «Взгляд на нравственную философию древних», «Введение в философию и метафизику», и «Онтологию». Вся жизнь его была полна горестями: он пережил тяжелую болезнь невесты, раннюю смерть жены, наконец, заразился холерой и умер в родной Костроме, прожив 56 неполных лет.

Патриархом Академической корпорации был первенец ее I-го курса протоиерей Петр Делицын. Вот что сказал о нем сам о. Михаил (Лузин), встречая в МДА в 1863 году своего земляка Катанского: «Вы приехали в тяжелую для всего нашего академического братства годину. Всего три дня тому назад мы опустили в могилу нашего патриарха, человека, который соединял всех нас воедино. Мы потеряли душу нашей корпорации. Что будет теперь с нами? Не знаю. Думаю, что наступит разделение и прежнего единодушия не будет».⁴

К голосу этих ветеранов академической науки прислушивались и начальствующие. Сам святитель Филарет Московский, нередко обращавшийся к ним по научным и административным вопросам, открыто выказывал им особое расположение. О. Феодор Голубинский, как истый философ, был малоопытен в делах административных (о его рассеянности ходили анекдоты), а о. Петр, как практик, принимал активное участие в жизни Академии. На нем, главным образом, лежало дело издания Творений Святых Отцов; профессора и бакалавры представляли ему свои опыты, а он, как большой знаток греческого языка, капитально переделывал их применительно к языку и смыслу Священного Писания.

Академист Е. Е. Голубинский вспоминал: «Как ни придешь, бывало, к Делицыну, он сидит в кабинете на своем страшно просиженном диване и поправляет переводы. В переводах иных наставников он не оставлял живого слова.»⁵ А преподавал он в Академии математи-

¹ А. Л. Катанский. Указ. соч. С. 71.

² П. В. Знаменский. Указ. соч., вып. III. С. 132.

³ Там же.

⁴ А. Л. Катанский. Указ. соч.

⁵ Е. Е. Голубинский. Воспоминания. Кострома, 1923. С. 135.

ку и носил, между прочим, арифметическую фамилию. «Знатока математики и отлично преподававшего, между прочим, слушали только два студента», — вспоминал другой мемуарист.

Как человек, Делицын был великий хлебосол, и квартира его постоянно была открыта для всех, желающих провести вечер, поиграть в карты, к которым он сам имел склонность», — добавляет Е. Е. Голубинский.¹

Одним из почетнейших профессоров МДА был Егор Васильевич Амфитеатров, племянник Киевского митрополита Филарета. Студенты слушали его с жадностью, ибо он обладал завидной дикцией, читал лекции неспешно, внушительно и с расстановкой. Как выражался Е. Голубинский, он имел «большую силу по начальству» после смерти Делицына.

По предмету Священного Писания читал архимандрит Феодор (Бухарев), известный толкователь Апокалипсиса, который он изъяснял в духе своего времени, то есть 60-х годов. Известно его сочинение «Об отношении Православия к современности». За «Апокалипсис» он пострадал; будучи переведен в 1854 г. инспектором в КДА, по воспоминаниям современников, имел большое влияние на молодежь.

Гражданскую историю читали авторитетные ученые Петр Семенович Казанский и Сергей Константинович Смирнов. Церковную историю читал о. Александр Горский, знаменитый исследователь святоотеческих творений и древних рукописей Синодальной библиотеки, основатель Московской церковно-исторической школы.

Такова была профессорская корпорация «Русского Оксфорда» в те годы, когда здесь учился будущий ученый, профессор архимандрит Михаил.

Академию он окончил третьим магистром XIX курса в 1854 г. В 1855 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: «О Крещении через погружение и обливание», которая была опубликована в Академическом журнале «Прибавления...» (1855 г., часть 14).

Еще студентом на IV-м курсе он принял монашество, в том же году был посвящен в иеромонаха, а по окончании Академии оставлен бакалавром по кафедре Священного Писания Нового Завета.

ПЕРВЫЙ ДОКТОРСКИЙ ДИСПУТ

Молодой преподаватель сразу привлек внимание студенческой молодежи. Е. Голубинский, поступивший в Академию в 1854 г., вспоминал: «Он читал нам весьма интересные лекции о Бауре и

Штраусе, то есть опровергал отрицательную критику Евангелия и, в частности, появившегося сочинения Ренана «Жизнь Иисуса» (наделавшего большой шум у нас и за границей по увлекательности изложения — В. Ю.).

При этом он и чтец был прекрасный, так что его лекции справедливо могут быть названы выдающимися. Поэтому его слушали с большим вниманием, чем кого-либо».²

Это тем более замечательно, что студенты, занятые письменными сочинениями, по которым определялось их место в списке успеваемости, почти не слушали профессоров, если вообще удостоивали их своим посещением. Катанский писал: «Мои слушатели заметили мое усердие и даже однажды поручили одному из товарищей сказать мне: «Зачем Вы так усердно занимаетесь составлением лекций, они у нас мало посещаются и ценятся. Ведь если бы ангел пришел к нам с неба и начал читать нам лекции, на первых порах мы бы, конечно, его послушали, сказали бы, что его лекции прекрасны, а потом все-таки перестали бы ходить к нему».³

О. Михаил прививал студентам любовь к научному чтению, к учебной работе, приучал разбираться в критической проблематике. «Это был искренний ревнитель духовного просвещения, и этот благородный пафос он умел передать своим ученикам»,⁴ — замечает о. Георгий Флоровский.

О. Михаил быстро делает ученую и административную карьеру: в 1855 году он — экстраординарный профессор, в 1860 году — архимандрит, в 1861 году — инспектор Академии, в 1863 году — ординарный профессор.

В конце 60-х годов была проведена радикальная реформа духовного образования. По новому Академическому Уставу 1869 года ученые степени должны были защищаться публично по напечатанным заранее трудам. Устав требовал, чтобы в звание ординарного профессора избирались только те, кто защитил докторскую степень. В соответствии с этим требованием, было предписано всем имеющим уже звание ординарного профессора в трехлетний срок озаботиться написанием докторской работы.

По этой причине некоторые профессора (Е. В. Амфитеатров и прот. Ф. А. Сергиевский) были вынуждены покинуть Академию. Остальные профессора, так сказать, «остепенились». Среди них был и о. Михаил, кото-

² Е. Голубинский. Указ. соч. С. 28–29.

³ А. Л. Катанский. Указ. соч. Ч. IX. С. 1087.

⁴ Георгий Флоровский. протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 355.

¹ Там же, с. 26.

рый представил на соискание докторской степени опубликованное им ранее сочинение «О Евангелиях и Евангельской истории» (по поводу книги Ренана «Жизнь Иисуса»). Его защита 9 декабря 1871 года была первым докторским диспутом в МДА, к которому был проявлен высокий общественный и научный интерес. В тихую «деревенскую» Академию прибыли митрополиты Московский Иннокентий и Киевский Арсений, известные ученые и общественные деятели: Гиляров-Платонов, Н. П. Аксаков и другие. Защита была блестящей. Соискатель отвечал и держался уверенно и даже с величавым достоинством. Он полностью завладел симпатиями многочисленной аудитории. Современник вспоминал: «Дав в этой речи меткую характеристику книги Ренана, о. Михаил с особенным ударением указывал на то фальшивое положение, в каком находится русский богослов-апологет, когда разбираемые им произведения отрицательной критики Евангелий стоят у нас под запретом, не допускаются к переводу, или в переводах заграничных лишь тайком ходят по рукам читателей, еще сильнее привлекая к себе внимание, как запрещенный плод... Он продолжал: «Нам нужно более полное и тщательное изучение Западной богословской науки во всех ее направлениях, а для этого нужно более, чем прежде, свободы и простору в этом отношении», — так требовал диссертант в духе 60-х годов. Эти горячие призывы о. Михаила были встречены громом аплодисментов, и весь зал единодушно устроил ему шумную овацию».¹

Прения велись серьезно и произвели хорошее впечатление. По окончании диспута ректор, собрав голоса членов Совета, объявил, что архимандрит Михаил признается достойным степени доктора богословия, а 13 января 1872 года Синод утвердил его в присужденной степени.

Так о. Михаил стал первым доктором богословия в МДА. Его ученая звезда находилась в зените. Вот что писал тот же студент Академии (1870–1874 гг.): «Большой знаток своей специальности, он предлагал нам интересные лекции из нескольких отделов исагогики и экзегетики, по многим отдельным вопросам он в широкой степени знакомил нас с новейшими взглядами Западноевропейской богословской науки, давая им основательный практический разбор. Произносил свои лекции громко, ясно, отчетливо, выразительно; мастерскими ораторскими приемами, придавая речи все желательные оттенки выражения. Если в чем можно было упрекнуть его, как оратора, то только в некотором мно-

гословии»², за что он получил от студентов незлое прозвище «водолей». Но это прозвище несколько не свидетельствовало о том, что он был плохой профессор. Вероятно, это был сознательный педагогический прием, ибо в своих книгах он не повторялся.

В 70-х годах профессора разделились на так называемых «симонистов» и «антисимонистов» (т. е. на сторонников и противников профессора Петра Симоновича Казанского). Жертвой этой распри стал о. Михаил. Он принадлежал к «антисимонистам». Уже на докторском диспуте о. Михаила против него выступил племянник П. С. Казанского, профессор Павел Иванович Горский, с язвительными и резкими замечаниями. Эти выпады в известной мере не имели непосредственного отношения к интересам науки, а были связаны с известной историей по поводу выборов на кафедру дяди оппонента профессора П. С. Казанского.

В «Православном обозрении» (февраль, апрель 1873 г.) тот же П. Горский обвинял о. Михаила, бывшего тогда в зените своей ученой славы, в заимствованиях из разных немецких авторов, а также в грубых ошибках при их переводе. И о. Михаил у студентов из «водолея» превратился в «знаменитого раввина Рабба».

Конечно, он «не был таким языковедом, как его оппонент, но умственный и научный горизонты его были несравненно шире, чем у оппонента. Недостатки о. Михаила были слишком преувеличены и раздуты»³, — свидетельствует знаменитый библиист, профессор М. Муретов. «Наш курс любил о. Михаила и уважал, называя его ласкательными «Мишель, Миша, Мишук»⁴, писал слушатель ХХХII курса (1873–1877 гг.).

Теперь обратимся к административной работе о. Михаила. Около 10 лет (1861–1870 гг.) он был инспектором Академии. В эти годы широко обсуждались проблемы преобразования Духовной школы. В 1866 году создан был новый комитет для разработки школьного Устава, формально под председательством Киевского митрополита Арсения. Обычно же председательствовал Нижегородский епископ Нектарий, бывший ректор Санкт-Петербургской Академии, а также большое участие принимали два архимандрита, члены этого Комитета — о. Михаил (от Московской Духовной Академии) и Филарет (Филаретов) — ректор Киевской Духовной Академии. На заседаниях комитета был вновь выдвинут отвергнутый прежде проект архиепископа Димитрия (Муретова) о разделении Семинарии на общеобразовательную духовную гимназию и трехгодич-

² Там же. Ч. II. С. 268.

³ М. Муретов. Годы студенчества // Богословский вестник, 1915, октябрь. С. 754.

⁴ У Троицы в Академии (1814–1914 гг.). М., 1914.

¹ Соколов. Годы студенчества // Богословский вестник, 1916 (5). С. 25–27.

ные богословско-пастырские курсы (несловные) закрытого полумонашеского типа.

Во время обсуждений «своим «особым мнением» о. Михаил вызвал недовольство всесильного обер-прокурора Д. А. Толстого, который освободил его от должности инспектора»¹, пишет архиепископ Николай (Зиоров).

Но, несмотря на это, когда в 1875 году скончался «папаша», как любовно называли академисты ректора о. Александра Горского, Синод назначил его преемником строгого инока, известного писателя, доктора богословия о. Михаила, несомненно, имевшего все права занять это почетное место.

ОН СОБИРАЛСЯ БЫТЬ ВЫДАЮЩИМСЯ РЕКТОРОМ...

О б о. Михаиле, как о ректоре, сохранилось неоднозначное мнение. К примеру, некий «студент 70-х годов» (как подписано в сборнике «У Троицы в Академии» это воспоминание) дает его личности и учености невысокую оценку. «Он не был человек ни прямого, ни сильного характера, ни деятельного, сделал две-три попытки ввести некоторые поправки в уставленный режим студенческой жизни, но и они оставались бесплодными; мы, студенты, почти не видели своего ректора и не могли проникнуться к нему сыновним уважением. Мы его не знали. А он ничего не предпринимал со своей стороны, чтобы поближе познакомиться с нами... Чаше всего мы видели Михаила на прогулке в Академическом саду: он имел обычай совершать двухчасовые моционы по длинной аллее сада... Как теперь, вижу его полную фигуру в клобуке и черной рясе, мерно, не торопясь, шагающего взад и вперед, с прихрамыванием на правую ногу (кажется, вследствие подагры)».²

Противное этому мнение также принадлежит студенту 70-х гг., М. Муретову: «Как профессор и потом как ректор, он был необыкновенно внимателен, приветлив и снисходителен. Мой номер находился на III–IV курсах под его квартирою. В начале месяца нам выдавалось по три рубля на чай, сахар и булку. Часть шла обычно на веселье. После ужина пели, иные, надрывая животы, старались кричать благим матом. Однажды, Михаил, раздраженный оранием и топотом студентов, заметил: «И что это у вас за козлогласие и горлодрание.

Особенно один кто-то: винтом-винтом так и завинчивает, всю душеньку вымотает. Ну, можно попеть после ужина, но уж не так свирепо. Можно и повеселиться сообща, хорошо встряхнуться, освежиться. Но не более раза в месяц. А то уж будет не выпивка, а пьянство».³ У самого о. Михаила в юности была история, и потому он, вероятно, и был так снисходителен к студенческой слабости.

Нам кажется, что за те два года, которые о. Михаил провел в кресле ректора, он просто не успел проявить себя, как администратор. Е. Е. Голубинский, в то время экстраординарный профессор, пишет: «Михаил собирался было быть выдающимся, хорошим ректором. Он решил было обуздать студентов от пьянства и бездельничанья и возвратить их к скромной, приличной и достаточно трудовой жизни... Он начал употреблять меры строгости по отношению к безобразиям. В числе временно исключенных им за пьянство был известный в настоящее время профессор богословия Харьковского Университета протоиерей Т. Буткевич. К сожалению, Михаил скоро переведен был по неизвестной мне причине в ректора Киевской Академии».⁴

В течение пяти лет (1878–1883 гг.) он был ректором КДА в сане викарного епископа Уманского. Здесь в 1879 г., к 25-летию профессорско-преподавательской деятельности, он получил звание заслуженного ординарного профессора. Тогда ему было только 50 лет.

А четыре последние года (с 19-го марта 1883 по 20-е марта 1887) Преосвященный Михаил был правящим архиереем в Курске. С основания Курской епархии здесь не было такого ученого владыки. Заветной мечтой его было закончить и издать полное толкование Нового Завета, после чего, по его словам, он мог бы умереть спокойно. Преосвященному, как истому труженику науки, нелегко было воздерживаться от работы над сочинением, сделавшимся для него целью жизни.

Неустанный труд и заботы по управлению епархией подточили здоровье владыки. Он скончался в расцвете своих духовных и творческих сил.

К сожалению, его мечтам об издании толкования на Новый Завет не суждено было осуществиться в полном объеме. Но до сих пор его «Толковое Евангелие» и «Толковый Апостол» остаются одними из лучших образцов русской экзегетики. Эти труды стали классикой богословской науки и увековечили имя создателя среди последующих поколений читающих и изучающих Новый Завет.

¹ Николай (Зиоров). *Архиепископ. Мои воспоминания о МДА*. Варшава, 1914. С. 7.

² У Троицы в Академии. С. 175.

³ М. Муретов. Указ соч., окт. С. 156.

⁴ Е. Е. Голубинский. Указ соч. С. 42.

Нить Ариадны

ВОСПОМИНАНИЯ А. А. ШОСТЬИНОЙ

Ариадна Александровна Шостьина родилась 3 июня 1905 года в Москве. Она была самым младшим, пятым, ребенком в семье. Жили Шостьины в Сергиевом Посаде на Вифанской улице, неподалеку от дома Флоренских. Пять лет Ариадна Александровна проучилась в сергиевской прогимназии, а затем, в 1919–20 гг., в связи с голодом и лишениями послереволюционных лет, вместе с матерью и старшими сестрами переехала в Смоленск.

Вернувшись в родной город, Ариадна Александровна завершила среднее образование. Тяжелое время заставило пятнадцатилетнюю девочку устроиться на службу, и с тех пор началась ее трудовая деятельность. В середине 30-х годов она поступала в Московский университет, сдала экзамены, но ее как советскую служащую не приняли, хотя «от станка брали даже с неудовлетворительной оценкой». Бывший профессор МДА С. С. Глаголев¹ посоветовал Ариадне Александровне поступать на

¹ Преподавал в МДА Основное богословие в 1892–1919 гг. Родился в 1865 г. Дата кончины неизвестна.

До нашего времени еще дожили люди, которым Промыслом Божиим было суждено стать как бы связующей нитью между двумя эпохами. Их историческое предназначение, видимо, заключается в том, что они своей жизнью связали дореволюционную и постсоветскую Россию и таким образом воссоздали целостность и преемственность народного самосознания. К таким людям, без сомнения, можно отнести и А. А. Шостьину — дочь одного из последних инспекторов МДА. В ее воспоминаниях запечатлелись картины из жизни дореволюционной Академии и многие выдающиеся личности, составившие в XX веке славу Русской Церкви.

заочное отделение географического факультета Ленинградского университета, куда брали людей ее общественного положения. В университете она училась долго. «Я не спешила: хотелось все знать». Работала она в Москве в службе Гидрометцентра, а летом на два месяца уезжала в город на Неве для сдачи экзаменационной сессии.

Война застала Ариадну Александровну во время одной из таких сессий. Выбралась она из Ленинграда чудом. После возвращения учебного заведения из эвакуации, она перевелась в Московский университет, который закончила в 1946 году. Ее оставили работать на географическом факультете. Ходила в экспедиции по европейской части СССР. Более сорока лет она проработала в университете и вышла на пенсию довольно поздно.

С 1933 года Ариадна Александровна постоянно живет в Москве, а с 1936 года является прихожанкой храма святого пророка Илии, что в Обыденном переулке.

К тому времени, когда была сделана аудиозапись ее воспоминаний (в 1996 году), Ариадна Александровна,

будучи уже в весьма преклонном возрасте, полностью потеряла зрение (глаукома), и частично — слух, однако, несмотря на это, она сохранила удивительно ясное сознание. Яркие детские впечатления глубоко врезались в ее память. Ниже мы приводим фрагменты ее воспоминаний, в которых сохранена ее живая речь — речь человека благоговейно пронесшего через свою многотрудную и долгую жизнь светлую память о встречах с удивительным людьми...

ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕШЬ

Вот как рассказывает Ариадна Александровна о своих встречах со старцем Зосимовой пустыни Алексием:

«Как-то в 1922-м году приходит ко мне дочка Голубцовых¹ — Нюрочка, и говорит:

— Аруся! Поедем со мной сегодня в Зосимову пустынь.

— Ну, поедем.

Собралась моментально. Была зима. Мы поехали. И как раз так получилось, что мы приехали в то время, когда батюшка вышел из затвора и принимал приходящих к нему... Это такое счастье! Господи, какой он был ласковый, какой он был светлый! Мы исповедовались, на другой день причастились. Это никогда не забудешь. Он был уже в схиме...

Потом в 1923-м году монастырь закрыли. Все монахи разлетелись, кто куда...»

Ариадна Александровна рассказала дальше, что однажды, находясь во дворе своего дома, она неожиданно услышала звук проезжавшей по улице пролетки. Верх пролетки был закрыт. «И вдруг, у меня вот так сердце забилось. (При этих словах Ариадна Александровна постучала несколько раз кулаком по столу — В.С.) Что такое? Я вскочила, обежала вокруг дома и вижу — эта пролетка уже через три дома от нас и въезжает в ворота. Оказывается, это ехал батюшка отец Алексий. Через три дома от нас жила одна дама — Верховцева, и она приняла его в свою квартиру... Большую комнату занимал отец Макарий, его келейник, а малюсенькую комнатку, там кровать стояла — отец Алексий занимал. Я на Пасху носила им куличи. А когда все начинало расцветать, я в открытое окно комнатки бросала цветы: сначала ландыши, потом фиалки, потом бубенчики, и так все лето бросала им цветы.

Мимо этого дома я ходила за водой. И вот иду однажды с коромыслом, с ведрами, а навстречу мне — отец Макарий! И вот он мне говорит (он немножко гнусавил):

¹ Имеется в виду семья профессора МДА А. П. Голубцова (1860–1911).

”Ариадна! Старец сказал наместнику (жившему неподалеку последнему наместнику Лавры, архимандриту Крониду, под началом которого считал себя о. Алексий): ”Вот, девушка носит цветы...“, и отец наместник разрешил тебе прийти на десять минут. Приходи в воскресенье в два часа“.

Я — как на небо улетела! Я так ждала этого воскресенья, прямо ни о чем другом больше и не думала. Конечно, не десять минут, а пятнадцать у старца наверняка была. Но потом больше-то его не видала.

В 1928-м году батюшка скончался. Мой день именин — 1 октября, а он умер 2 октября. Отпевали его в Петропавловской церкви. Поздно вечером я пришла туда, простилась с ним, а похоронили его на Кукуевском кладбище перед храмом, около алтаря. И там он был, кажется, до 1955-го, по-моему, года. А потом как-то прихожу туда, а могилки нет. Оказалось, его перехоронили на новое кладбище, за Переславской».

БУКЕТИК ГЕРАНИ

С особым умилением вспоминала Ариадна Александровна о своей встрече со Святейшим Патриархом Тихоном, которая произошла уже после закрытия Лавры в 1920 году. «...Он приезжал в Сергиево и служил в приходской Рождественской церкви всенощную. Там в левом приделе был образ «Утоли моя печали». И помню, после всенощной объявили, что Святейший завтра в 8 часов утра уезжает в Москву. Я решила идти провожать. Конечно, не спала, проснулась ранехонько. Были у меня цветочки в двух горшках на окошках — герани цветущие — белые, красные, розовые. Я эти цветочки оборвала, и вышел вот такой букетик. Завязала ленточкой и побежала на вокзал. Ни-ко-го. Тогда там было два вокзала — зимний и летний. Между ними платформа. Никого. Думаю: «Что ж такое? Неужели ошиблась?» Хожу, волнуясь, и, вдруг, смотрю — идут. Идет Святейший Патриарх в сопровождении какого-то духовного лица. Я очень обрадовалась, подошла под благословение, и передала ему этот букетик. Думаю: «Никого народа нет! Ничего не понимаю. Я думала, толпа народа будет. Ничего подобного! Я была единственный человек. Думаю, побегу к Голубцовым, у них народу много, кто-нибудь пойдет со мной. Бегом бежала, это порядочно, километра полтора. Не помню, кто из братьев со мной побежал. Прибежали. Они еще ходят по платформе. И вот, Святейший — с моим букетиком. Господи, не пренебрег таким моим букетиком! Мог отдать провожатому, а он ходит — с моим букетиком и с посохом. Мы опять к нему подошли и я снова взяла благословение. Скоро пришел и поезд александровский. Они сели и уехали. Это было мое первое благословение у Святейшего. А потом, когда уж он был под домашним арестом в Донском монастыре

(келья у него была около стены как раз на Донскую улицу), мы, кто интересовался, знали, что в два часа дня Святейший выходит на стену и благословляет тех, кто внизу под стеной ожидает его выхода.

А потом, когда Святейшего хоронили в Донском монастыре, мы поехали туда вместе со старшим братом Николаем. И представьте себе, какая тогда была нищета: от вокзала Ярославского до Донского монастыря ведь немалое расстояние, но у нас не было денег на трамвай, и мы шли пешком. И когда пришли, встали в очередь, которая шла почти от самой Калужской улицы, человек шесть в ряд, и так тянулась к самому монастырю. Люди обходили вокруг гроба и выходили. Постояли мы пять часов в очереди, попрощались со святителем — и опять обратно пешком».

«ОН БЫЛ ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК!»

Ариадна Александровна прекрасно помнит старую Академию и Сергиев Посад начала века. С большой любовью она вспоминает о своем отце Александре Павловиче Шостыне. Он родился 23 мая 1862 года в городе Касимове Рязанской губернии в семье диакона, а затем священника, отца Павла Иларионовича Шостына. По окончании Касимовского духовного училища Александр Павлович поступил в Рязанскую духовную семинарию. В 1881 году его послали учиться в Московскую Духовную Академию, которую он успешно закончил в 1885 году со степенью кандидата богословия. С тех пор начинается его преподавательская и ученая деятельность в нашей Академии. В июне 1890 года он защитил магистерскую диссертацию на тему: «Источники и предмет догматики по воззрению католических богословов последнего полустолетия».

Особую страницу в жизни Александра Павловича занимает его деятельность в качестве инспектора МДА с 30 октября 1907 года по 7 июня 1912 года. 21 февраля 1906 года «последовало определение Синода о временных правилах в виде поправок к Уставу 1884 года, которые даровали Академиям в значительной степени автономии. В частности: выборность ректора и инспектора...»¹ Согласно этому определению в 1906 году

инспектором был выбран заслуженный профессор М. Д. Муретов (1852–1917 гг.), которого вскоре сменил на этом посту профессор А. П. Шостын.

К своему новому церковному послушанию Александр Павлович отнесся с особым усердием и ревностью, вплоть до полного самоотвержения. Он отличался любящим и милующим сердцем, о чем свидетельствовали и сами его студенты: «Он очень хороший человек!» Ариадна Александровна рассказывала, что ее отец заботливо относился к студентам и часто ходатайствовал, чтобы им

не понижали отметку по поведению, так как это могло повредить их дальнейшей жизни. Однажды кто-то возразил Александру Павловичу: «Так ведь они нас не уважают!» Инспектор ответил: «Тогда я не могу нести мою должность», после чего написал прошение ректору освободить его от занимаемой должности. Владыка-ректор, прочитав прошение, скомкал его и бросил в урну.

В 1912 году «вышло такое постановление, чтобы инспекторами были духовные лица», и Александра Павловича сменил на этом посту архимандрит Анатолий (Грисюк) (1880–1938 гг.). В последние годы существования старой Академии инспекторскую должность занимал исповедник и выдающийся богослов архимандрит (впоследствии архиепископ Верейский) Иларион (Троицкий) (1886–1929 гг.), о котором у Ариадны Александровны остались самые теплые воспоминания.

Профессор Шостын был человеком талантливым. Его дарования проявлялись не только на учебно-педагогическом поприще, но и в области музыки. Он великолепно играл на скрипке. Ариадна Александровна вспоминает, что врачом МДА в те годы «был Аркадий Владимирович Танин², скрипач. А папа наш тоже был скрипач. Когда Танины у нас бывали, папа и Аркадий Владимирович играли в две скрипки, а мама — на рояле. Какие концерты устраивали!»

¹ Голубцов С., диакон. История МДА (1900–1919 гг.). Загорск. 1977. Т. 1. С. 22.

² А. В. Танин был врачом МДА в 1910–1915 гг. и 1918–1919 гг. Родился в 1874 г. Дата кончины неизвестна.

Профессор А. П. Шостын, 1909 г.

Покровский академический храм в 1913–1919 годах

Скончался Александр Павлович в довольно молодом возрасте. Ему было всего 53 года. «А болел папа всего только три дня. Нет, вообще-то, он болел много: пять раз — воспалением легких, два раза — воспалением почек, ездил лечиться на юг — на Кавказ или еще куда-то. Но смертельная болезнь длилась три дня. Что-то у него в ухе случилось, а тогда какой-то новый доктор появился в Сергиевом Посаде, и он пошел к нему. Мама говорила: «Не ходи к нему; мы не знаем о нем ничего...» Папа ответил: «Нет, он — специалист». Случилось заражение крови... И мы, конечно, очень горевали, нас было пять человек детей. Но теперь-то я думаю: слава Богу, что он скончался. Он не испытал ни тюрьмы, ни ссылки...»

Умер Александр Павлович Шостьин 11 января 1916 года. Его отпевали в академическом храме, а погребен он был на академическом кладбище, рядом с могилой В. П. Лучинина¹ (1845–1911 гг.). Духовенство МДА служило панихиды на его могиле вплоть до самого закрытия Академии в 1919 году. «Отец Игнатий², преподаватель, служил панихиду 40 дней на могиле папиной, а мы, дети,

пели панихиды. Когда он не мог — просил своих товарищей — отца Пантелеимона,³ отца Матфея⁴».

НЕ В ПРИХОДСКОЙ, А В АКАДЕМИЧЕСКОЙ...

Особый интерес представляют воспоминания Ариадны Александровны об Академии начала века. Тогда она была еще совсем ребенком, но тем не менее картины прошлого ярко запечатлелись в ее памяти.

«В здании Чертогов был актовый зал. А потом какие-то пустые комнаты по дороге к храму. И там же (в здании Чертогов — В. С.) жил ректор... С ним жил отец Симеон⁵... Когда владыка Феодор⁶ был в Тамбове, в семина-

² Иеромонах Игнатий (Садковский) (1877–1938 гг.) был помощником библиотекаря МДА в 1911–1918 гг. Впоследствии епископ Скопинский.

³ Иеромонах Пантелеимон (Успенский), преподавал патрологию в 1912–1917 гг.

⁴ Возможно, им был иеромонах Матфей (Олейник), студент МДА в 1912–1916 гг.

⁵ Архимандрит Симеон (Холмогоров).

⁶ Феодор (Поздеевский), епископ Волоколамский (1876–1948). Ректор МДА в 1909–1917 гг. Профессор кафедры Пастырского богословия.

¹ Лучинин Василий Петрович (1845–1911 гг.), был лектором немецкого языка в 1870–1911 гг.

рии, кажется, ректором, отец Симеон был инспектором. Тогда были такие брожения, и в ректора выстрелили. Хотели выстрелить-то в Феодора, а попали в Симеона, да в ноги, и они у него отнялись... И конечно, Поздеевский-то, считал себя обязанным — держал отца Симеона у себя, за ним ухаживали. Он ездил на коляске...»

Особые воспоминания у Ариадны Александровны связаны с Покровским академическим храмом. Ее родители молились всегда в академической церкви, поэтому можно сказать, что первые годы своей жизни с 1905 по 1919 годы Ариадна Александровна была прихожанкой нашего храма. На наш вопрос о том, помнит ли она дореволюционный храм, Ариадна Александровна ответила: «Ну как же не помнить?! Я помню два ремонта! Ведь сначала церковь была низенькая... Потом верх был поднят. И сначала были колонны по сторонам архиерейского места, а потом они были сняты, и сверху над иконостасом было сделано стеклянное окно... Прежде было сделано такое устройство, что над Царскими вратами поднимался образ Покрова Божией Матери в ризе с позолоченными металлическими лучами во все стороны. По пятницам его опускали, ставили на столик, прикладывались. По пятницам вечером была служба, и все прикладывались к этому образу. Потом его опять поднимали наверх».

Западная часть храма выглядела тоже иначе. «Вот там, где теперь в храме хоры, снизу был так называемый коридорчик, где стояли профессорские семьи: внутри коридорчика и перед коридорчиком на ступеньке. И двери были большие массивные со стеклом посередине... Сейчас — только столбики. А тогда были стены, и только посередине — двери. Ну вот, мы, дети, стояли в дверях, а у стены стояли профессорские семьи: наши родители, Тареевы и другие. Над окном был небольшой колокол...»

Как уже упоминалось выше, архимандрит Симеон (Холмогоров) жил в покоях ректора. «Он сам выезжал из Чертогов в храм... Теперь-то это музей (ЦАК МДА — В. С.), а раньше из этих дверей выезжал на колясочке отец Симеон. Мы всегда подходили к нему под благословение, и он останавливался у дверей (коридорчика — В. С.) на своей коляске и тут молился».

Богослужения в академическом храме отличались особой торжественностью. На правом и левом клиросе пели два студенческих хора. Ежедневно в пятницу вечером служилось всенощное бдение, во время которого «сам преосвященный ректор читал акафист Покрову Божией Матери и произносил поучение, а в пении, под руководством отца инспектора, принимали участие по возможности все молящиеся, которых собиралось тогда более 500 человек». Именно тогда и опускалась икона Покрова Божией Матери, которая находилась в иконостасе над Царскими вратами.

По воспоминаниям Ариадны Александровны, во время чтения шестопсалмия на всенощном бдении выключался свет в храме, и включались электрические лампочки, которые были установлены сверху в звездочках, нарисованных на сводах. Чтец становился посередине храма прямо под куполом и при свете этих «звездочек» читал установленные псалмы.

Непосредственными детскими впечатлениями наполнены воспоминания Ариадны Александровны о праздновании Пасхи в Лавре и Академии.

«...Бывало, нас, детей, спать укладывали перед заутреней. Просыпались мы или нас будят, гул такой стоит! — в «Царя»¹ звонят. Ох, какой был колокол! Царь-колокол! Прекрасный колокол. Это был самый большой колокол в мире! Но он был самый нежный, и говорили, потому у него такой мягкий и приятный звук, что очень много серебра в него влили. Звонит, гудит этот колокол. А над домом, который через дорогу, нам был виден крест колокольни, горящий... В нем, кажется, было две тысячи лампочек...»

Мы проснемся, станем, оденемся и отправляемся уже в храм. Мы всегда ходили не в приходский, а в академический храм... В 1914 году была построена новая ограда (с южной стороны МДА — В. С.). До нее была деревянная, а то сделали вот ту, которая теперь стоит, и тут же такие же ворота, такая же будочка сторожа... И около ворот, у этой ограды — фейерверк! Фейерверк устраивали. Как уж, кто это разрешил? Я бы не разрешила. Нам, детям, конечно, очень было интересно это...»

Служба церковная шла очень торжественно. Когда кончалась светлая заутреня, все шли поздравлять отца ректора, который с крестом стоял на амвоне. Не знаю, весь ли народ он благословлял или нет. Корпорация-то шла вперед. Мы прикладывались ко кресту, поздравляли, и шли вниз. Там была «профессорская комната»², где устраивался чай, пасха, кулич и, что нас, детей, очень привлекало, шоколадные конфеты... Потом мы спешили прийти к чтению Евангелия.

Чтение Евангелия происходило особым образом. Оно читалось во многих местах: в алтаре, на амвоне, на северной и южной сторонах храма и перед коридорчиком, где стояла корпорация.

Каждое Евангелие читалось на своем языке. Греческий, латинский, русский³, конечно, французский, немецкий, английский, я не знаю уж какие.⁴ Евангелия читались очень долго...

Каждое Евангелие читалось на своем языке. Греческий, латинский, русский³, конечно, французский, немецкий, английский, я не знаю уж какие.⁴ Евангелия читались очень долго...

¹ По воспоминаниям С. А. Волкова: «Этот колокол весом в четыре с лишним тысячи пудов в начале января 1930 года был сброшен с колокольни, разбит на куски и увезен на переплавку.» С. А. Волков. Последние у Троицы. М. — Спб., 1995. С. 276.

² Сейчас комнаты 33, 34 административного здания.

³ Имеется в виду церковно-славянский язык.

⁴ Евангелие на еврейском языке читал прот. Е. Воронцов (См. Волков С.А. Указ. соч. С. 128).

На западной стороне Евангелие читали перед раскрытыми дверьми коридорчика, в котором стояли профессора... Мы, дети, стояли тут же. Помню, как тут читал Евангелие болгарин иеродиакон Гавриил.¹ Он читал так, как, видно, у них полагається в Болгарии. Он как-то завывал, раскачивался в одну сторону, другую... Отец Гавриил был молодой еще, студент...

Весной 1919 года Академия была закрыта, «академический храм захвачен, закрыт и опечатан студентами Электрокурсов, созданных при Военно-Электрической Академии...»² В храме был устроен городской клуб, алтарь сломан, построены сцена и балкон. «В Академии устроили так называемое «Главное военное Инженерное управление» (ГВИУ), а в храме был устроен клуб. Не знаю, как могли, но городская молодежь туда ходила и танцевала. Мы там, конечно, в то время не бывали. А потом там было еще кино, и пожар случился... Ну, все это в молодости пережито».

После возрождения Академии Ариадна Александровна неоднократно посещала ее. Была и в новом академическом храме, который был возрожден в 1955 году.

Вспоминая внешнее устройство Академии, Ариадна Александровна упомянула о том, что когда-то Академию «ограждал деревянный заборишко, а нынешняя ограда была поставлена к 300-летию Романовых; она подходит к корпусу, который назывался инспекторским; на втором этаже была казенная квартира нашего отца, а под ним — эконоом, дальше — студенческие номера, потом библио-

Учебно-административный корпус

¹ Иеродиакон Гавриил (Мануйлов) был студентом МДА в 1914–1918 гг.

В связи с войной в 1918 году уехал в Константинополь, так как был турецким гражданином.

² Волков С. А. Указ. соч. С. 204.

Академическое кладбище

тека, больница, а потом — конюшня (или «пролетный ряд»), площадка гимнастическая»³.

Ректору и инспектору Академии предоставлялся личный транспорт. «У ректора была пара лошадей. Одну лошадь звали Плутарх, другую — Усердный. А у инспектора была лошадь под названием Грозный. Все они были черной масти».

Ариадна Александровна вспоминала также и об устройстве и особенностях академической территории. Она говорила, что перед академическим корпусом был сад, четыре кедра и душистый горошек. Был садовник, который ухаживал за клумбой, находившейся, видимо, перед аудиторским корпусом. Современного парадного входа в учебно-административный корпус не было. Главный вход располагался там, где сейчас находится вход в покои ректора МДА. Современные покои ректора занимали бухгалтерия, швейцарская и приемная.

Вдоль здания Чертогов были посажены цветы, а от Чертогов, от входа в квартиру ректора к забору — аллея сирени. У современной первой проходной были два двухэтажных домика с флюгерами. Там жили белые кролики. Вход в домики был через нору под землей.

После смерти Александра Павловича его дети стали часто посещать академическое кладбище. Ухаживали за могилкой, зажигали лампадку, пели панихиды. «За памятником⁴ от колокольни к зданию Чертогов была аллея могил. Позади памятника был похоронен ректор Сергей Константинович Смирнов,⁵ слева от него — Евгений Евстигнеевич Голубинский⁶, Дмитрий Федорович Голу-

³ Вероятно, на месте современного 50-го корпуса.

⁴ Этот существующий ныне памятник был построен в середине 1950-х годов. До 1918 г. там были отдельные памятники на каждой могиле.

⁵ Смирнов С. К., прот. (1818–1889 гг.), в 1878–1886 гг. был ректором МДА.

⁶ Голубинский Е. Е. (1834–1912 гг.). Профессор кафедры Истории Русской Церкви и Истории Славянских Церквей.

бинский¹, в сторону — Лучинин, наш отец, потом Смирнов², потом Спасский³, Муретов⁴...»

Ближе к колокольне находились студенческие могилки, но их было немного. Академическое кладбище было разрушено большевиками в 1918 году.

НЕ НАРУШАЙТЕ ЭТИКЕТ

Ариадна Александровна живо помнит людей, которые для нас уже стали частью истории, буквально легендарными личностями. Говоря о певческом даровании архимандрита Илариона (Троицкого), она умилительно вспоминала: «Какой он был певец! Как он пел соло «Чертог...» на Страстной неделе! Прекрасно!» Вспоминала она и о своей последней встрече с отцом Павлом Флоренским. «Встречались мы с ним, конечно, мало. Он служил в «Красном кресте» священником. «Красным крестом» мы называли общежитие медицинских сестер. Они вели полумонашеский образ жизни. В общежитии была церковь...»

А потом, уже в голодном 1919-м году, мы уезжали, в Смоленскую область, где жила мамина сестра. Там было как-то легче с питанием, чем в Москве. Мой брат, Сергей Александрович, остался, и его просили сдать квартиру (она была большая и пустовала) приехавшему из Москвы профессору Московского университета с семейством.

Отец Павел (Флоренский) преподавал тогда в ВЭТИ (Высший электро-технический институт) и писал книгу «Диэлектрики». Он приходил в семейство, которое жило у нас на квартире, и диктовал Софье Ивановне, супруге профессора, свои «Диэлектрики» — а она печатала. Он был в нашей квартире много раз, но тут мы не встречались...

Мой братец исполнял по дому тяжелые работы: колосил и носил дрова, носил воду за два квартала. Но когда его не было, то вместо него работала я. Однажды, идя за дровами, которые я наколола, в какой-то курташке, вся в березовых ошурках, в больших красных рукавицах, встречаю на лестнице отца Павла. Дама, вообще, не снимает перчатки по этикету. А у меня варежки все в березовых ошурках. Я снимаю их, конечно, со своих рук, чтобы поздороваться. А он мне говорит: «Почему нарушаете этикет? Не нарушайте этикет!» И пришлось мне опять натя-

нуть рукавицы на руку, чтоб поздороваться, не нарушая этикет. Это была наша последняя встреча с ним...»

Помнит Ариадна Александровна и отца Евгения Воронцова. «Он был специалист по еврейскому языку и считался настоятелем Пятницкого храма... Он был человек глубоких мыслей. Его проповеди были очень глубокими, необыкновенными, и слушать его можно было без конца...»

Помнит Ариадна Александровна и заведующего библиотекой МДА Константина Михайловича Попова, которого она характеризует как прекрасного библиотекаря.

Помнит она и других профессоров и преподавателей МДА. «Тареева Михаила Михайловича помню, Попова Ивана Васильевича помню. Очень он благородный был человек и жил от нас близко. Он бывал у нас. Туницкого Николая Леонидовича помню... Потом еще Александр Михайлович Туберовский. Он, как и отец, тоже был рязанский. Когда Академию закрыли, он уехал в Касимов, там женился и был священником в селе, где жили его родители, а потом, конечно, попал и пропал. Тареев, Туницкий, Попов, Туберовский — это были наши друзья».

Мирная кончина Ариадны Александровны последовала 16 июня 1998 года. В заключение хотелось бы сказать несколько слов об одном незначительном на первый взгляд событии, которое произошло за несколько лет до ее смерти. Во время ректорства Преосвященного Филарета (Карагодина), епископа Дмитровского (1992–1995 гг.) Ариадна Александровна передала в дар Академии икону Богоявления, родительское благословение ее отца, Александра Павловича Шостыина. Это был свадебный образ, полученный им при вступлении в брак в 1894 году. Долгое время эта икона находилась в красном углу квартиры Шостыиных в Сергиевом Посаде.⁵ Во время отпевания Александра Павловича она лежала на аналое академического храма, провожая его в последний путь, а затем перешла по наследству Ариадне Александровне. Теперь этот намоленный образ хранится в ризнице академического Покровского храма как свидетельство нашего духовного родства с Академией начала XX века, как знак нашего преемства, призывающий нас молитвенно помянуть почивших наставников наших.

Стасюк Владимир, III курс МДА

¹ Голубинский Д. Ф. (1832–1903 гг.). Профессор кафедры Естественнонаучной Апологетики, преподавал в 1854–1903 гг.

² Смирнов С. И. (1870–1916 гг.). Профессор кафедры Истории Русской Церкви, преподавал в 1896–1916 гг.

³ Спасский А. А. (1866–1916 гг.). Профессор кафедры Истории Древней Церкви, преподавал в 1893–1915 гг.

⁴ Муретов М. Д. (1852–1917 гг.). Профессор кафедры Священного писания Нового Завета, преподавал в 1878–1917 гг. Инспектор МДА в 1906–1907 гг.

⁵ Профессор Александр Павлович Шостыин. Некролог. Сергиев Посад. 1916. С. 65–66.

К. Е. Скурат,
профессор Московской Духовной Академии,
доктор Церковной истории

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин – отец Востока и Запада

Окончание. Начало в № 1 (7), 2 (8) и 3 (9) за 1998 г.

III. БОГОСЛОВИЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

4. МОЛИТВА (ПО ТВОРЕНИЯМ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА)

Совершенство сердца состоит в непрерывном постоянстве молитвы.

Из учения аввы Исаака
в изложении преподобного Кассиана. — 323.

В самом начале девятого «Собеседования», посвященного учению о молитве, преподобный Кассиан заявляет, что теперь он намерен, с Божией помощью, исполнить то обещание, которое дано было им еще во второй книге («О ночных молитвах и псалмопении». Глава 9) «Постановлений киновитян» — «сказать о непрестанной молитве» (323).

Преподобный Кассиан, прежде всего, говорит об условиях «горячей» — правильной молитвы, а затем о ее видах и «действенном проникновении к Богу». В этом его изложении подчеркивается необходимость выработки «непрерывного постоянства» молитвы.

Молитва должна быть чистой, задушевной, или искренней, и горячей. Для сего должно отложить всякое земное попечение, убежать от всех развлечений, пустословий или многословий, от шуток, «а более всего надобно исторгнуть с корнем расположение к гневу или уны-

нию и вовсе истребить пагубное разжение плотской похоти и любостяжания» (324). Прежде чем начать молитву, должно привести себя в такое состояние, в каком мы хотим быть во время молитвы. «Ибо дух наш во время своей молитвы необходимо получает настроение от предшествующего состояния и, молясь, возносится к небесному или погружается в земное теми же помыслами, какими занимался пред молитвою» (365).

Во время самой молитвы не надо стараться извлекать слезы, если они не текут сами собой. Искусственное исторжение плача приземляет молящегося, погружает вниз, низводит с небесной высоты, «на которой изумительный дух молящегося неуклонно должен быть утвержден» (343). Авва Антоний о стоянии на молитве говорил: «Не совершенна та молитва, в которой монах сознает себя или то самое, что молится». Преподобный Кассиан называет это мнение аввы «небесным», подчеркивая этим самым необходимость устремления молящегося к Небу всем своим существом (343–344).

Представить все виды молитвы невозможно без «чистоты сокрушенного сердца и просвещения Святого Духа». Их столько, сколько и состояний души. По мере преуспеяния в чистоте меняется и вид молитвы. Иначе молятся в веселии и иначе в печали, иначе — в безопасности и иначе — в спокойствии, иначе — при мысли о Страшном Суде и иначе — при желании и надежде на будущие вечные блага... (329–330).

Но при всех обстоятельствах подвижник однозначно должен вырабатывать «непрерывное постоянство» мо-

литвы, ибо в этом путь к совершенству сердца. «Как все добродетели стремятся к совершенству молитвы, так и сами они не могут быть твердыми и постоянными, если не будут соединены и скреплены оною. Как без добродетелей нельзя вполне приобрести постоянного молитвенного покоя, так и без этого покоя невозможно в точности исполнить добродетелей, споспешествующих оному» (323–324). На этом пути «непрерывного постоянства» большое значение имеет та молитва, с которой обращался к Богу псалмопевец Давид: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися* (Пс. 69,2). (См. о сем и выше: в изложении содержания девятого и десятого «Собеседований»). Эта молитва, исполненная горячей любви и расположения, не допускает в унынии до отчаяния в средствах спасения, а в веселии — до превозношения, утверждает в благодати смирения и простоты, сохраняет полноту духовных чувств, ограждает сонмом Ангелов, служит непреодолимой стеной для всех страстей и действий злых духов. Она полезна и необходима «во всяком состоянии». «Итак, молитва этого стиха с неослабным постоянством должна быть изливаема, чтобы избавиться от несчастий, а в счастье сохраниться от превозношения. Размышление об этом стихе, говорю, постоянно должно обращаться в твоей груди. Во всяком деле, или служении, или в пути не переставай воспевать его и размышлять о нем и во время сна, и во время обеда, и в последних потребностях природы. Это размышление сердца, сделавшись для тебя как бы спасительным образцом, не только сохранит тебя невредимым от всякого нападения демонов, но и, освободив от всех пороков земной нечистоты, приведет тебя к невидимому, небесному созерцанию и сообщит неизреченную и немногими испытанную горячность молитвы. Засыпай с размышлением об этом стихе, пока чрез постоянное упражнение в этом привыкнешь воспевать его даже и во сне. По пробуждении пусть он первый встречается тебе; во время бодрствования пусть он предваряет все помышления: когда встаешь с постели, пусть он заставляет тебя преклонить колена, отсюда пусть ведет тебя на всякую работу и дело, пусть он сопровождает тебя во всякое время; ты будешь размышлять о нем по заповеди законодателя (Втор. 6), сидя в доме, ходя по пути, засыпая и пробуждаясь; напишешь его на пороге и дверях твоих; и поместишь его на стенах твоего дома и во внутренних покоях твоей груди, так чтобы у тебя было это возвышенное пение, когда кланяешься на молитве, когда поднимаешься и когда приступаешь ко всякому необходимому употреблению жизни, пусть будет эта готовая и постоянная молитва» (356–361).

Существует четыре вида, или рода, молитв, указанных святым апостолом Павлом: молитвы, моления, прошения и благодарения: *Молю убо прежде всех тво-*

ⲠⲣⲠ Ⲓⲱⲁⲛⲛⲗ ⲕⲁⲥⲥⲓ ⲁⲛⲗ Ⲡⲓⲙⲓⲕⲁⲛⲓⲛⲗ

рители молитвы, моления, прошения, благодарения (1 Тим. 2,1). Молитва — это «умилостивление за грехи», посредством которого испрашивается прощение за сегодняшние или прежние беззакония. Моление есть «просто обет» Богу в чем-либо. «Если принесешь моление (обетное) Богу, — учит преподобный, — не умедли исполнить его». Прощение — это молитва за других или «о мире всего мира». Благодарение — выражение чувств «в неизглаголанном восторге» за Божии благодеяния. Все упомянутые четыре вида молитв необходимы и полезны всякому человеку. Но по причине различного душевного состояния первый вид более приличен начинающим, которые еще уязвляются «воспоминанием своих пороков». Второй — тем, которые, преуспевая в добродетелях, поднялись на ступень духовного совершенства. Третий — тем, которые «по любви и снисхождению» хо-

датайствуют за других. Наконец, четвертый вид свойствен тем, которые исторгли из своих сердец терния пороков и «чистым умом созерцают милости и щедроты Господни» (330–333).

Господь наш Иисус Христос Своим примером освятил эти четыре вида молитв. Он приносил молитву, когда говорил: *Отче, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия* (Мф. 26,39). Моление выразил в таких словах: *Аз прославих Тя на земли, дело соверших, еже дал еси Мне, да сотворю* (Ин. 17,4). Прошение — в обращении к Богу Отцу: *Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят* (Лк. 23,34). Благодарение — в словах: *Отче, хвалу Тебе воздаю, яко услышал Мя еси: Аз же ведех, яко всегда Мя послушаеши* (Ин. 11,42). Примеры эти показывают, что каждый вид молитвы можно творить отдельно. «Впрочем, в совершенной молитве они могут и соединяться, чему также научает пример Господа нашего, представленный в той пространной молитве, которую читаем в Евангелии Иоанна (гл. 17)» (334).

Краткое изображение состояния молитвенника на возвышенной и совершеннейшей ступени, когда он, объятый пламенной любовью к Богу, беседует с Ним, как сын с Отцом, дает преподобный Кассиан в изъяснении содержания молитвы Господней.

Обращение «Отче наш, Иже еси на небесех» показывает, что молитвенник исповедует свой переход из состояния рабства в состояние сыновства; отрывается от земной жизни, уводящей далеко от Бога, и стремится в Небесную Обитель Отца; свидетельствует, что не позволит себе ничего такого, что сделало бы его недостойным «высокого всыновления» (335).

Достижение высокой степени сынов Божиих тотчас обнаруживается в свойственной добрым детям любви, которая понуждает их искать славы Отца, а не своей пользы. Потому-то во втором прошении и говорится: «Да святится имя Твое». В этом прошении мы как бы следующее говорим: «Отче, сделай нас такими, чтобы мы могли разуметь величие Твоей святости, или удостоиться приятия оной, или, лучше, да открывается святость Твоя в духовной жизни нашей». А это исполняется только тогда, когда люди *видят добрая дела наша, и прославляют Отца нашего, Иже есть на небесех* (Мф. 5,16) (335–336).

Вторым прошением чистый ум умоляет: «Да приидет царствие Твое», пусть скорее придет «царствование Христа во святых», да прекратится власть злой силы и да истребятся смрадные пороки, пусть владевают благоуханные добродетели, наипаче — спокойствие и смирение. Есть здесь и просьба о Вечном Царстве, которое обещано сынам Божиим (336).

Устремленные к царству Божию взоры взывают в третьем прошении: «Да будет воля Твоя, яко на небеси

и на земли». Слова эти значат: «Да будут люди подобны Ангелам, и как они исполняют волю Божию на небе, так и все живущие на земле да творят не свою, а Его волю». Можно понимать их еще и так: «Отче! Через познание Тебя да спасутся все живущие на земле, подобно тем, которые пребывают уже на небе». Прошение сие произносится с полным чувством лишь те, которые веруют, что Бог все «устраивает к нашей пользе» (337).

Словами четвертого прошения: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» испрашивается тот «превосходящий все твари высокою своею святостью» «Хлеб», без которого невозможно «ни одного дня продолжать духовной жизни». Кто не принимает его сегодня — «днесь», «тот не возможет причаститься его и в будущей жизни» (337–338).

Пятое прошение: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» — обязывает быть милостивыми к ближним, если есть желание быть и самим помилованными. Нам отпустится столько, «сколько мы отпустим тем, кои причинили нам какой-либо вред своею злостью». *Суд без милости не оказавшему милости* (Иак. 2,13) (338–339).

Наконец, последние два прошения (шестое и седьмое): «И не введи нас во искушение Но избави нас от лукаваго» — означают не «не попусти нам когда-либо искуситься», а «не допусти нам быть побежденными в искушении», не допусти «искуситься от диавола сверх нашей силы, но *сотвори со искушением и избытие, яко возмощи нам понести* (1 Кор. 10,13)» (339).

Молитва Господня своим содержанием обнимает все необходимое для духовной — совершеннейшей — жизни. Потому преподобный Кассиан свои благодатные размышления о ней завершает так: «Видите, какой образ молитвы предложен нам от самого Судии, Коего мы должны умолять оною. Здесь нет прошения и даже воспоминания ни о богатстве, ни о почестях, ни о власти и силе, ни о телесном здравии или временной жизни. Творец вечности не хочет, чтобы мы просили у Него чего-нибудь суетного, маловажного и временного. Итак, тот нанесет величайшее оскорбление Его величеству и благодати, кто, презрев сии вечно благие прошения, захочет умолять Его о чем-либо скоропреходящем и тленном; такой человек маловажностью прошений скорее навлечет на себя негодование Судии своего, нежели привлечет Его благоволение» (339–40).

Если так молиться, как научил Господь наш Иисус Христос, то молитва будет услышана. *Вот какое дерзновение мы имеем к Нему*, — пишет святой апостол Иоанн Богослов в одном из своих Соборных посланий, — *что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас* (1 Ин. 5,14). И это потому, рассуждает преподобный Кассиан, «что иногда просим противного нашему спасе-

нию, и потому Бог, правильное, истиннее нас знающий нашу пользу, справедливо отказывает нам в том, чего просим» (347). Преподобный указывает ряд причин, (обуславливающих услышание Богом молитв. На одно из первых мест ставится им крепкая вера в милосердие Божие и надежда на исполнение просимого. Сомнение недопустимо. «Настолько молящийся устаивается быть услышанным и получить, насколько будет верить, что Бог на него взирает или может исполнить просимое» (344). К действенности молитвы также служат: согласие двоих или троих просить о каком-либо деле (Мф. 18,19); неослабное, неотступное, частое повторение молитв (Лк. 11,8) (к сему Преподобный «неослабно» возвращается, призывая молиться часто, хотя и кратко, «чтобы при нашем протяжении враг наветник не мог всевать что-нибудь в наше сердце». — 348–349); сопровождение молитвы делами милосердия и, вообще, исправление жизни (Сирах. 29,15; Ис. 58,9). Иногда спешествуют услышанию молитвы и «чрезмерные несчастья» (344–345). «Итак, видите, — завершает преподобный Кассиан свои размышления о причинах услышания молитвы, — сколькими способами снискивается благодать услышания, так что никто для испрошения спасительных и вечных благ не должен предаваться отчаянию от сознания своей греховности. Ибо смотря на свое убожество, положим, что мы вовсе не имеем всех вышеупомянутых добродетелей, ... но неужели не можем иметь и неотступности, которая всякому желающему удобна? Ради ее одной Господь обещал дать все, что будет просимо. Потому без колебания неверием надобно быть настоящим в молитвах и не надобно сомневаться, что постоянством их получим все, что будем просить у Бога» (345). Словами наставлений о непрестанности и неотступности молитвы преподобный Иоанн Кассиан начинает свое учение о молитве и ими же заканчивает.

5. ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН КАССИАН РИМЛЯНИН О ДУХОВНОЙ РАССУДИТЕЛЬНОСТИ И ДУХОВНОМ ЗНАНИИ

*Не безумно ли думать, что не требует
учителя труднейшая из всех наук, наука
духовная?*

Из наставлений аввы Серапиона
в изложении преподобного Кассиана — 196.

Раскрытию тем о духовной рассудительности и духовном знании преподобный Иоанн Кассиан посвящает два «Собеседования Египетских подвижников» — второе (аввы Моисея) и четырнадцатое (аввы Нестероя). Хотя они отделены в последовательном порядке другими «Собеседованиями», но по своему содержанию, характеру весьма близки.

Говоря о духовной рассудительности (или даре размышления), преподобный Кассиан хочет выяснить ее «превосходство, высоту и пользу» (187, 188). Она есть «величайший дар Божественной благодати». Приобрести ее одним человеческим тщанием невозможно (189). Это как бы некий укрепленный, главный город «между другими добродетелями» (187). И более того: «она есть мать, хранительница и управительница всех добродетелей» (191).

Так высоко ставил дар рассудительности, по сообщению преподобного Кассиана, святой Антоний Великий. Однажды к этому блаженному подвижнику пришли в пределы Фиваиды старцы для рассуждения о совершенстве. Собеседование продолжалось с вечера до утра. Каждый излагал свое мнение. Одни говорили, что самая большая добродетель, которая удобнее может приблизить к Богу, ведет прямым путем на верх совершенства, — это усердие к посту и бдению; другие видели ее в нестяжательности; иные полагали ее в отшельничестве; некоторые — в исполнении обязанностей любви, или человеколюбия... Выслушав всех, преподобный Антоний сказал: «Все это, о чем вы говорите, нужно и полезно ищущим Бога и желающим прийти к Нему. Но всем этим добродетелям отдать первенство не позволяют бесчисленные опыты и падения многих. Ибо некоторые часто жестоко сокрушали себя постом и бдением, пребывали в пустынном уединении, доходили до такой нестяжательности, что не оставляли себе и на один день пищи, и до того исполняли долг милостыни, что не оставалось у них имения для подаяния. Но после всего этого они жалким образом уклонились от добродетели и впали в порок. Что же было причиною их прельщения и падения? По моему мнению, не иное что, как недостаток в них рассудительности» (189–190).

Сущность рассудительности усматривается в исследовании всех мыслей и дел человека, в отлучении и отстранении всякого зла и неугодного Богу дела, в удалении от всякого обольщения. Она учит избирать в подвиге золотую середину — идти срединным путем, удаляться крайностей с одной и другой стороны — не обольщаться чрезмерным воздержанием и не поддаваться расслаблению, нерадению. В святом Евангелии дар различения называется «глазом и светильником души». Господь говорит: *Светильник для тела есть око. Если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло. Если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно* (Мф. 6, 22–23) (190). Духовная рассудительность — это «крепкая пища», свойственная тем, «которые навыком приучили чувства к различению добра и зла» (191). Очевидно, что дар рассудительности, или мудрости, есть духовная опытность, способная предусмотреть возможные последствия от тех или иных на-

мерений; есть своего рода опытный облагодатствованный хозяин, с умением пользующийся необходимыми средствами и материалом для созидания нашего «внутреннего дома» (191).

Так как духовная рассудительность имеет большое значение, и так как недостаток ее ведет подвижника к прельщениям и падениям, то ее необходимо приобретать. Хотя она и является даром Божиим, но и со стороны спасающегося требуется усилие и тщание к его получению. Приобретается истинная рассудительность истинным смирением, «коего первым оказательством» есть исповедание старцам не только всех своих дел, но и мыслей, а вслед за этим — полное подчинение их советам (194). Впрочем, преподобный Кассиан оговаривает, что авва Моисей не рекомендует открывать свои помыслы «кому бы ни случилось», а лишь духовным старцам, не седидами убеленным, а имеющим рассудительность. «Ибо многие, смотря на старость лет и открывая свои помыслы, вместо исцеления по неопытности духовников впали в отчаяние» (196). «Итак, — призывает преподобный Кассиан, — всюю силою и со всем тщанием мы должны стараться смирением приобрести себе благий дар рассудительности, которая может сохранить нас неврежденными от чрезмерности с обеих сторон. Ибо, как говорят отцы, крайности с той и с другой стороны равно вредны» (199).

Примеры человеческих «искусств и наук» показывают, что даже там, где мы видим, слышим и осязаем, необходим для нашего преуспевания учитель. Тем более он необходим в труднейшей из всех наук — в духовной науке, невидимой, сокровенной, созерцаемой лишь чистотой сердца. А знать ее нужно, ибо незнание духовной науки наносит не временный удар, а вечную гибель душе, вечную смерть. Духовная наука «ведет днем и ночью брань не против видимых, но невидимых и свирепых врагов, не против одного или двоих, но против бесчисленного полчища, от которого падение тем губительнее, чем злее враги и скрытнее нападение» (196). Эти мысли служат как бы связующим звеном между духовной рассудительностью и духовным знанием.

Если в наставлениях преподобного Кассиана о рассудительности на первое место ставится действие Божие, благодать Божия, то в размышлениях о духовном знании на первое место выдвигается активность человека, хотя, разумеется, при всех обстоятельствах не исключается благодатная помощь.

Знание бывает двоякое: 1) практическое, направленное к исправлению нравов, к очищению от пороков, и 2) теоретическое, состоящее в созерцании «Божественных предметов» и в познании «сокровеннейших истин» (420). Такой порядок в знании не случаен у преподобного Кассиана. Преподобный считает, что прежде

всего с прилежанием надо приобрести деятельное знание. Без него невозможно приобрести знание созерцательное. *Напрасно стремится к созерцанию Бога тот, кто не уклоняется нечистоты пороков. Ибо Дух Божий удалится от лукавства и не будет обитать в теле, порабощенном греху* (Прем. 1, 4–5) (420–421).

Само деятельное знание проявляется двояким образом: а) в познании свойств пороков для уврачевания от них и полного изгнания; б) в приобретении добродетелей — в «наблюдении порядка добродетелей», чтобы «дух наш усовершенсался в них» (421). В связи с этим оно многогранно «простирается на многие знания и занятия» (425). Одни видят деятельную жизнь в стяжании чистоты сердца в пустынном безмолвии, другие — в странноприимстве, иные — в попечении о больных, бедных, угнетенных... Отличиться во всех добродетелях одному человеку невозможно. Если бы он пожелал всех их вместе приобрести, то непременно впал бы в то, «что когда погонится за всеми, никакой вполне не достигнет, и от этой перемены и разнообразия больше потеряет, нежели преуспеет». Потому-то преподобный Кассиан дает четкое указание идущему к Богу: «Всякий должен с неуклонным вниманием к своему течению совершать тот путь, который однажды избрал, чтобы быть совершенным в каком-либо звании» (422–423).

Теоретическое или созерцательное знание обнаруживается в историческом (буквальном) толковании Священного Писания и в таинственном (духовном) разумеании его (425). Преподобный Кассиан предупреждает, что надо быть скорым на слышание, но медленным на слова. «Ибо иное иметь развязность на словах, а другое — проникать в сущность небесных глаголов и чистым оком созерцать глубокие и сокровенные тайны» (428, 429).

Для достижения «истинного знания Священного Писания» необходимо приобрести самое главное — «непоколебимое смирение сердца, которое усовершением в любви приведет тебя не к тому знанию, которое надмевает, а к тому, которое просвещает» (429). Неразрывно с этим приобретением соединено постоянное чтение Священного Писания, размышление над ним и прилежное заучивание его на память» (430).

Уразумев «тайны Божественного Писания», подобает сообщать их другим — «тем, которые в раскаянии о прежних делах угнетаются печалью и скорбью» (438). Сообщение это должно быть умеренным, мало-помалу, ибо сердцем действительнее воспринимается то, что «без чрезмерного утомления тела внушается ему» (439).

Бесплодным духовное учение бывает по двум причинам: или учащий «сам не испытал» того, что предлагает, или слушатель подвержен порокам. В первом случае слова будут пустым звуком, во втором ожесточенное

сердце не воспримет «спасительного, святого учения духовного мужа» (439).

«Итак, — утверждает преподобный Кассиан, — когда по этому учению, этим порядком будешь достигать духовного знания, то, без сомнения, будешь иметь, как мы сказали, не бесплодное, не бездейственное, но живое и плодоносное учение» (437).

Не преминул Преподобный отметить и то, что и злые люди достигают красоты речи, искусства состязания, но «в сущность Священного Писания, в сокровенный духовный смысл проникать не могут» (435). Духовное, истинное знание — это знание особое. От учености мирской, «которая осквернена нечистотою плотских пороков», оно настолько отличается, что «иногда удивительно процветало даже в некоторых незнающих языков и почти неграмотных» (436).

Достигнув, с Божией помощью, возможных для человека духовной рассудительности и духовного знания, и стараясь донести сие и до других, надо и в этом состоянии быть на страже. Поэтому преподобный Кассиан свои рассуждения заканчивает призывом, который так же назидателен, как и все другие его наставления. «Итак, — зовет он, — со всей осторожностью, сколько можешь, не увлекайся любовью к суетной славе, чтобы ты мог быть участником того, кого восхваляет пророк, кто *серебра своего не отдает в рост* (Пс. 14,5). Ибо всякий, кто слова Божии, о которых говорится: *слова Господни — слова чистые, серебро очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное* (Пс. 11,7), — преподает по любви к людской похвале, серебро свое отдает в рост, за эту похвалу не только не заслужит никакой награды, но еще подвергнется наказанию. Ибо он для того хотел расточать серебро Господне, чтобы от этого получить себе временную награду, а не для того, чтобы *Господь*, как написано (Лк. 19,23), *пришедши получил Свое с прибылью* (438).

Этим призывом Преподобного можно завершить и данное обозрение.

6. ХРИСТИАНСКОЕ ДРУЖЕСТВО В ПОНИМАНИИ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

Полное и совершенное дружество может пребывать только между совершенными мужами и одинаковой добродетели.

Из ответа аввы Иосифа иноку Герману — другу преподобного Кассиана. — 450.

Теме «О дружестве» преподобный Иоанн Кассиан отводит лишь одно «Собеседование» аввы Иосифа (в порядке «Собеседований Египетских подвижников» — под номером шестнадцатым). По объему оно

небольшое (всего 19 полных страниц — 448–467), но по содержанию многозначительно.

В человечестве существует множество различных родов дружбы, как различны и сами люди. Есть дружба по родству («на законе кровности»), по общности занятий, профессии, должностей, чинов, наук, искусств, по воинской службе, по инстинкту самой природы и даже по злодеяниям... Но большинство из этих дружб имеет конец или временные разрывы, и редкая из них длится всю жизнь. «Ибо часто прерывает и разделяет их расстояние мест, забвение от времени и другие причины. Ибо как они обыкновенно приобретаются разными союзами или корысти, или похоти, или сокровности и разных потребностей, так и расстраиваются по случаю встретившегося какого-либо раздора» (448–449).

Среди этого множества есть, однако, единственная дружба, которая не имеет конца: не пресекается ни расстоянием, ни временем, ни другими обстоятельствами, ни самой смертью. Это та дружба, которая обусловлена «одинаковым совершенством и добродетелью друзей». Скрепленный этим условием союз вечен. Если же бывает так, что наступает охлаждение между сторонами, «которые хотя из горячей любви ко Христу были связаны дружеством», то объясняется это тем, что равного усердия сторон не было. «Хотя оно одним великодушно и неутомимо поддерживалось, однако ж малодушием другого необходимо прерывалось» (449).

«Если и вы, — обращается блаженный Иосиф к преподобному Кассиану и иноку Герману, — желаете сохранить (дружество) ненарушимо, то вам надобно стараться...», и дальше указывается, в чем должно проявляться это старание и на чем основываться (450). Отмечается шесть оснований «истинного дружества». Первое основание лежит в отказе от земного богатства и всякого «вещизма». Ступивший на это основание восстанавливает то единство, какое свойственно было первохристианской общине. *У множества уверовавших было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее* (Деян. 4,32) (451–452).

Второе основание усматривается в ограждении и даже отсечении своей воли во имя последования мнению ближнего. Взошедший на сию ступень подражает Спасителю, своему Господу и Владыке, Который от лица воспринятого им человека говорит: *Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца* (Ин. 6, 38) (451–452). «Законом предписывалось, чтобы никто из нас не доверял больше своему суждению, нежели братнему, если не хотел никогда быть поруганным диавольской хитростью» (454).

Основание третье заключается в знании и крепком памятовании того, что должно предпочитать всему —

даже полезному и необходимому — мир и любовь. Стоящий на этой твердыне не опечалит чем-либо брата, зная драгоценность блага мира и помня слова Господа: *По тому узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35) (451–452).

Четвертое — видится в том, что гнев не допустим по всем причинам — справедливым и несправедливым. Укрепившийся на сем основании руководствуется рассудительностью и все движения гнева умиряет, по слову Соломона: *Глупый весь гнев свой изливает, а мудрый сдерживает его* (Притч. 29, 11). Он контролирует не только свои дела, слова, но и расположение духа, ибо знает, что Богом вменяется в вину и желание и намерение. Свойство же гнева таково: «Сдерживаемый, он ослабевает и утихает, а обнаруживаемый — более и более разгорается» (451, 465, 462, 459, 466).

Пятое основание состоит в уврачевании гнева брата на созидающего дружество. Утвержденный на сем знает, что гибелен не только гнев на брата, но в равной мере и гнев брата на него. «По какой причине допустит оставаться в себе или в другом скорби тот, кто вполне убежден, что не может быть справедливых причин гибельной гневливости непозволенной, и как может молиться, когда брат сердится на него, все равно как если бы сам он сердился на брата своего, всегда держа в смиренном сердце изречение Господа Спасителя: *Если принесешь дар твой к жертвеннику, и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, и прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5, 23–24). Никакой пользы не будет, если ты хоть уверяешь, что не гневаешься, и думаешь, что исполняешь эту заповедь: *Солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26), и: *Кто гневается на брата своего напрасно, тот подлежит суду* (Мф. 5, 22), а скорбь другого, которую мог бы укротить своею кротостью, по упорству сердца пренебрегаешь» (451, 452, 457–458).

Последнее — шестое — основание находится в памятовании смертного часа, в неизвестности переселения из этого мира. Оно надежно служит не только для сохранения ненарушимого дружества, но и для истребления всех пороков и приобретения добродетелей. «Как может и самую малую скорбь иметь на брата тот, кто верит, что он в каждый день во всякое время может переселиться из этого мира?» (451, 453).

Под всеми же основаниями дружества и над ними лежит и возвышается исполнение воли Божией. Если каждый исполняет не свою волю, а единую волю Божию, то не только прекращаются все несогласия и раздоры, но вырываются с корнем и причины их, а в братстве гос-

подствует любовь, которая по своему существу и есть единство воли (450).

Важно, что преподобный Кассиан, когда говорит о любви, то указывает и разные ее степени. Есть любовь, которая оказывается всем людям, в том числе и врагам (Мф. 5, 44; Гал. 6, 10). А есть «сердечное расположение», оказываемое лишь связанным одинаковостью нравов, общностью добродетелей, хотя само «расположение» многогранно: иначе любят родителей, иначе детей, братьев, сестер, супруги друг друга... «Это есть истинно упорядоченная любовь, которая, не имея ненависти ни к кому, некоторых больше любит по праву заслуг и которая хотя любит вообще всех, однако ж отличает тех, которых должно любить с особенным расположением; опять и между теми, которые пользуются высшею, особенною любовью, она отличает некоторых, которые пользуются еще большим расположением пред прочими» (456–457).

Все указанные основания дружества приводят к одному выводу: «У Бога сходство нравов, а не соединенное местожительство соединяет братий; и никогда не может ненарушимо сохраняться мир там, где бывает разность воли» (450).

Став на эти основания, христианин непременно воздвигнет крепкое здание истинной — вечной — дружбы.

7. БЛАГОДАТЬ БОЖИЯ ПО ВОЗЗРЕНИЮ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

Благодать Божия всегда направляет волю нашу в добрую сторону и способствует во всем так, что иногда и от нас требует или ожидает некоторых усилий

Преподобный Кассиан. — 413

К о времени преподобного Кассиана сложилось два противоположных взгляда на действия благодати Божией и активность человека в деле его обращения к вере и спасению: блаженного Августина, епископа Иппонского, и Пелагия (ересь пелагиан). Блаженный Августин учил, что человек в естественном — падшем — состоянии будто бы вовсе не может совершить чего-либо сообразного с Божией волей и за него все делает одна благодать. Пелагианство же отрицало благодать как Божественную силу и все усваивало свободному произволению человека. Преподобный Кассиан смягчает резкость взгляда блаженного Августина и избегает заблуждений пелагиан. По существу, он мыслит правильно о взаимоотношении благодати и свободы, хотя и говорит больше

о значении действия благодати Божией. Но и в этом случае у него никогда благодать Божия не противопоставляется свободе.

К теме о благодати Божией преподобный Кассиан возвращается неоднократно, но, по преимуществу, излагает учение о сем в тринадцатом «Собеседовании» — «О покровительстве Божиим (или о том, как благодать Божия содействует совершению добрых дел)».

Исходя из апостольских слов: *Даяй семя сеющему, и хлеб в снедь да подаст, и умножит семя ваше, да возрастит жита правды вашея* (2 Кор. 9, 10), преподобный Кассиан учит, что Бог «и начинает в нас добродетель, и совершает ее» (403). Промысл Божий «непрестанно предваряет нас» (407). Сама чистота целомудрия, столь важная в духовной жизни, «подаётся по милости благодати Божией» (385). Благодать служит «первой причиной» «дарования исцелений для изгнания бесов» (440, 439). Она же и сопутствует при всяком добром деле. «Усилия трудящегося, без помощи Божией, ничего не могут совершить» (402). Сам собою человек может желать добродетели, но чтобы эти желания осуществить, нуждается в Божией помощи, подобно тому, как и больному для выздоровления недостаточно одного желания (408). (См. также: 216–222).

Но при действии благодати Божией требуется приложение усилий и со стороны человека. «Нельзя думать, чтобы Бог не дал человеку желания и возможности делать добро, ибо иначе не дал бы ему свободного произволения, если бы он мог желать и делать только зло» (410–411). Благодать непрестанно влечет нас к добру, а мы должны со смирением ей покоряться, «чтобы, противясь ей, не услышать того же, что сказано было иудеям чрез Иеремию: *Разве, упав, не встанут и, совратившись с дороги, не возвращаются?* (Иер. 8, 4). *Почто отвратился народ сей в Иерусалиме отвращением упрямым? Они ожесточили выи свои, не хотят обратиться* (ст. 5)» (403). Промысл Божий не только предваряет нас, но и «сопутствует нам» (407), а чтобы кто-то нам сопутствовал — надо самим идти. Чистота целомудрия — от милости Божией, но стяжающему ее вменяется в обязанность строгость воздержания: голод, жажда, бдение, постоянный труд, неослабное усердие в чтении. «Всякий пусть знает, что он должен неумоимо упражняться в этих подвигах», хотя бы для того, «чтобы ради скорби их, приклонив милосердие Божие, удостоиться, по Божественному дару, освобождения от брани и господства преобладающих страстей» (385). Благодать исцелений даруется «избранным и праведным мужам за их святость» (440). Ленивым земледельцам, не ста-

рающимся «обрабатывать сохою свою землю, Бог не дает обильного плода» (402)... И искушения, полезные для добродетели, посылаются Богом в той мере, в какой может «вынести добродетель искушаемого» (414). Господь, «покровительствуя тем, коих веру хочет искусить, оставляет место и собственным их силам и воле (для заслуги), и искушает только тех, кои могут вступить в борьбу с искусителем» (415). Из примера сотника, о котором повествует святой апостол Матфей в восьмой главе своего Евангелия, видно, что и сама великая вера восхваляется Господом как заслуга человека. «Если бы сотник имел такую веру не от себя, то Христос напрасно хвалил бы то, что Сам дал, и Он сказал бы: «Я не дал такой веры и Израилю» (414–415) (В Святом Евангелии сказано: *И в Израиле не нашел Я такой веры.* — Мф. 8, 10). «Мы, — утверждает преподобный Кассиан, — должны с неослабным старанием и ревностью устремляться к подвигам добродетели и непрестанно упражняться в оных, дабы по недостатку преспеяния тотчас не последовало оскудение. Ибо в одном и том же состоянии ум не может пребывать, т.е. чтобы не получал приращения в совершенстве добродетелей, или не терпел ущерба в оном. Ибо не приобрести значит утратить: поелику оставляющий желание преуспевать в совершенстве не далек от опасности потерять оное» (277). «Изменению подлежат» даже высшие силы — небесные. Это явствует уже из того, что растлевшие свою волю отпали от их числа. «Ибо иное значит иметь неизменяемую природу, и иное — приобрести качество неизменяемости собственным старанием и силою добродетели, при содействии благодати неизменяемого Бога» (278). (Ср.: 287).

Таким образом необходим неослабный подвиг. Однако, здесь может случиться и опасность — переоценка своих трудов, завышенное мнение о них. «Человек не должен мечтать, что будто его труды привлекают благодать Божию, и что будто потому Бог благословляет его обилием плодов, что он трудится. Чтобы истребить в себе эту гордость, пусть он представит себе, что если бы Бог не укреплял его, то он не мог бы и трудиться, и что если бы милосердие Божие не спешествовало его действиям, то и желание, и силы его остались бы без действия» (402–403). Подобаает помнить, что «благодать Божия всегда дается даром, потому что за малые наши усилия воздает нам бессмертием и нескончаемым блаженством с неоценимою щедростью» (413). Как бы «ни были велики труды человеческие, все они не могут быть равны будущей на-

граде и не могут сделать благодать не туне даемою» (414).

Итак, в деле нашего спасения «участвует и благодать Божия и свободное произволение наше» (408). «Решительно утверждаю мнением не моим, — заявляет преподобный Кассиан, — а старцев, что вовсе невозможно достигнуть евангельского совершенства без усилий и трудов; также и этими одними трудами никто не может достигнуть совершенства без благодати Божией. Ибо как мы говорим, что человеческие усилия сами по себе не могут достигнуть совершенства без помощи Божией, так утверждаем, что только трудящимся и старающимся оказывается милосердие и благодать Божия» (150). Творец мира возбуждает в человеке желание добра, но «человек по свободному произволению может стремиться и к противоположному». Господь помогает в совершении добродетелей и в утверждении в них, но при этом не исключается и не стесняется свобода (419). Действующая благодать Божия как некая внутренняя спасительная сила исполняет человека духовным благоуханием, «превышающим всякую приятность мастей, составляемых человеческим искусством» (226), подает ему случаи ко спасению и устрояет благоприятные обстоятельства. Дело же человека «с большим или меньшим жаром или равнодушием принимать благодеяния Божии» (221). (См. также: 215–217, 223). Впрочем, ум человеческий не может в совершенстве постигнуть то, как всеблагая воля Божия проявляет нам постоянное покровительство и «как это спасение принадлежит и нашему произволению» (407–408).

Свои рассуждения о Божием покровительстве преподобный Иоанн Кассиан Римлянин завершает предостережением и одновременно советом: «Если же хитрословесным мудрованием выведено умозаключение, противоречащее такому понятию, то его более надобно избегать, нежели обнаруживать на разорение веры» (420).

* * *

Обозрение жития, творений и богословия преподобного Иоанна Кассиана Римлянина позволяет заключить, что как сама жизнь Преподобного была исполнена подвига, так и его наставления имеют, по преимуществу, аскетический характер.

Жизнь каждого подвижника складывается из двух периодов: периода борьбы и периода светлого состояния. Первый состоит в непрерывном трудничестве,

второй, как переживание результатов первого и продолжение его, заключается в мире, радости, любви, свойства которой описывает святой апостол Павел (1 Кор. 13, 4–8) «и которая состоит в одной чистоте сердца» (170).

Глубины духовной жизни неисчерпаемы, и потому подвиг во имя спасения многогранен — не для всех одинаков. Одному хорошо отшельничество, а для другого «оно не только бесплодно, но и губительно». Третьему киновия — святое избрание, а иному и ее нельзя рекомендовать. Что одному может быть трудно и даже невозможно, то другому «приобретенная привычка обратила в природу». Поэтому «каждому из нас, — советует преподобный Кассиан, — надобно наперед тщательно узнавать меру своих сил, и по этой мере браться за науку, какая нравится, ибо хотя все науки полезны, однако ж не могут быть все удобны для всех» (612).

Главное внимание, старание, труд должны быть направлены к тому, «чтобы дух всегда прилеплялся к Божественным предметам и к Богу». Все прочее подобает считать второстепенным, низшим. Лучшим образом представляется это на примере Марфы и Марии (Лк. 10). «Марфа хотя и святым делом занималась, так как служивала самому Господу и Его ученикам, а Мария, внимая только духовному учению, сидела при ногах Иисуса, целуя их, мазала маслом доброго исповедания; однако ж Господь предпочитает последнюю первой, потому что она избрала лучшую долю, и притом такую, которая никогда не может быть отнята у нее» (177).

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания / Пер. с лат. Репр. изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. — 654 с.

Избранные места из писаний св. Иоанна Кассиана Римлянина. СПб., 1908. — 58 с.

Феодор (Поздеевский), иером. Аскетические воззрения преподобного Иоанна Кассиана Римлянина (пресвитера Массилийского). Казань, 1902. — 338 с.

Феодор (Поздеевский), архим. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин: его жизнь и богословско-аскетические воззрения. Казань, 1908. — 14 с.

Светлаев М. Преподобный Иоанн Кассиан, его жизнь и аскетические творения и значение его в истории западного монашества. БВ, 1894, апрель. С. 164–167.

Торжество совести

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

А. С. Пушкин. Портрет работы О. Кипренского. 1827 г.

100 лет назад Министерством народного просвещения был издан циркуляр, согласно которому все священники-преподаватели Закона Божия к столетию со дня рождения Пушкина должны были отслужить панихиду по великому русскому поэту. Но в среде священноначалия это распоряжение вызвало неоднозначную реакцию. Одни архиереи наотрез отказались благословить совершение этих панихид, другие же, напротив, явились горячими сторонниками того, чтобы панихиды по Пушкину были непременно отслужены.

К числу последних принадлежал и епископ Антоний (Храповицкий), бывший в то время ректором Казанской Духовной Академии.

Мы публикуем в сокращении его слово, сказанное в Казанском университете перед панихидой по Пушкину 26 мая 1899 года.

Сегодня в разных концах нашего Отечества представители русской литературы и русского гражданства говорят о нашем великом народном поэте — Пушкине. Что скажет о нем служитель Церкви для духовного назидания? Ответ на такой вопрос нетрудно почерпнуть из общественного настроения сегодняшнего дня. Имя Пушкина привлекает русских людей самых разнообразных положений и возрастов: и старцы и юноши, и мужчины и женщины, и военные и гражданские чины — считают для себя дорогим и близким имя поэта. Где искать тому объяснение? Если бы мы были немцами или англичанами, то вполне правильное объяснение заключалось бы, конечно, в ссылке на народную гордость, на мысль о Пушкине как о виновнике народной славы. Но мы — русские, и свободны от такого ослепления собою. Если мы кого горячо любим все вместе, всем народом, то для объяснения этого нужно искать причин внутренних, нравственных. Спросим же свое русское сердце, что оно чувствует при чтении бессмертных творений нашего поэта? Думаю, что с нами согласятся все, если скажем, что стих Пушкина заставляет сердце наше расширяться, сладостно трепетать и воспроизводить в нашей памяти и в нашем чувстве все доброе, все возвышенное, когда-либо пережитое нами. Бывает так, что в минуты душевного утомления и апатии какой-нибудь отрывок из Пушкина вдруг поднимает в нашей душе самые сложные, самые возвышенные волнения. <...>

Читая драматические и лирические творения Пушкина, сколь часто каждый из нас узнает в них свои собственные душевные настроения, свои колебания, свои чаяния. Исключительное свойство художественного таланта Пушкина, столь глубоко захватывающего всю внутреннюю жизнь своего читателя, заключается именно в том, что он описывает различные состояния души человеческой не как внешний наблюдатель, метко схватывающий оригинальные и характерные проявления жизни и духа человеческого: нет — Пушкин описывает своих героев как бы изнутри, раскрывает их внутреннюю жизнь. <...>

У Пушкина мы видим живого цельного человека, хотя и подвергнутого какой-нибудь страсти, а иногда и подавленного ею, но все-таки в ней не исчерпывающегося, желающего с ней бороться, и, во всяком случае, испытывающего тяжкие мучения совести. Вот почему все его герои, как бы они не были порочны, возбуждают в читателе не презрение, а сострадание. Таковы его — скупой рыцарь, Борис Годунов, Анжело. Таков же и его Евгений Онегин, самолюбивый и праздный человек, но все же преследуемый своею совестью, постоянно напоминающей ему об убитом друге. Так самое описание страстей человеческих

в поэзии Пушкина есть торжество совести. Понятно теперь, почему нам жалко всех его героев, почему нам кажется, что хотя они и впали в тяжкие преступления, но они могли бы быть лучшими, и что мы сами чрезвычайно похожи на того или другого из них.

И долго буду тем народу я любезен,
 Что чувства добрые в нем лирой возбуждал,
 Что прелестью живой стихов я был полезен
 И милость к падшим призывал.

Как человек Пушкин был, конечно, таким же бедным грешником, как и большинство людей его круга, но все же он был грешник борющийся, постоянно кающийся в своих падениях. Лучшие его лирические стихотворения — это те, в которых он оплакивает такие падения, и те, которыми он выражал свое разочарование в ложных устоях тогдашней общественной жизни, его воспитавшей и затмевавшей в нем правила христианства еще в детские годы. Прочтите его стихотворения в дни годовщин Лицея, его признания в постоянной мысли о смерти («Брожу ли я вдоль улиц шумных»), его стихи к Филарету, или «Подражание Джону Буньяну», — и вы поймете, что только ложное воспитание, ложная жизнь ввела в служение страстям эту чистую душу, предназначенную не для них, не для условных целей жизни, но для чистой добродетели.

Все русское общество отобразилось в личности Пушкина. Пушкин понял, в чем ложь и в чем истина для него и для России. Понял, но далеко не всегда и не во всем следовал своим убеждениям: напротив, весьма часто вновь возвращался к служению страстям и предрассудкам и закончил свою жизнь ужасным преступлением поединка, который сам называл нелепым заблуждением слепого и греховного самолюбия. Подвергнувшись этому заблуждению, он совершенно освободился от него перед кончиной, умирал добрым христианином, в искреннем покаянии, и, надеемся, был принят в Небесное Царство, куда первым вошел раскаявшийся разбойник. <...>

Наш Пушкин, падавший, боровшийся и кающийся, до сих пор остается микрокосмом русского общества, так же,

как он, воспитанного в поклонении двум демонам (гордыни и разврата) вне Церкви, и так же, как он, постоянно слышащего в укор своих страстей и своей праздности немолчающий призыв, исходящий от своей совести, от окружающих нас остатков христианской культуры, и наконец, от нашей прекрасной пушкинской и послепушкинской литературы. К этой лучшей жизни, которой цель есть добродетель и нравственная свобода, призывает теперешнюю грешную Русь та Святая Русь, которую начал открывать великий поэт...

Архимандрит Антоний (Храповицкий)

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
 Вхожу ль во многолюдный храм,
 Сажу ль меж юношей безумных,
 Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
 И сколько здесь ни видно нас,
 Мы все сойдем под вечны своды —
 И чей-нибудь уж близко час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
 Я мыслю: патриарх лесов
 Переживет мой век забвенный,
 Как пережил он век отцов.

Мледнца ль милого ласкаю,
 Уже я думаю: прости!
 Тебе я место уступаю:
 Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту,
 Привык я думой провождать,
 Грядущей смерти годовщину
 Меж их стараясь угодать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
 В бою ли, в странствии, в волнах?
 Или соседняя долина
 Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
 Равно повсюду истлевать,
 Но ближе к милому приделу
 Мне все ж хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
 Младая будет жизнь играть,
 И равнодушная природа
 Красою вечною сиять.

1829 год

50 лет в Лавре

2 декабря 1998 года в день памяти святителя Филарета Московского в Большом актовом зале Московской Духовной Академии состоялся традиционный Филаретовский вечер. В этом году он был приурочен к празднованию 50-летнего юбилея со дня перевода Московских Духовных школ из Новодевичьего монастыря г. Москвы в Троице-Сергиеву Лавру. Торжественное собрание возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий. В этот день Его Святейшество служил Божественную Литургию в Трапезном храме Лавры, в котором ныне почивают мощи святителя Филарета Московского. На вечер были приглашены учащиеся первых курсов возрожденных Духовных Школ — те, кто начинал здесь свое духовное образование в 1944–1949 годах. Среди почетных гостей присутствовали митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим; митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай; архиепископ Брянский и Севский Мелхиседек; протопресвитер Матфей Стаднюк, настоятель патриаршего кафедрального собора в Елохове; архимандрит Кирилл (Павлов), духовник Троице-Сергиевой Лавры; Марк Харитонович Трофимчук, старейший преподаватель Московской Духовной Семинарии и другие.

Ученый секретарь МДА архимандрит Платон (Игумнов) подготовил актовую речь, посвященную истории перевода Московских Духовных Школ в Лавру. Зачитал ее, в связи с отсутствием автора, преподаватель иеромонах Тихон (Зайцев). Как известно, правительство разрешило возобновление духовного образования в нашей стране после знаменитой встречи в Кремле осенью 1943 года трех митрополитов Русской Православной Церкви: Московского Сергия (Старгородского), Ленинградского Алексия (Симанского) и Киевского Николая (Ярушевича) со Сталиным. 14 июня

НАМ ЦЕЛЫЙ МИР ОТЕЧЕСТВО НАМ...

ВОСПОМИНАНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ КУРСОВ МДА

Канули в лету времена, кагда вдали от Петербургского шума и суеты, в Царскосельском Лицее учились и воспитывались те, кто впоследствии прославил свое имя и свою школу многими славными делами на благо отечества. Конечно, Сергиев Посад это не Царское Село, а Академия не Лицей, но тем не менее есть много общего, что объединяет почти всех выпускников подобных учебных заведений.

За плечами годы совместной жизни, учебы, труда и духовного возрастания под кровом перподобного Сергия, годы, за которые студенты успели сродниться и стать одной семьей. Мы знаем, что у лицейстов была традиция собираться каждый год 19 октября, в день основания Лицея. Подобная же традиция есть и у выпускников МДА.

Сегодня мы хотим познакомить вас с наиболее интересными выступлениями, прозвучавшими на юбилейном Филаретовском вечере, посвященном 50-летию возрождения Московских Духовных школ (2 декабря 1998 года).

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим:

Я бы хотел остановить ваше внимание на том состоянии контраста, в котором находилось наше поколение. Возможность получить духовное образование и пойти путем своих предков для нас, детей довоенного времени, казалась несбыточной. И вот, когда по Москве пошел тогда еще неясный слух о том, что три митрополита были в Кремле и получили согласие правительства на открытие духовных школ (это было в сентябре 1943-го года) — мне не верилось! Однако 14 июля 1944 года, в день святого мученика Иустина Философа, все-таки состоялось открытие Богословских Пастырских Курсов и Богословского института. Среди тех, кто подал прошение о зачислении на обучение в духовных школах Бог судил быть и мне. Очень хорошо помню этот первый день, когда я пришел в Чистый переулок, и там, совершенно неожиданно для себя, был встречен келейником местоблюстителя архимандритом Иоанном. Он подробно расспросил меня, затем я поднялся на второй этаж, где была приемная комиссия.

Осенью начались нерегулярные занятия в очень трудных условиях. В Новодевичьем монастыре был отдан Лопухинский корпус, который одновременно был и квартирой ректора, о. Тихона (Попова), и профессорской, и аудиторией для студентов, там же проходили и заседания Совета. В нижнем этаже тоже были аудитории, а также столовая и кухня. По окончании занятий мы собирали со стола книжки и тетрадки и ставили (выданный по кар-

ПУСТЫНЯ, СЕРГИЕВ ПОСАД

точкам) очень скудный, но горячий обед. Спальни были в одном из хозяйственных помещений Успенского храма. Впоследствии храм был передан: сначала как библиотека, а потом как храм. Преображенская надвратная церковь, где начинались службы, уже стала домовым храмом. В таких чрезвычайно трудных условиях начиналась наша духовная школа.

Я был тогда студентом технического вуза, и Святейший Патриарх настаивал, чтобы я сначала получил диплом инженера, а потом шел в Духовную Семинарию. В первый год, действительно, я так и сделал, потому что занятия были еще очень нерегулярными, так как преподавали в основном приходские священники или кто-то из вновь пришедших после долгой гражданской службы, но закончивших когда-то Московскую, Киевскую или Казанскую Духовные Академии. На второй год я все-таки настоял на своем и пришел на первый курс Богословского института.

Через некоторое время пошел слух о том, что мы переезжаем в Троице-Сергиеву Лавру. Надо вам сказать, что того благолепия, которое мы видим сейчас, тогда, конечно же, не было. Лавра представляла собой обычное для того времени зрелище опустевшего, заселенного посторонними людьми монастыря. Монахи имели две комнаты у Святых ворот, где в одной они готовили пищу, в другой трапезовали, а жили в городе. Наместник, архимандрит Гурий (Егоров), снимал квартиру в Загорске, в доме Сарафановых, а второй наместник, архимандрит Иоанн, ежедневно ездил из Москвы в За-

1944 года в московском Новодевичьем монастыре открылись Богословский институт и пастырские курсы. В августе 1946 года Духовные Школы были преобразованы в Московскую Духовную Академию и Московскую Духовную Семинарию. А осенью 1948 года учебные занятия стали вновь проходить в древних стенах Лавры преподобного Сергия, на своем историческом месте, где Академия размещалась с 1814 года.

После актовой речи ректор МДАиС, епископ Верейский Евгений, предоставил слово почетным гостям. Их выступления, исполненные искренней любви к своей alma mater — Московской Духовной Академии, живо представили перед слушателями картину той многотрудной и в то же время благодатной жизни возрождающихся Духовных школ. Для всех присутствовавших этот вечер был очень важен и волнителен как встреча двух поколений — уходящего и грядущего. У некоторых иерархов при воспоминании о тех давних годах наворачивались слезы на глаза. Вечер явился еще одним свидетельством неразрывной преемственности, существующей в Духовных школах.

Святейший Патриарх Алексей подвел итог выступлений. Он поздравил всех присутствующих с этим знаменательным юбилеем и поделился воспоминаниями о своей учебе в Ленинградских Духовных школах, которая проходила в тот же непростой период конца 40-х — начала 50-х годов. Святейший Патриарх отметил необходимость для современной православной молодежи помнить о трудностях, через которые пришлось пройти старшему поколению служителей Церкви Христовой.

На торжествах присутствовал также глава администрации Сергиево-Посадского района В. Д. Гончаров. Он поздравил собравшихся с юбилеем и рассказал о перспек-

тивах сотрудничества и помощи администрации района Московской Духовной Академии.

В заключении вечера состоялся концерт духовных песнопений в исполнении хора воспитанниц Регентской школы.

Из истории Филаретовских вечеров

Традиция ежегодного проведения Филаретовских вечеров берет свое начало в 1951 году и связана с заботливым и внимательным покровителем наших школ Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием I (Симанским). Вначале Филаретовские вечера представляли собою беседы, живые слова Святейшего Патриарха Алексия I о митрополите Филарете. Незабываемые, глубокие, всегда новые патриаршие рассказы, из которых перед каждым присутствовавшим в зале вырисовывался величавый, живой, всегда назидательный облик святителя.¹

Чувствовалось, что последний проведенный Филаретовский вечер нес в себе живую атмосферу тех первых вечеров, проходивших под председательством приснопамятного Святейшего Патриарха Алексия I. Думается, что заслуга в этом, в первую очередь, принадлежит уважаемым гостям прошедшего вечера, которыми были старейшие воспитанники Московских Духовных Школ. Рассказывая на вечере о том времени, духовник Лавры преподобного Сергия архимандрит Кирилл заметил: «Это время было очень благоприятное и о нем остались самые светлые, самые радостные, благодатные воспоминания... Несмотря на все трудности, моральный дух у всех нас, воспитанников, был на весьма высоком подъеме, было единодушное, любовь, согласие и благородство душ».

¹ Прот. А. Останов. Сочинения. Т. 4. 1969. С. 154.

горск ранним поездом и возвращался обратно последней электричкой. Нам же, студентам, был предоставлен двухэтажный царский корпус — Чертоги, где росписи, барельефы были плотно закрыты многослойной краской, где мусор доходил до самых окон второго этажа. Все это видел Святейший Патриарх Алексий I, когда первый раз приехал в 1947 году для осмотра помещения. Кстати, при осмотре он указал нам свою комнату-келью, в которой он жил, будучи студентом.

Затем пошли, с большим трудом устраиваемые и согласованные, перемены. Постепенно, разгребая мусор, мы продвинулись в Чертогах до

пределов нынешнего храма, который был тогда кинозалом и городским Домом культуры. Поэтому вечерние занятия частенько проходили под музыку, которая доносилась из-за стены. В 1955 году был передан и храм. Святейший Патриарх совершил освящение с процессией перенесения мощей. До передачи храма всеобщую обычно служили в Чертогах, а литургию — в одном из храмов Лавры, который нам предоставляла братия.

Библиотека, которой сейчас все вы так свободно можете пользоваться, начиналась с мешка книг, которые принес Алексей Иванович Георгиевский. Это были его собственные книги, собранные им в те годы, когда хранить духовную литературу, мягко говоря, не рекомендовалось. Первые лекции были, как говорится, наощупь. Учебников у нас не было, мы слушали внимательно своих преподавателей и затем добавляли к конспекту ту литературу, которую ухищрялись достать или на рынке (иногда там попадались все же кое-какие богословские книги), или в скудной библиотеке.

Долгий путь прошла Московская Духовная Академия. Много вышло из нее священников с учеными званиями, много написано работ, которые, к сожалению, до сих пор не увидели свет (к примеру, первая магистерская диссертация архимандрита Вениамина (Милова) по аскетике. В то время для нас это было совершенно неожиданное торжество русского богословия. Мы тогда коллекционировали студенческие работы, среди них были и очень ценные. Хорошо бы составить авторефераты всех этих работ, сделать гласной нашу богословскую мысль за этот истекший период. Когда нам в международной работе приходится говорить: «У нас же есть школы, есть академии», то наши оппоненты или даже друзья за рубежом говорят: «А где они? Покажите.» Складывается впечатление, что у нас был застой богословской мысли в тот период. Нет. Первый магистр — архимандрит Вениамин. Второй магистр, которому тут же просили присвоить степень доктора, — отец Александр Державин, который все время после 1917 года работал над критическим исследованием житий святых святителя Димитрия Ростовского и представил на защиту огромную кипу машинописи. Всю жизнь отдал он этому богословскому исследованию. И в конце концов, мы должны почтить свято имена наших богословов, оказавшихся за рубежом, которые также продолжали развивать нашу богословскую мысль. Поэтому сейчас, когда мы отмечаем 50 лет со дня возрождения наших Духовных школ, я думаю, что стоит всем, и Ученому Совету нашей Академии, и каждому из нас подумать о том, как материализовать эти воспоминания для того, чтобы показать величие нашей Духовной школы, нашей Русской Православной Церкви, которая, пройдя сквозь огненные испытания, сохранила свою духовную силу.

Митрополит Нижегородский и Арзамаский Николай:

Ваше Святейшество, братья и сестры! Я рад приветствовать вас с пятидесятилетием возрождения Духовных школ. Пришел я в них в 1949 году. Раньше я не собирался быть священником, а хотел стать врачом. Но, к сожалению, после фронта я поступил только лишь в механический институт. В 1944 году начал иподиаконствовать у архиепископа Тульского Виталия (Введенского), в то же время учился в институте.

Конечно, то, что сказал Владыка Питирим, я не застал. Потому что в 1949 году весь мусор, который подходил ко второму этажу был уже вывезен. Я не застал и первого владыку Гермогена, а поступил при ректоре протоиерее Александре Смирнове. Так как у меня была кое-какая подготовка как институтская, так и домашняя, я собирался поступать на первый курс Академии. Но сдерживающая рука осадила мою спесь и посадила в третий класс Духовной Семинарии. Я этому рад и ничего практически не потерял.

Мы, конечно, в Семинарии жили тесно и того, что видим сейчас, не было. Храм у нас был надвратный, да и то, там служили только лишь Божественную Литургию, а вечерню и утреню служили в актовом зале этого Царского здания. Но что интересно, отстояв до восьми часов семинарскую службу, мы бежали в Лавру. В те времена в Лавре пел отличный мужской хор под управлением Лебедева, помощника Синодального хора. Были блестящие протодьяконы: Сергей Павлович Туликов, отец иеродиакон Иннокентий (Каледа) и другие. Отец наместник (потом митрополит Псковский) отличался тем, что очень любил пение и обладал великолепными легкими. Первый возглас «Благословенно Царство...» он тянул две минуты. Пусть кто-нибудь сейчас попробует это сделать, я думаю, что ни у кого не получится! Служба притягивала нас и давала то внутреннее удовлетворение, ради которого мы пришли в Семинарию. Перед нами прошла блестящая плеяда священнослужителей. Например, отец Димитрий Боголюбов, известный противосектантский богослов. Он преподавал нам сектоведение, имея возраст семьдесят четыре года. Мы застали старых служителей, которые передали нам что-то от доброго и хорошего старого. То, что давали, то, что вкладывали в нас наши преподаватели, останется на всю жизнь.

Мы благодарны всему педагогическому составу, благодарны Николаю Петровичу Доктусову, этому прекрасному человеку, на вид, может быть, суровому, но когда с него сходила суровость — это был блестящий собеседник с большим кругозором (он окончил Казанскую Духовную Академию, а Казанская Духовная Академия имела миссионерское направление). Был еще блестящий педагог, отец Александр Смирнов, но в 1949 он скончался. Ректор, отец Константин Ружицкий, был удивительный человек, с украинским юмором, с украинской хитринкой. Правда, кого-то уже нет, кто-то болен, но мы честно и добросовестно, не посрамляя памяти наших наставников, трудились и трудимся во славу Божию, во славу и достоинство Русской Православной Церкви. И вам желаем, чтобы вы, молодое поколение, которое придет на смену нам, продолжали это служение Правде, Истине, Церкви и нашему народу.

Стоявший у истоков возрождения Духовных Школ в России Святейший патриарх Алексей I был ревностным подражателем святителя Филарета в заботе о Московской Духовной Академии. Будущий патриарх, окончивший МДА в 1904 году, со студенческих лет глубоко почитал Московского святителя и посвятил ему свой первый богословский труд (кандидатское сочинение).

А по окончании Академии архимандрит Алексей начал собирать коллекцию личных вещей, принадлежавших некогда святителю Филарету. Ныне эта, приумноженная со временем коллекция находится в постоянной экспозиции Церковно-Археологического кабинета при МДА.

Однако, будущий первосвятитель неумолимо собирал не только личные вещи, но также и сведения о жизни и беспримерных трудах прославленного митрополита.

Поэтому неудивительно, что, начиная с 1951 года, Святейший Патриарх, неизменно произносивший при открытии ежегодного Филаретовского вечера вступительное слово, всякий раз открывал перед своими слушателями какую-либо новую малоизвестную страницу жизни или же богословского наследия святителя.

Особенно выдающимся и содержательным был доклад, произнесенный Святейшим на самом первом филаретовском вечере, в 1951 году.

Дав подробный обзор жизнедеятельности великого иерарха, патриарх Алексей поделился со студентами и преподавателями Духовной школы своим личным отношением к памяти митрополита Филарета. Он рассказал тогда, что благоговейное почитание святителя было воспринято им от родителей. И отец, и мать патриарха удостаивались в детстве благословения митрополита Филарета, который особенно хорошо знал семью ма-

тери Святейшего, Ольги Александровны Пороховщиковой, и даже неоднократно бывал у них в доме. Во время одного такого посещения митрополит благословил девочку небольшим образом Божией Матери. Впоследствии этот образ, перешедший по наследству к Святейшему Патриарху, был переделан им в панагию.

День тезоименитства митрополита Филарета 14 декабря (память праведного Филарета Милостивого) начинался в Троице-Сергиевой Лавре обычно литургией и панихидой над гробницей покровителя Академии в Духовском храме. Потом приезжал Святейший, начинался вечер. После канонизации святителя Филарета на Поместном соборе РПЦ в 1994 году вечера стали проводиться 2 декабря — в день памяти святителя. До этого события день преставления святителя отмечался панихидой у его могилы: учащиеся Семинарии и Академии приходили 2 декабря помолиться о упокоении приснопамятного владыки.

Как уже отмечалось, филаретовские вечера при Святейшем Патриархе Алексии I носили задушевный характер. Это были не торжественные акты и не ученые заседания, но вечера доброй и живой памяти о знаменитом архипастыре, ученом богослове, истинном христианине и замечательном человеке.¹ Помимо Святейшего владыки выступали с сообщениями и преподаватели Академии. Так например, на вечере 1964 года доклад об отношении митрополита Филарета к МДА прочел преподаватель иеромонах Матфей (Мормыль).²

Завершались собрания возгласением «Вечной памяти» присно-

¹ Прот. В. Смирнов. Святейший Патриарх Алексий I и МДА / БТ. 1986. Юбилейный сборник. С. 159.

² Протоиерей, проф. А. Останов. Указ. соч. С. 256.

Архиепископ Брянский и Севский Мелхиседек:

Ваше Святейшество, дорогие святители, отцы, братья и сестры! Все воспоминания, которые я слышал здесь, находят отклик в моем сердце. Все это и мною пережито, и я благодарю Промысел Божий, что Он дал мне соприкоснуться и воспринять жизнь Московских Духовных школ. Я поступил в первый класс Духовной Семинарии в 1946 году. Моему поступлению предшествовало немалое мое волнение, и я не думал, что меня примут, потому что у меня не было никакого образования ни одного класса. Приехать в Москву побудил меня старец протоиерей отец Григорий Лепин из Рязанской епархии. И вот я прибыл в Новодевичий монастырь и пришел к Сергею Васильевичу Савинскому, который тогда еще не был священником.

Первый раз, когда я приехал, меня решили с дороги накормить и отправили в столовую. Пришла группа певчих, которые стройно пропели молитву Господню «Отче наш», и меня проникла дрожь при пении этой молитвы и я заплакал, потому что я слышал кругом только насмешки, а здесь молодые люди такими красивыми голосами пропели молитву Господню. Открыто!

В то время я работал на военном заводе города Рoshаль Московской области, жил в общежитии в окружении современной молодежи. Я ходил в церковь и за это терпел много насмешек и много всяких утеснений. Пришел вызов сдавать экзамены в Духовную Семинарию. Как я готовился к этому дню! Многое читал, но был разочарован, что меня ни о чем не спросили на экзаменах из того, к чему я готовился. Письменной работой у нас было изложение. Прочитали притчу о милосердном самарянине из Евангелия. Я написал это изложение. Думаю: «Разве меня примут?» А потом приходит вызов, указаны законы, по которым я должен был получить с завода расчет. Сначала с работы не отпускали, но потом отпустили.

В семинарии тогда долго не прописывали, а в то время была карточная система и кушать было нечего. Два месяца жил без прописки и без карточек. Это было очень трудно. Правда, давали обед и ужин, но без хлеба было тяжело. Так прошли два года в Московской Духовной Семинарии в Новодевичьем монастыре.

Я все преподавание воспринимал с жадностью, как сухая губка. Мне казалось, что я хотел слушать еще больше и еще лучше. Я обратился как-то к Ивану Николаевичу Аксенову, жалуясь, что мало дают уроков: «Мне так хочется уметь отличать один глас от другого, как научиться скорее бы гласам?» Он говорит мне: «Дорогой мой, скоро будешь так отличать гласы, как черный хлеб от белого». Нравилось мне очень и преподавание церковного устава (Алексей Иванович Георгиевский). Я в течение года, можно сказать, выучил Типикон, и потом уже, когда стал священником, составлял Богослужебные указания. Надо сказать, мне очень нравилось преподавание в Московской Духовной Семинарии.

Уже вспоминали сегодня об отце Димитрии Боголюбове. Да, и я у него учился и всегда любил, когда он говорил. Отец Сергей Савинский был любимейшим моим профессором. Он потом стал ректором. Я у него учил катехизис. Он катехизис спрашивал строго, просто так ему нельзя было ответить. Если он начал беседу по катехизису, то она продлевалась до конца урока, пока он не исчерпает с разных сторон тему. Потом отец Сергей у нас

был преподавателем Догматического богословия. Это был мой любимейший предмет. Добрые воспоминания остались и о Владимире Семеновиче Вертоградове — профессоре Священного Писания Ветхого Завета. Отец Николай Никольский, очень яркий профессор. Помню, как он об апостоле Павле читал нам лекцию: «Апостол Павел, — говорил он очень громки голосом, членораздельно, — это личность исключительная в истории по своему характеру, таланту, воле и т. д.» Потом пришлось сочинение ему писать на тему: «Как создается оправдание христианина по учению апостола Павла в послании к Римлянам?» Я помню, писали это сочинение с прилежанием. Он мне написал в конце: «Автор тему понял и достаточно ее обосновал».

Вспоминаю в Новодевичьем монастыре аудиторию, в которой проводились уроки. По окончании занятий стелили столы и накрывали обед тут же, в аудитории, потому что другого места не было.

Я благодарен Московской Духовной Академии: в ней произросли добрые пастыри, которые верно проповедуют и учат Слово Божие. Наставники у нас были добрые, которым вечная память и упокоение в обителях Отца Небесного.

Архимандрит Кирилл (Павлов):

Ваше Святейшество, Ваше Высокопреосвященство, Ваше Преосвященство, Ваше Высокопреподобие, профессора и преподаватели Духовной Академии и Семинарии, студенты, воспитанники этих духовных школ и досточтимые гости! Прежде чем сказать пару слов, позвольте мне поблагодарить Господа Бога за то, что Он воззвал и призвал меня из темноты в чудный Свой свет и привел меня в учебное духовное заведение, ибо я происхожу из простой крестьянской семьи, никакого отношения к духовному словесию не имел и как дикая маслина привился к доброй маслине. Я благодарю Господа Бога за то, что духовные учебные заведения открыли мне глаза — я прозрел и уже по-иному стал относиться ко всему окружающему.

Мы поступили в Духовную семинарию в 1946 году. Многие из нас, поступивших тогда, попали «с корабля на бал» — с поля боя пришли в стены учебного заведения. Только что кончилась страшная война, много было пережито. И после всего этого мы, по милости Божией, оказались здесь. До этого было такое насилие, велась антихристианская программа, чтобы покончить с религией в нашей стране и храмы закрыть, а тут вдруг открыли Духовную Семинарию!

Я был демобилизован в мае 1946 года и прямо в военной форме пришел в Новодевичий монастырь. Узнал правила приема и, конечно, был весьма благодарен и обрадован, что моя заветная мечта сбылась. Сдали мы экзамены. Несмотря на то, что все предметы были для меня незнакомыми, но с Божией помощью я экзамены сдал благополучно и был зачислен в первый класс. Мы занимались в классах Новодевичьего монастыря, в храме. Надо сказать, что обстановка тогда была нелегкая: после войны разруха, была карточная система. Но несмотря на все эти трудности, моральный дух у всех нас, воспитанников, был весьма на высоком подъеме, было такое единодушие, любовь и согласие — благородство душ. Жили мы в подвальном помещении храма, нас было 18 человек, койки стояли так близко, что пройти было трудно. Сами и убирали, и зимой топили печи, но несмотря на это, атмосфера была весьма благоприятная. Мы в семинарии знали

памятному митрополиту Филарету, затем следовал концерт духовных песнопений и инструментальной музыки в исполнении существовавшего в то время музыкального кружка.

По окончании Филаретовского вечера, после ужина, Патриарх Алексий I, обыкновенно вместе со всей академической семьей молился в храме во время вечернего правила, слушал проповедь очередного учащегося и в конце преподавал благословение каждому из присутствовавших.

Нашу Академию иногда называют филаретовской, и это не преувеличение. Митрополит Московский Филарет (Дроздов; 1783–1867 гг.), несомненно, крупнейшая личность всей 300-летней истории школы. МДА стала в полном смысле слова детищем святителя. Он не только следил с любовью и вниманием за каждым ее шагом, но и определял направление и развитие, не утраченные и после кончины великого иерарха. Память его всегда с благоговением отмечалась в стенах Академии.¹

Филаретовские вечера имеют и дореволюционную предысторию. 18 и 19 ноября (1 и 2 декабря) 1917 года отмечалось 50-летие со дня кончины митрополита Филарета. Пожалуй, эти торжества были последней яркой вспышкой в жизни Академии перед ее закрытием. На вечере присутствовал нареченный Патриарх святитель Тихон (Белавин) и члены Всероссийского Церковного Собора. Был зачитан ряд докладов: ректора прот. А. П. Орлова «Митрополит Филарет и его отношение к МДА», профессора М. М. Тареева «Митрополит Филарет как богослов», профессора Д. И. Введенского «Митрополит Филарет как библеист» и профессора

¹ Свящ. А. Салтыков. Очерки истории МДА / БТ. 1986. С. 86.

А. Д. Беляева «К характеристике митрополита Филарета».¹

Итак, начало празднованию памяти святителя Филарета в Московской Духовной Академии богословскими вечерами положил святитель Тихон. Через 34 года традицию возобновил Патриарх Алексий I, после чего она не прекращается и доньше.

На последнем вечере под председательством Святейшего Патриарха Алексия II мы ощущали теплую атмосферу возрождения Духовных Школ, дошедшую до нас из прошлого. Сейчас, когда Духовные Школы находятся в стадии реформ, нам как никогда нужен опыт прошлых поколений. Надеемся, что святитель Филарет не оставит свое детище в сложное время реформ и будет руководить нами в своем молитвенном предстательстве пред престолом Господним.

Сергей Матюшин, 3 курс МДС

Урок истории

Ярким, нестандартным событием в цепочке однообразных семинарских будней стал для студентов Духовных школ день памяти святителя Филарета, митрополита Московского.

Слушая воспоминания учащихся сороковых годов, мы словно просмотрели кадры послевоенной семинарской кинохроники, повествующие о жизни Духовной Семинарии тех лет. Выступления, не отуженные долгой подготовкой, приковали всеобщее внимание, и три с половиной часа промелькнули, как увлекательный урок по истории. Их рассказы порой казались неправдоподобными: легко ли представить, что с Украины в Москву будущий семинарист ехал на крыше вагона, кто-то поступал в Семинарию, не имея ни одного класса образования, а письмо с просьбой

¹ Там же. Богословский вестник 1917 г., окт. — дек. С. 96.

только этот один храм, спальни и классы, других дорог не было: в город мы не выходили, телевизоров тогда не было, кино не было, никаких радио, ни музыки, словом, суеты мирской мы не видали. Поэтому в то время, действительно, Духовная Семинария соответствовала своему названию — духовная. Память о том времени пребывания в Новодевичьем монастыре осталась у меня на всю жизнь. Действительно, такая была духовная атмосфера, все были заинтересованы, старались побольше усвоить богословских знаний и тех знаний, которые необходимы священнику при его служении. Наши добрые наставники старались нам преподать все, что нам необходимо, чтобы из нас вышли добрые пастыри. Вечная память им. Все внимание у нас было обращено на духовное воспитание, чтобы мы были и грамотны, и чтобы мы духовно были не какие-то пастыри-наемники, а были пастыри-молитвенники. У нас было очень хорошо поставлено пение. Добрая память регенту Ивану Николаевичу Аксену. Я помню, как вся Москва съезжалась к нам, в Новодевичий, чтобы только послушать семинарское пение. В особенности, было многолюдно в пасхальные дни: колокольный звон, вся Москва приезжала освящать куличи. Это время было очень благоприятно, и о нем остались самые светлые, самые радостные, благодатные воспоминания. Благодарность нашим преподавателям, нашим профессорам, которые с усердием и любовью трудились и старались нам вложить, преподать все, чтобы мы шли на ниву Христову и верующим преподавали также все необходимое, чтобы людей вести ко Христу и к Царству Небесному. Такие преподаватели, как отец Николай Чепурин, отец Тихон Попов, отец Сергей Савинский, отец Дмитрий Боголюбов, Николай Иванович Муравьев, Николай Петрович Докторцев, Иван Николаевич Аксенов, отец Константин Корчевский, уже вот здесь отец Константин Ружицкий, отец Александр Ветелев, Алексей Иванович Георгиевский, Алексей Иванович Иванов — о всех этих преподавателях осталось только самое лучшее воспоминание и я от души желаю, чтобы Господь всем нашим добрым наставникам воздал добром и вселил их в светлые обители будущей вечной жизни.

Марк Харитонович Трофимчук, преподаватель МДАиС:

Ваше Святейшество, дорогой Владыка и все высокое собрание! Хочется сегодня сердечно поблагодарить Ваше Святейшество, что Вы этот праздник не только благословили, но и посетили. Это большая нам радость, потому что пятьдесят лет Московских Духовных школ, которые перешли в Троице-Сергиеву Лавру, — это большой юбилей. Это очень важно не только для бывших преподавателей, но и для всех учащихся. Мне тоже хочется вспомнить, как я поступал. Когда я прочитал

в газете, что Сталин принял Патриарха Алексия, то я подумал: «Наверное, будут школы». Я написал Патриарху Алексию такое письмо: адрес — «Москва, Патриарху Алексию»: «Если будут Духовные школы, прошу меня зачислить». Через некоторое время получаю письмо, но не от Патриарха, а от проректора Савинского, и он дает программу поступления. Я сразу все документы собрал и на поезд. В то время на поезде ездило очень много народу, поэтому никак нельзя было достать билетов. Сiju день —

никак. Смотрю, на крыше поезда люди едут. А что я, хуже всех? Поезд останавливается, я раз, на крышу запрыгнул, и так с Украины до Москвы. Холодно там, вечером уже на ступеньки спускались и ехали. Нам дали адрес: Б. Пироговская, Новодевичий монастырь. Я, конечно, догадался, что такое «Б.» и спрашиваю: «Где здесь больница Пироговская?», а они говорят: «Не знаем.» Никто не знает, где такая больница находится. Я тогда спрашиваю: «А где Новодевичий монастырь?» «Так он на Большой Пироговской». Я тогда понял, что «Б.» это не больница, а Большая Пироговская.

С Лаврой мы первый раз познакомились, когда учились в первом классе. Во втором полугодии, 9-го мая, в День Победы, мы поехали всей школой в Троице-Сергиеву Лавру. Выходим и идем, а сердце так и бьется — ведь это место, где своими стопами ступал преподобный Сергей. Каждый шел с таким подъемом. Сколько по этой земле шествовало людей, которые приходили к его мощам, прикладывались, приносили свои нужды, печали и радости. Переступаем порог, заходим в ворота Лавры, смотрим — одно запустение. Между современным Академическим корпусом и Успенским собором ничего не было, одна утоптанная земля, а бывшем здании Академии — педагогический институт, учащиеся которого гоняют мяч на территории Лавры с утра до вечера. Никакой даже травинки нет, деревья сверху посохли. Приехали мы сюда, помолились и после этого нас всегда тянуло в Лавру. Наконец, в 1948 году переехали сюда. Тогда все стены, которые опоясывают Лавру были заселены жителями. Вскоре после нашего приезда, идем мы к преподобному Сергию, а навстречу женщина с ребенком и говорит: «Вот смотри, дармоеды идут. Когда подрастешь, то их религию уничтожишь, и тех, кто верует тоже уничтожишь». Через некоторое время, когда мы стали учиться, уже пошли другие разговоры: «Как счастливы родители тех, кто учится в этой школе!» Уже другое отношение. Помню, когда мы были в Елоховском соборе у мощей святителя Алексия и пели тропарь «Во Иордане...», то говорят: «Смотри, комсомольцы приехали. Мы же знаем, что «Во Иордане...» зимой поется, а они летом запели!»

Мы хотя и переехали сюда, но академический хор еще два года пел в Москве, в Елоховском соборе. В субботу вечером или перед праздником собирався хор, шел на электричку и ехал. Перед всенощной службой делалась спевка и на второй день, на литургию, тоже приезжали.

Преподаватели давали нам не только учение, ни один преподаватель не приходил так, чтобы прочитать лекцию и уйти. Нет. Отец Димитрий Боголюбов в свое время говорил: «Если вы не выдержите, не сможете, идите в другой мир. Допустим, в милицию». Георгиевский говорил: «Вот, Академия — это река, и если вы будете себя плохо вести, то вот щепка грязная, и когда река течет, то она ее оставляет в стороне на берегу, а сама остается чистой. Так и с вами будет. Держите себя, как полагается.» И много было таких примеров, когда нам воспитывали преподаватели. Это очень полезно. Наука — наукой, а нравственность должна стоять на первом месте, потому что можно много знать, а делать не то, что нужно. Помню, у нас был преподаватель, бывший ректор, отец Тихон, он был совсем слепой. Матушка его водила в аудиторию, дежурный приходил за ним, и отец Тихон давал такую бумагу, на которой написано, кто должен отвечать. Никто его не обманывал, все честно отвечали и даже те, кто не выучил.

Все выпускники нашего курса принесли Церкви пользу: несколько митрополитов, архиереи, священники. Поэтому хочется вам пожелать, чтобы вы вспоминали, как было тогда трудно, и все же мы достигли чего-то. Дерзайте и вы.

принять в Семинарию отправляли по адресу: Москва, Патриарху. Но это — реалии того времени, и низкий поклон всем маститым «студентам» за их искренние выступления, которые сделали Филаретовский вечер удивительно теплым и надолго запоминающимся.

Максим Каплун, 4 курс МДС

Спасибо всем!

По сложившейся традиции неотъемлемой частью каждого Филаретовского вечера стал концерт учащихся Регентской Школы, во время которого выпускники сдают один из своих самых серьезных и ответственных экзаменов.

Сколько труда вкладывается в каждое из исполняемых произведений! Сколько радостей и огорчений испытывают регенты и певчие за время почти ежедневных многочасовых спевок в течение нескольких месяцев предварительной подготовки! А в этом году, немного ранее, Регентской Школой был также подготовлен вечер памяти диакона Сергия Трубачева, поэтому времени для подготовки к Филаретовскому дню оставалось значительно меньше, чем в прошлые годы. Но тем не менее и преподаватели, и учащиеся мужественно трудились, ежедневно репетируя в холодном актовом зале.

И только под внимательным руководством заведующего Регентской Школой иерея Леонида Горячева и благодаря таланту таких замечательных преподавателей, как Родионов А. А., Романенко С. И., Стальская Л. Г., Шишкина Л. В. и других наставников, трудившихся над подготовкой к концерту, мы получили возможность услышать замечательные церковные пенепения. Спасибо всем!

*Михаил Архаров, 2 курс
Регентской школы при МДАиС*

ПАРИЖ

глазами семинариста

Париж. Мост Александра III

В настоящее время выходит довольно много богословской литературы, которая знакомит нас с основными различиями в вероучении Римо-католической и Православной Церкви. Среди тех, кто пишет о католичестве, одни призывают к экуменическому общению, другие придерживаются прямо противоположной точки зрения. Но, как правило, издания подобного рода не позволяют нам представить картины реальной жизни верующих этой конфессии. Как же живут католики сейчас?

Мнение любого очевидца, конечно, субъективно, однако может оказаться полезным при составлении общей картины. В ноябре 1998 г. по приглашению международной католической организации Рах Cristi состоялась поездка во Францию группы студентов из Духовных школ Москвы, Санкт-Петербурга и Смоленска. Прием гостей из России был организован парижской католической семинарией «Сен-Сюльпис» (Saint Sulpice). Своими впечатлениями о поездке делится один из ее участников.

ЗНАКОМСТВО

Основным местом нашего десятидневного пребывания во Франции стал Париж. Если говорить об общих впечатлениях, которые произвел этот город, то в первую очередь следует назвать, наверное, беспорядочность. Складывается ощущение, что его улочки прокладывались без всякого принципа, кем угодно и как угодно. Они расходятся в произвольных направлениях, под любыми углами, то и дело образуя перекрестки 6–10 улиц, так что даже по карте сложно сориентироваться. Нечто подобное творится и под землей: два десятка извивающихся, как змеи, линий метрополитена сплетают густую причудливую паутину. Поток человеческих лиц пестрит всеми возможными цветами кожи — в столице давно осело и живет множество иммигрантов со всех континентов. Впрочем, город по-своему красив, и сама эта неразбериха придает ему особую привлекательность.

Семинария «Сен-Сюльпис» гостеприимно распахнула перед нами свои тяжелые ворота. Трехэтажное серое здание, в котором она расположена, напоминает строгий королевский дворец. Глухая ограда охватывает примыкающий к зданию идеальный французский сад с фонтаном, футбольное поле, теннисные корты и стоянку для автомобилей семинаристов. Небольшой переход соединяет здание с роскошным храмом XIX в. — точной копией знаменитой Версальской капеллы.

В первый вечер (а это была пятница) семинария показала нам вымершей. Оказалось, что на выходные все учащиеся разъезжаются по своим приходам. Нас встретил ректор — приветливый пожилой человек с небольшим крестом в петличке пиджака — священник Шарль Бонэ. После расселения (все комнаты в семинарии — одноместные) нам показали здание и рассказали об истории этого учебного заведения. Оно было основано в 1590 году согласно решению Тридентского собора. С середины XVII в. семинария располагалась в центре Парижа, при храме святого Сюльпиция, имя которого она и носит. В 1906 году, после отделения церкви от государства, ей отводится здание бывшей королевской резиденции в ближайшем пригороде Парижа Исси-ле-Мулино (Issy-les-Moulineaux). Сейчас это один из кварталов города, куда можно добраться на метро.

«НЕНОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ»

Предложенная нам программа делала основной упор на взаимное общение. Почти каждый день устраивались встречи с семинаристами разных курсов, на которых мы рассказывали друг другу о различных сторонах обучения и пастырской подготовки. Несколько раз мы присутствовали на занятиях и общих встречах на разные темы. Кроме этого, было много неофициального общения по вечерам, во время поездок и экскурсий. В столовой нас всякий раз рассаживали на разные места, чтобы дать возможность большему числу студентов поговорить с кем-нибудь из

русских. Все это позволило нам составить довольно подробную картину семинарской жизни, хотя всего, конечно, за 10 дней не увидишь и не узнаешь.

Семинаристы-французы оказались очень открытыми и общительными. Они засыпали нас вопросами, иногда совершенно неожиданными, например: «Кто возглавляет вашу Церковь?» Сложилось впечатление, что наши французские коллеги имеют очень смутные представления о России и о Православии вообще. В программу обучения, как нам сообщили старшекурсники, не входят даже ознакомительные курсы о Восточных Церквях. Ребята приходили в восторг, рассматривая фотоальбом о праздниках в Троице-Сергиевой Лавре.

Многие из студентов делились с нами рассказами о своем прошлом. Надо отметить, что в семинарию приходят, в основном, зрелые люди. Как нам стало известно, их средний возраст — 27–30 лет, некоторым уже под сорок, а самому старшему студенту — около 50. За плечами многих семинаристов очень трудный путь к вере и богатый жизненный опыт. Почти все имеют светское образование, а некоторые уже и стаж работы.

Франция — очень секуляризованная страна, в которой процветает религиозное безразличие и восточные религии. По словам одного из преподавателей, в ней всего 10% практикующих католиков. Учитывая обязательное безбрачие католического священства, становится понятным, почему 95% французов, как нам сообщили, считают семинаристов ненормальными людьми.

Проживают студенты в отдельных комнатах. Каждый обустроивает ее по своему вкусу, привозя дополнительную мебель и все необходимое из дома. Несколько раз французы приглашали нас к себе на чай. В некоторых комнатах и классах мы встречали русские и греческие иконы, а особенно часто — «Троицу» преподобного Андрея Рублева. Католики признались, что очень любят наши древние иконы и церковную музыку и используют их для медитаций, что нас несколько озадачило.

В одной из студенческих келлий стало немного понятней, какие формы могут иметь эти медитации. На стенах полупустой комнаты в мягком рассеянном свете галогеновых ламп мы увидели фотографии пустынных пейзажей и бритоголовых созерцателей. На полу, в специальной нише, стояла икона Троицы. Жилец этой комнаты многозначительно поведал нам, что до принятия католичества он занимался буддизмом и теперь продолжает использовать его практические приемы в своих «духовных упражнениях». Видимо, понятие духовности у католиков продолжает расширяться.

НЕ ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ, А ХОЧУ УЧИТЬСЯ

У католиков семинарское образование является необходимым условием для принятия священного сана. Обучение длится шесть лет и состоит из двух циклов — двух- и четырехгодичного. Первый цикл является подготовитель-

Семинария Сен-Сюльпис. Внутренний двор

ным. Студенты изучают основные богословские дисциплины, философию и некоторые общеобразовательные предметы, а также окончательно утверждаются в своем пастырском призвании и, фактически, решаются на безбрачную жизнь.

До поступления на второй цикл, на который принимаются лица не моложе 23 лет, необходимо пройти гражданские повинности (службу в армии и т. п.). Программа второго цикла предполагает более углубленное изучение богословских наук, разностороннюю пастырскую подготовку и рукоположение.

В течение всех четырех лет изучаются Священное Писание, догматическое богословие и история. На три года рассчитан курс канонического права. К двухгодичным курсам относятся нравственное богословие, сакраментология, литургика и языки. По одному году отведено на изучение философии, нехристианских религий (буддизм и ислам) и экономики прихода. Занятия проходят в форме лекций. В конце каждого семестра — устные экзамены. Кроме этого, в течение года студенты выполняют письменные работы по каждому предмету. В их распоряжении имеется компьютерный класс и библиотека, содержащая около 15 000 книг.

Пастырская подготовка подразумевает прежде всего деятельность на приходах, где семинаристы, как уже говорилось, проводят все выходные. Кроме этого, для всех классов семинарии согласно определенному плану организовываются многодневные поездки в различные католические монастыри и общины.

Принятие священного сана происходит во время второго цикла обучения. На втором курсе все семинаристы возводятся в степень аколита (в соответствии с нашими степенями, это нечто среднее между чтецом и иподиаконом), на третьем все принимают рукоположение во диакона, а на четвертом (последнем) — в священника.

СЕМИНАРСКИЕ БУДНИ

Парижские семинаристы учатся четыре дня в неделю (среда, суббота и воскресенье — выходные). Учебный день начинается с завтрака (в столовую можно прийти в любое время

с 7.30 до 8.15), за которым следует непродолжительная утренняя. С 8.40 по 11.45 проходят три лекции по 55 минут по одному определенному предмету. В перерывах можно покурить в саду, выпить чашечку кофе (или чего-нибудь покрепче) в уютном семинарском баре. Это единственный платный сервис. Семинаристы сами себя обслуживают и честно записывают расходы в журнал. В полдень, после лекций студенты собираются в Малой капелле на мессу, за которой причащаются все без исключения. Особой подготовки и исповеди для приступающих к таинству не требуется, да и литургический пост у католиков, как известно, сокращен до часа. Месса длится около 40 минут, и сразу за ней следует обед.

После обеда иногда бывают еще 1–2 лекции, а по четвергам желающие играют в футбол. Занимаются им семинаристы довольно серьезно: периодически устраиваются турниры между семинариями Франции и Англии. Один раз в неделю проводится общий урок церковного пения. Ежедневно в 18.45 совершается вечерня, а в 19.00 — ужин. Все остальное время каждый использует как хочет. Отбоя нет, но с 22.00 в помещениях должна соблюдаться полная тишина.

Надо отметить, что жизнь семинарии построена на доверительных отношениях. Дисциплина поддерживается семинаристами без какого-либо видимого надзора. Впрочем, усматривается довольно сильный персональный контроль: учащихся не так уж много, и каждому из них ректором назначается духовный наставник из числа преподавателей, который должен внимательно следить за своим подопечным. В «Сен-Сюльпис» учатся около ста человек.

КАКОЕ ВИНО ПОДАЮТ К ЛЯГУШКАМ

Все студенты и преподаватели питаются в одной столовой, которую, согласно государственным нормам, обслуживает частная фирма. Общей молитвы до и после трапезы мы не обнаружили. Уборка посуды и протирание столов составляет обязанность семинаристов, причем получается это у них довольно дружно.

Немного о пище. Французские традиции питания существенно отличаются от наших, но голодать нам не пришлось — все было съедобно, впрочем, знаменитых лягушек не довелось попробовать. Посты и постные дни как таковые отсутствуют.

Осталась лишь традиция по пятницам в качестве основного блюда подавать рыбу (закуски, в то же время, могут быть и мясные). Характерно обилие молочных продуктов, фруктов и разнообразие овощных блюд.

Завтрак у французов, как, наверное, и во всей Европе, довольно легкий: чашка чая или кофе с молоком, хлеб с маслом и джемом да кукурузные хлопья.

Обед начинается с закусок, затем следует зеленый салат и основное блюдо. Как правило, это что-нибудь мясное с овощным гарниром. В завершение трапезы обязательно предлагается сыр нескольких видов (о вкусах не спорят, но, признаюсь, что и самый неприглядный, с зеленой плесенью — «Рокфор» — мне понравился). На столе всегда стоит красное (а по пятницам — белое) вино и минеральная вода. Хлеб — только белый.

Ужин похож на обед, только вместо закусок часто подают овощной суп-пюре. На второе бывает омлет или мясо с гарниром, а в конце — опять сыр. В качестве напитка вечером подается сидр — легкое яблочное шипучее вино.

СЦЕНА ИЛИ АЛТАРЬ?

В большой семинарской капелле служба бывает только по большим праздникам, которых во время нашего пребывания не случилось. В один из вечеров специально для нас семинаристы устроили концерт органной музыки.

Ежедневные молитвы и мессы проходят в малых капеллах. Одна из них представляет собой небольшой зал, в центре которого расположен престол, окруженный с трех сторон рядами стульев. Из священных изображений оста-

Семинария Сен-Сюльпис. Столовая

лось лишь распятие над шкафчиком, в котором хранятся богослужебные сосуды. Стену за престолом «украшает» странное полотнище с изображением в ярких красно-синих тонах чего-то, похожего на взрыв.

Нет нужды описывать классические парижские соборы — шедевры готического искусства. Хочется лишь отметить, что в них довольно мрачно: огромные цветные витражи почти не пропускают свет, а дополнительного освещения нет.

Во времена крестовых походов во Францию попали многие святые из Византии. Например, знаменитая своими витражами парижская капелла Сен-Шапель (Sainte-Chapelle) была построена для хранения Тернового Венца и других реликвий, связанных со страданиями Спасителя. Однако бури французских революций обрушивали свои первые волны именно на храмы и на святые. «Никто так себя не калечил, — сказал один мой знакомый историк, — как французы своими революциями». В музеях-сокровищницах при соборах хранится то немногое, что чудом уцелело от пожаров и бесследного исчезновения.

В аббатстве Сен-Дени (Saint-Denis), в пригороде Парижа, хранятся обугленные частицы сожженных мощей священномучеников Дионисия Ареопагита, Рустика и Елевферия. Монастырь был основан на месте, куда обезглавленный язычниками святитель Дионисий пришел, неся в руках свою голову. Хотя некоторыми оспаривается, что этот святой — Ареопагит, однако местное предание, запечатленное и святителем Димитрием Ростовским, заставляет с почтением относиться к святым останкам мучеников.

Кафедральный собор г. Эври

На «клиросе»

Между прочим, все церковные здания во Франции являются собственностью государства, и церковь лишь арендует храмы для богослужений.

В Париже нам довелось повидать не только готическую древность, но и современные католические храмы. Большинство из них имеют классическую форму базилики, но не все. Удручающее впечатление произвело на нас посещение современного собора в новом пригороде Парижа Эври (Evry), куда нашу группу пригласили по случаю торжественного рукоположения двух священников. Собор был спроектирован и построен при активном участии муниципальных властей несколько лет назад. Он представляет собой срезанный наискось цилиндр из красного кирпича, а внутри очень напоминает кинотеатр со сценой. Нас очень смутило музыкальное оформление: вместо привычного для католических храмов органа здесь мы увидели местную поп-группу с гитарами и ударной установкой. Общим пением управляла задорная девушка, которая выразительно пританцовывала и взмахивала руками. Как нам объяснили, эта группа специализируется на проведении месс для детей и юношей, «чтобы в удобной форме донести до них смысл богослужения». Кого же умоляет апостол Павел: *Не сообразуйтесь с веком сим* (Рим. 12,2)? Я не стал бы удивляться, если бы это было место собраний протестантов, а не католический собор. Надо отметить, что возглавлял богослужение местный епископ при участии полусотни священников, и выглядело это несколько странно. Видя недоумение на наших лицах, сопровождавшие семинаристы стали уверять нас в том, что многие из них тоже отрицательно относятся к таким формам богослужения. Хочется верить.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАРИЖ

Глотком живого воздуха были для нас воскресные дни, которые мы проводили в православных храмах. Их в Париже немало ввиду известных исторических обстоятельств — это один из центров русской эмиграции. Русских приходов здесь несколько: одни относятся к Зарубежной Церкви, другие — к Московскому Патриархату, а некоторые из них в 50-е годы оказались в юрисдикции Константинопольского Патриарха.

Нам довелось побывать на воскресной всенощной и литургии в соборе святого благоверного князя Александра Невского, построенном императором Александром III. Служба проходит одновременно в двух храмах: в верхнем — на русском, в нижнем — на французском. Очень хорошее впечатление произвело на нас пение мужского хора. В его репертуаре и манере исполнения чувствуется творческая связь с Троице-Сергиевой Лаврой. Александро-Невский храм — это одно из мест, где собирается русская диаспора. Больше часа эмигранты всех поколений не расходятся после литургии, радуясь возможности пообщаться со своими, поделиться новостями. Некоторые из них уже с трудом изъясняются по-русски и очень охотно переходят на французский.

Один из священников собора отец Анатолий охотно свозил нас за город на знаменитое русское кладбище Сен-Женевьев-дю-Буа (Saint-Jenevieve-du-bois). Это удивительно красивое место. Белоснежный Успенский храм возвышается над полем православных крестов, сплошь усеянным живыми цветами и букетами. В его крипте почивают митрополит Евлогий (Георгиевский), епископ

Кассиан (Безобразов) и другие иерархи из русской эмиграции. На памятниках встречаются знакомые имена: протоиерей Сергей Булгаков, А. Карташев, И. Бунин, И. Шмелев, А. Тарковский...

Мы посетили также сербский храм в честь святого Саввы Сербского. На клиросе используются богослужебные книги на церковно-славянском языке, изданные Московской Патриархией. Необычно звучат знакомые тексты в протяжном восточном исполнении, похожем на греческое пение. Очень запомнилась дружная, семейная атмосфера этого прихода. Настоятель отец Иоанн, свободно владеющий русским языком, с искренней радостью встретил нас и пригласил к праздничному столу по случаю крещения своего шестилетнего сына.

Некоторые из участников поездки побывали в Свято-Сергиевском богословском институте. Он занимает очень небольшое помещение в первом этаже храма преподобного Сергия. Студентов совсем немного — около 40 человек. Обучение платное.

Хочется отметить одну общую для всех этих мест черту. Как бы ни жилось здесь эмигрантам, но в их глазах всегда можно уловить тоску по Родине.

ПОМНИМ, ЛЮБИМ, СКОРБИМ...

Говоря об итогах нашей поездки, хочется вспомнить знаменитую поговорку: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Мы не знаем, каких результатов ожидали инициаторы этой поездки католики, которым мы благодарны за предоставленную возможность расширить свой кругозор, но нам она, к сожалению, лишней раз показала, насколько мы удалены друг от друга. Кроме общеизвестных особенностей церковной жизни католиков, мы увидели многочисленные плоды обновленчества II Ватиканского Собора (1962–1965).

При горячем стремлении к объединению со всеми конфессиями, католики хотят просто закрыть глаза на все, что нас принципиально разделяет в области вероучения и церковной практики, без какого-либо покаяния и осмыс-

Панихида на могиле о. Сергия Булгакова. Кладбище Сен-Женевьев-дю-Буа

ления заблуждений. Предлагается выход: «Давайте забудем...» Но такое единение, без действительного единства веры, будет самообманом! Хотя некоторые разделяющие нас вопросы в последнее время и пересматриваются, однако это происходит не как возвращение к незбытым истокам веры, а просто в духе реформ, модернизма, и по сути папство остается папством. При этом постоянный «прогресс» церковной жизни и стремление идти в ногу со временем оставляют все меньше и меньше оснований для конструктивного общения. Наверное, еще не так давно вести диалог с католиками было проще...

Вряд ли в отношениях, сложившихся между православными и католиками, можно изменить что-то искусственным путем экуменических контактов. Как, в свое время, отпадение Запада от единства Церкви было попущено Богом по причине оскудения любви, так и возвращения западных христиан в лоно Единой Православной Церкви нужно добиваться на путях исполнения заповеди о любви. И наше неприятие католического вероучения не должно переходить в неприятие тех людей, которые родились и были воспитаны в католических традициях. Люди — они и во Франции люди, поэтому, общаясь с ними, нужно помнить слова святителя Григория Богослова: «Мы добиваемся не победы, а возвращения братьев, разлука с которыми терзает нас».

Александр Войтенко,
3 курс МДС

Глядим на Него и не видим...

ИДЕИ ТРОИЧНОСТИ В ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ КИТАЯ И ИНДИИ

...дабы сие приношение язычников, будучи освящено Духом Святым, было благоприятно Богу

(Рим. 15:16).

Целью данной статьи является сопоставление идей троичности в духовных традициях Китая и Индии с христианским догматом Троицы и выяснение вопроса об их соотносимости друг с другом.

Проводя исследования в указанной области, мы не должны забывать о том, что именно выявление религиозной общности среди людей всех времен и народов служит к пользе апологии христианства и к утверждению его исключительной роли в спасении человека. В вероучительных системах различных религий известно много поверхностных, внешних аналогий с отдельными положениями христианства, однако углубляясь в изучение той или иной религии, мы всякий раз обнаруживаем принципиальную разницу. По мысли священника Павла Флоренского, это объясняется тем, что, в конечном итоге, «язычество... лжерелигиозно и лжедуховно. Оно — искажение, извращение, растление истинной веры, присущей человечеству изначала, и, вместе, мучительная попытка выбраться из духовной смуты, так сказать, «духовное барахтание». Язычество — это прелесть»¹. В данном случае термин «язычество» следует понимать широко, относя к нему все нехристианские религии и мировоззрения.

Вместе с тем, вслед за отцом Павлом Флоренским мы должны признать, что «...христиане вовсе не нуждаются в... глубоком разрыве со всем человечеством и вовсе не думают, что на всем протяжении истории человечество жило одними только глупостями, уже апологеты твердили о христианстве как энтелехии, общечеловеческой религии и видели во Христе исполнение, полноту и гармонию всех человеческих предчувствий, томлений, надежд и смутно памятуемых откровений»².

ИДЕЯ ТРОИЧНОСТИ В ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ КИТАЯ

КИТАЙСКАЯ «КНИГА ПЕРЕМЕН»

Обратимся к древнейшему письменному памятнику Китая — «Книге перемен» («И цзин»), входящей в корпус канонических книг конфуцианства, так называемого «Пятиканония». Конфуций следующим образом оценивал значение этого памятника: «Если бы мне удалось продлить жизнь, то я отдал бы пятьдесят лет на изучение «И цзина», и тогда бы смог не совершать ошибок» («Беседы и суждения» 7,16).

Сохранилось предание о том, что Конфуций настолько тщательно изучал эту книгу, что пришлось три раза менять изнашивавшиеся кожаные ремешки на бамбуковых дощечках с текстом, прежде чем он смог сказать, что понимает содержание книги.

Первый русский китаевед отец Иакинф Бичурин отмечал необходимость изучения «Книги перемен» для понимания мировоззрения древних китайцев: «"Книга перемен" не есть источник только пяти священных книг, но вместилище Неба и Земли, смешанных и чистых духов... "Книга перемен" почитается основанием письмен, источником справедливости и порядка»³.

Обратимся к содержанию «И цзина». Основу канона составляют 64 гексаграммы, изобретенные правителем древности Вэнь-ваном. Каждая из них имеет собственное название, выражающее ее символический смысл. В контексте данной работы для нас важен тот факт, что основой для гексаграмм, а следовательно и для всей «системы перемен», является триграмма — знак, состоящий из трех горизонтальных линий, каждая из которых может быть либо сплошной, либо прерывистой.

Согласно преданию полубогатый император древности Фу Си чудесным образом обрел «Карту желтой реки» («Хэ ту»), которая и послужила ему прообра-

¹ Осипов А.И. Основное богословие. М., 1994. С. 89.

² Флоренский Павел. свящ. Из богословского наследия / Богословские труды. М., 1977, № 17. С. 242.

³ Персианов Георгий, прот. Сущность конфуцианства. ТСЛ, 1988. С. 105.

Три будды: Амиитаба (будда прошлого), Шакьямуни (будда настоящего) и Майтрейя (будда будущего).

зом триграмм. В «Книге истории» («Шу цзин») говорится, что эта карта хранилась при дворе императоров по 1079 г. до Р. Х., но потом была утеряна и вновь восстановлена при династии Хань (III в. до Р. Х. — III в. по Р. Х.), а обнаружена в эпоху Сун (X–XIII вв.).

Двоичная система построения триграмм дает восемь возможных комбинаций, которые являются восемью идеальными явлениями, формирующими «самую общую, крупномасштабную» картину мира.¹ Детализация этой картины дает 64 гексаграммы, содержащие в себе бытие множества вещей.

Сама триграмма есть выражение духовных сущностей Неба («Цянь»), Земли («Кунь») и их возможного единства в «Великом Пределе» («Тай Цзи»), который «сам по себе не есть некая сущность, а только мыслимое и нераздельное единство "Цянь" и "Кунь"».²

Таким образом, «Книга перемен» сводит все многообразие феноменального мира к символу триграммы, который, в свою очередь, обнаруживает способность свертываться до единицы — «Великого Предела», которому нельзя приписать сущностные характеристики.

¹ Персианов Георгий, прот. Цит. соч. С. 109.

² Там же. С. 110.

КОНФУЦИАНСТВО

В конфуцианстве мы обнаруживаем учение о триаде, в состав которой входят Небо, Земля и человек. Это представление занимает очень важное место в системе конфуцианства («Учение о середине и постоянстве», гл. 22) и вообще в религиозно-философской системе Древнего Китая. В священном тексте даосизма «Дао-дэ цзине», в 25 чжане, говорится о том, что существуют четыре великих: Небо, Земля, Дао и человек. В тексте оригинала, правда, употребляется иероглиф «Ван» — «князь, правитель». В данном случае «троица» разворачивается в четверицу, включая в себя Дао. Однако такая «троица» никоим образом не есть субстанция Верховного Существа или какой-нибудь иной силы, но она лишь умозрительная акциденция суммы трех понятий: Небо, Земля, человек. Эти понятия не сливаются в некое целое с новым общим качеством, но в силу того, что совершенно мудрый человек может способствовать исполнению воли Неба, появляется возможность поставить человека в один ряд с Небом и Землей по их действиям в мире. Человек не возвышается над Небом и Землей, не становится равным с ними...»³.

³ Персианов Георгий, прот. Цит. соч. С. 146.

В вероучении конфуцианства мы обнаруживаем еще одну «троицу» — это три понятия, являющиеся определениями Верховного Начала: «Тай И» — «Великое Одно», «Верховный Владыка», «Бог», «изначальное вещество», «первобытная, единая субстанция»; «Тай Цзи» — «Великий Предел», «Высшее Начало»; «Тай Сюй» — «Великая Пустота», «Первозданная Пустота». «Данные категории отвлеченного мышления не занимали место Бога в конфуцианстве, но очень часто рассматривались в качестве признаков, вполне возможно присущих Небу, или в виде некоего закона, происходящего от Неба...»¹.

ДАОСИЗМ

Обратимся к иной, принципиально отличной от конфуцианства религиозной традиции Китая — даосизму. В тексте «Канона о Пути и Благодати» («Дао-дэ цзина»), в 42 чжане, мы находим описание акта миропорождения:

Дао порождает одно.
Одно порождает два.
Два порождает три.
Три порождает десять тысяч вещей (все сущее — *Е.П.*).

Десять тысяч вещей несут в себе инь и объемяют ян (женское и мужское начала — *Е.П.*), а пустотное ци (пневма — *Е.П.*) приводит их в гармонию.

Возможно, это одна из древнейших частей «Дао-дэ цзина», датируемого современными специалистами самое позднее IV–III вв. до Р. Х. В этом смысле примечательно, что именно в ней мы обнаруживаем ярко выраженную идею троичности порождающего мир начала. Это подтверждается и другими фрагментами:

Глядим на него (Дао — *Е.П.*) и не видим.
Назовем это рассеянным.
Слушаем его и не слышим.
Назовем это разреженным.
Пытаемся коснуться его и не достигаем.
Назовем это мельчайшим.
Эти три нельзя разделить,
ибо они смешаны и являют собой Единое
(14 чжан).

Дао постоянно, безымянно и просто. (32 чжан).
В вещах Дао неразлично-туманно.

Неразлично-туманное! Но в нем заключены образы.
Туманно-неразличимое! Но оно объемяет вещи.

Отдаленное и темное! Но оно содержит семя
(21 чжан).

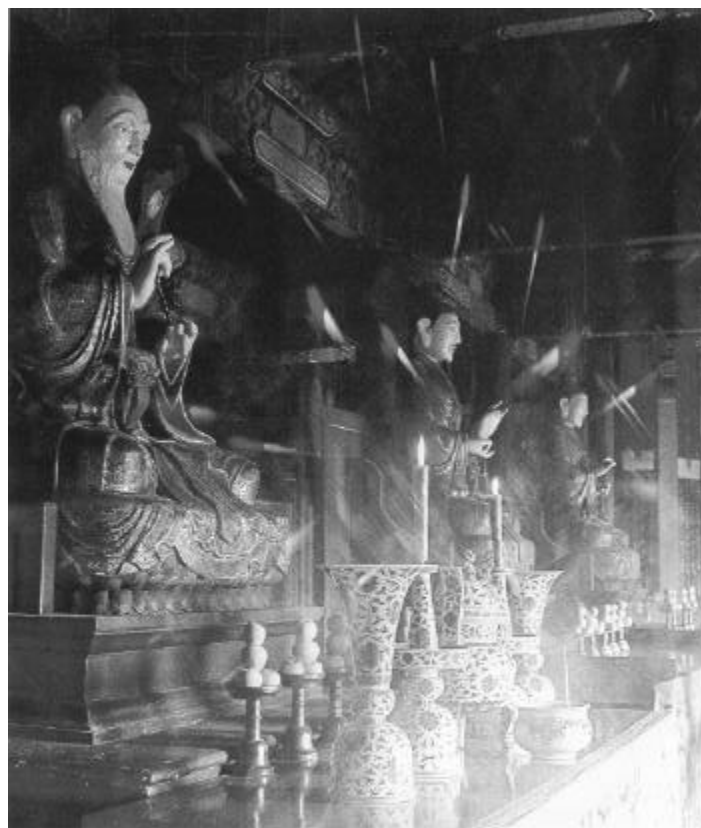
Оно (Дао — *Е.П.*) известно как отец десяти тысяч вещей
(21 чжан).

Дао — хранилище всего сущего (62 чжан).

Три аспекта единого Дао в 14 чжане в оригинальном тексте обозначены тремя иероглифами: «И», «Си» «Вэй». Католические миссионеры, прибывшие в Китай и ознакомившиеся с даосскими текстами, считали это тайным именем Высшего Начала — Бога, проводя параллель с тетраграмматомом «Яхве».

Особого рассмотрения требует вопрос о триаде божеств в даосском пантеоне. В первом тысячелетии по Р. Х. главенствующее место в этом пантеоне занимали божества-категории, олицетворявшие важнейшие концепции даосизма — идеи о «дао», «инь», «ян» и т.п. Иногда эти Верховные Божества изображались в виде божественной триады из Трех Единственных — «Тянь И» (Небесное Начало), «Ди И» (Земное) и «Тай И» (Высшее). Состав этой триады варьировался. Со временем на смену божествам-категориям стали приходить персонализированные божества-личности, которые вначале почитались наряду с первыми, а затем вытеснили их в сферу «чистой» даосской теории.

На рубеже I–II тысячелетий по Р. Х. возникает некоторый устойчивый порядок изображения и почитания божеств в пантеоне даосизма. Во главе пантеона оказываются три самых высших и почитаемых божества, воспринимавшихся в качестве устойчивой триады: Лао-цзы — полупоупендарный основатель даосизма, автор «Дао-дэ цзина», позднее воспринимавшийся как ипостазированное Дао; Хуан-ди — легендарный Желтый Импе-

Даосские божества-категории: Три Чистых.

¹ Там же, С. 146–147.

Лао-цзы.

ратор, которого еще древние даосы считали своим родоначальником, первым бессмертным, покровителем всех добивавшихся бессмертия; Пань-гу — космический великан, из тела которого было создано все сущее, воплощение идеи мироздания. Позднее Хуан-ди был заменен другим высшим небесным божеством — Юйхуан Шанди (Нефритовым Императором), отождествлявшимся с древнекитайским Шан-ди — Верховным Владыкой, Единым, Духовным, Личным Богом монотеистической религии Древнего Китая. Со временем Нефритовый Император возглавил даосский пантеон, превращавшийся в начале II тысячелетия по Р.Х. во всекитайский.

Кульτ Нефритового Императора «возник в эпоху Тан. В 1012 г. сунский император Чжэн-цзун специальным указом включил его в состав государственного пантеона, в 1013 г. — поместил в своем дворце его изображение, в 1014 г. — окончательно сформировал его пышный и величественный титул верховного божества и главы пантеона. Юйхуан Шанди считался сидящим на самом высоком небе во дворце из нефрита. В руках его — нефритовая таблетка, на голове — корона из драгоценных камней, вокруг него — сонм помощников и министров. Он — верховный повелитель всех богов и духов, по положению своему равный императору на земле».¹

¹ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С. 282.

Кульτ третьего верховного божества в указанной триаде, Пань-гу, со временем стал ослабевать и иногда заменялся другими божествами, например, Тай И. Таким образом, характер верховной триады даосского пантеона лишь с очень большой натяжкой можно назвать устойчивым.

КИТАЙСКИЙ БУДДИЗМ

С I в. по Р.Х. в Китае распространяется буддизм. Вобрав в себя достижения китайской культуры, взяв на вооружение иероглифическую письменность, буддизм в значительной степени китаезируется, далеко отойдя от своего исторического истока — проповеди Будды в Бенаресе и в Бихаре. На первый план в пантеоне китайского буддизма выдвигается триада будд, пользовавшихся наибольшим почитанием: Майтрейя, Амиитаба, Гуань-инь. Возникновение этой триады стало возможным именно в контексте китайской культуры, по видимому, под влиянием даосизма.

Кульτ Майтрейи, будды будущего, Преемника Великого Будды, основы которого были заложены первым патриархом китайского буддизма Дао-анем (325–385 гг.), стал распространяться в Китае достаточно быстро и в V–VI вв. был уже широко известен. В VII в. по Р.Х. он начинает приходить в упадок и снова возрождается в эпоху Сун (X–XIII вв.).

Амиитаба (Амитофо) — будда «Западного рая», его управитель. Кульτ Амиитабы тесно связан с представлениями о райском будущем. Идея о будде Амиитабе впервые встречается в сутрах непальской школы Махаяны около 300 г. по Р.Х. В Хиньяне этот кульτ неизвестен, так как идея рая была неприемлема для раннего буддизма. В Китае начало амидизму положено Хуэй-юанем (334–417 гг.), вторым после Дао-аня авторитетом китайского буддизма.

По мнению западного исследователя К. Рейхельта, «идея о "Западном рае" и "монотеистический оттенок" культа Амиитабы были в известной степени связаны с влиянием идей проникшего в Китай несторианства».²

Наиболее почитаемым среди трех высших божеств буддийского пантеона в Китае была бодхисаттва Гуань-инь, Авалокитешвара, богиня милосердия и добродетели, покровительница материнства, подательница детей. Интересно, что изначально бодхисаттва имела мужской облик и именно в таком виде стала известна в Китае. Только в III в. по Р.Х. происходит удивительная трансформация, и Авалокитешвара превращается в женское божество. Не исключено, что образ Гуань-инь возникает в пантеоне также в результате несторианского влияния.

ХРИСТИАНСКАЯ ТРОИЦА И ИДЕИ ТРОИЧНОСТИ В КИТАЕ

Рассмотрев все указанные факты, мы должны сделать ряд выводов по проблематике данного исследования. Во-первых, совершенно очевидно, что число три в духовных традициях Китая имеет отчетливо

² Там же. С. 330.

Боддхисаттва Авалокитешвара.

выраженный сакральный характер. Это представление возникло в Китае абсолютно независимо и не является результатом христианского влияния. Во-вторых, в отдельных случаях (триграммы в «И цзине»; философская «троица» в «Дао-дэ цзине»; три определения Верховного Начала в конфуцианстве) три оказывается равным одному: три сворачивается в единицу, единица развертывается в «троицу». В-третьих, триады личных божеств не носят устойчивого характера, состав триад варьируется. В-четвертых, представление о триадах личных божеств возникает в Китае, по-видимому, под влиянием идей несторианства, распространявшегося на Северо-западе Китая (территория современного Синьцзяно-Уйгурского АО) с I в. по Р. Х. В любом случае эти представления не могут быть отнесены к древнейшим собственно китайским. В-пятых, мы должны обратить внимание на один су-

щественный факт: тогда как христианство утверждает истину о существовании Бога в трех Ипостасях при полном единстве Сущности, рассмотренные триады божеств — это отдельные, вполне самостоятельные личности, не соединенные одним существом. Наконец, ближе всего к непостижимой тайне Троичности подходит Лао-цзы в «Дао-дэ цзине». В своем исследовании «Мистерия Дао» А.А. Маслов пишет: «Концепция Дао в трактате показывает, что мистическая мысль Китая вплотную подошла к восприятию единого Бога... Школа Лао-цзы готовит Китай к доктрине, аналогичной христианской, но единого Бога Китай не познал...»¹.

Несмотря на всю смелость таких выводов, мы позволим себе отчасти согласиться с ними, сославшись на мнение Д. П. Конисси: «Таким образом, метафизическая система, развитая Лао-цзы (Лао-цзы — Е.П.), представляет собою последовательное и цельное учение о едином Верховном Существом, подобное тому, до которого возвысилась греческая философия в эпоху своего расцвета. Но преимущество Лао-цзы состоит в том, что он один, силою личного ума, развил учение, до которого греческая философия дошла лишь совокупными усилиями и в историческом росте».²

Рассмотрев обозначенную проблематику на материале китайского цивилизационного ареала, обратимся теперь к духовным традициям индийской ойкумены, принимая во внимание факт взаимовлияния духовных традиций двух древнейших цивилизаций.

ИДЕЯ ТРОИЧНОСТИ В ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ ИНДИИ

ВЕДЫ

Древнейшие свидетельства о религиях Индии мы находим в священных текстах Вед, которые традиционно делятся на риг (гимны), яджус (заключительные формулы) и саман (напевы). Сразу обращает на себя внимание факт трехчастного деления, что не является случайностью, поскольку обладание знанием рига, яджуса и самана значит обладание «тройным знанием», тройной Ведой, т.е. полнотой знания. Полнота знания, истина, таким образом, с древнейших времен воспринималась в Индии тройственно. Справедливости ради следует отметить, что самым ранним является четырехчастное деление Вед на Ригведу, Самаведу, Яджурведу и Атхарваведу, которое, однако, не ассоциировалось с идеей полноты истины в такой степени, как трехчастное.

ТРИАДА БОГОВ БРАХМАНИЗМА

В Индии существует древняя традиция соединения богов в триады. Эта традиция нашла свое отражение как в Самхитах (древнейший пласт ведической литературы), так и в более поздних Брахманах, где

¹ Маслов А.А. Мистерия Дао. М., 1996. С. 112–115.

² Конисси Д. П. Философия Лао-цзы. Тао — тэ — кинг Лао-цзы / Вопросы философии и психологии. 1894, № 3 (23). С. 378.

часто высказывается мысль о существовании трех богов: Агни — бога Огня, Вайу — бога Ветра, Сурьи — бога Солнца, делящих между собой три сферы мироздания: землю, атмосферу и небо соответственно. Это наиболее древняя триада брахманизма, в состав которой входят три отдельных божества-личности.

По-видимому, в определенный момент истории (V в. до Р. Х.) реформировавшийся индуизм взял на вооружение эту древнейшую концепцию, тем самым решив проблему преемственности в отношении к брахманизму и объединив многочисленные секты и течения: «понятие об индусской Троице, в которой Шива и Вишну присоединены к Брахме так, что вместе с ним они образуют тройное олицетворение высшего Брахмана... представляет как бы переходное положение между древней ортодоксией, в ее последней форме, и новыми религиями: вместе с тем она является самой широкой попыткой согласования этих религий между собой».¹

Наиболее четкое догматическое выражение идеи индуистской «троицы» содержится в одной из позднейших Упанишад («Майтри»), корпус которых формировался в течение длительного времени: если ранние упанишад датируются VIII–VII вв. до Р. Х., то поздние появлялись на рубеже I в. до Р. Х. — I в. по Р. Х. и позднее. По всей видимости, «Майтри» упанишад была написана после того, как был сформулирован христианский догмат о Троице, так как содержит множество прямых заимствований из христианского вероучения.

ТРИМУРТИ ИНДУИЗМА

Между древней триадой брахманизма и Тримурти существует принципиальная разница, не позволяющая нам устанавливать непосредственную связь между ними. Можно сказать, что общей для обеих концепций является лишь идея объединения божеств в триаду. Это, кстати, указывает на существование в Индии с древнейших времен представления о сакральном характере числа три и о той непостижимой тайне, что за ним стоит.

«Брахман, Абсолютное, проявляется в трех лицах. Брахма-творец, Вишну — охранитель и Шива — разрушитель. В них он становится способным к действию и приобщается «качествам» добра, страсти и мрака, этим тонким началам, разлитым во всем, и в которых древняя философия Санакии суммирует все энергии природы. Каждое из этих лиц представляется одной из трех букв а, у, м, и соединение их образует всесвященный слог ом, символ Абсолютного».² Таким образом, здесь мы видим не космографическое распределение обоготворенных сил природы («троица» брахманизма), а тройную эволюцию божественного единства.

Культе Шивы восходит к другому, более древнему культу бога урагана — Рудры, владыки жизни и смерти,

часто отождествлявшегося с Агни, огнем, как элементом разрушения, и со временем поглощает последний. Шива в индуизме — великий бог, Махадева, равны ему только Брахма и Вишну. Он вечен, ему усваивается имя «Махакала» — безграничное время, которое все порождает и пожирает. Он глава злых духов, бог бешеного безумия и диких оргий, вместе с тем, бог аскезы и глава йогинов. Шива — убийца Камы, любви, которая осмелилась взволновать его душу. Своими символами он имеет быка, фаллос и луну. Обычно он изображается вооруженным трезубцем и с ожерельем из человеческих черепов. Культ Шивы включал в себя человеческие жертвоприношения. Супруга Шивы, Кали Ужасающая — точное подобие своего мужа. Именно так описывает Шиву ведическая литература.

Культе Вишну восходит к древнему культу солнца — Сурьи. Он является олицетворением жертвоприношения и отождествляется с Нараяной, первенцем из сущих, появившимся в начале всего и носившимся над первобытными водами. Он дает начало творения, порождая демиургов, и поглощает его в себя. Вишну имеет множество воплощений — аватар. «Аватара, в высшем и полнейшем смысле... не есть мимолетное появление божества, еще менее — рождение посредствующего существа, рожденного от союза бога со смертной: это — мистическое и вместе с тем реальное присутствие высшего существа в человеческом индивидууме, который становится одновременно истинным богом и истинным человеком, причем это тесное соединение обоих естеств переживает смерть того индивида, в котором оно осуществилось».³

Атрибутами Вишну считаются диск, чакра, военное оружие бога и птица Гаруда, которая служит ему конем. Супруга Вишну Шри или Лакшми — богиня красоты, наслаждения и победы. Культ Вишну как великого бога утверждается гораздо позже культа Шивы и является смещением с культом народного божества — Кришны, героя эпоса «Махабхарата».

Брахма — бог-демиург, творец мира. Он появляется из золотого лотоса, расцветающего на теле Вишну. Иногда Брахма первый из трех божественных лиц в индуистской триаде.

Догмат «троицы» содержится в вероучении почти всех течений индуизма, но было бы ошибочным придавать ему решающее значение в качестве религиозного верования. Различные направления по-разному выстраивают иерархию триады: «Одно из лиц, Шива или Вишну, прямо отождествляется с высшим Существом, а два другие, особенно Брахма, ограничены ролью подчиненной. Это подчинение... резко выражено; иногда оно даже выражается в терминах, которые предполагают довольно сильную вражду к лицам подчиненным и полное осуждение их культа. А потому триада, для большинства сект, есть только формула, почти лишенная смысла».⁴

¹ Барт А. Религии Индии. М., 1897. С. 203.

² Там же. С. 204

³ Там же. С. 190.

⁴ Барт, 1897, с. 205.

Некоторые направления индуизма отказываются от «троицы», оставляя в стороне Брахму, и тем самым превращают «троицу» в «двоицу». Другие, напротив, расширяют «троицу» до «четверицы», включая, например, Кришну.

Если мы заглянем в глубины философской мысли индуизма, то обнаружим там два полюса — «воплощения» Вишну и «формы» Шивы вместе с проявлениями их женских двойников, что указывает на факультативный характер догмата «троицы», происхождение которого объясняется стремлением индуистской традиции к эклектизму.

ДОГМАТ ТРОИЦЫ И ИДЕИ ТРОИЧНОСТИ В ИНДИИ

Таким образом, в вероучении индуизма мы видим представление о триаде божеств, обнаруживающее черты формального сходства с христианским догматом Троицы: единый Брахман проявляется в трех лицах, одно из которых, Вишну, может воплощаться в человеческом индивидууме, делая его богочеловеком. Вместе с тем, очевиден тот факт, что учение о «троице» не занимает центрального места в философии индуизма и не является источником этого богословия, как в христианстве. Напротив, гораздо более уместно говорить о «двоице» богов — Вишну и Шиве, представление о которых является фундаментом философской системы индуизма. Большинство свойств, приписываемых традицией божествам — членам триады (в особенности Шиве), абсолютно неприемлемы в отношении христианской Троицы. Сам факт того, что генезис догмата «троицы» можно проследить, говорит об ущербности этого представления по сравнению с христианским. Не исключена возможность прямого заимствования догмата «троицы» в его развитом виде из христианского вероучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследовав проблематику, связанную с идеей троичности в духовных традициях Китая и Индии, мы приходим к выводу о том, что в указанных традициях существует представления о сакральном характере числа три и о тождестве «троицы» и «единицы». В даосизме, китайском буддизме и индуизме мы обнаруживаем представления о триадах божеств, имеющих личностный характер, что формально несколько сближает их с христианской Троицей. Однако это формальное сходство полностью перечеркивается сущностными различиями. Во-первых, догмат троичности ни в одной из указанных систем не является центральным моментом вероучения, источником богословия. Он занимает периферийное место. Во-вторых, в религиозных традициях, которые мы рассмотрели, мы не обнаруживаем тезиса о едином существе и трех ипостасях Божества, как в христианстве. В-третьих, состав триад варьируется, что указывает на неустойчивость концепции триады и на сравнительно

поздний характер ее возникновения. В-четвертых, не исключается возможность прямых заимствований из христианского вероучения, или, по крайней мере, влияния христианства на формирование концепции триад личных божеств. При этом вполне уместно предположение о возможности наложения процесса христианского влияния на процесс «воспоминания» религиозной традицией своего древнейшего субстрата, содержащего представление о сакральном характере числа три и его сущностном тождестве «единице».

Подводя итоги нашим рассуждениям, приведем мысль выдающегося богослова XX столетия В. Н. Лосского: «Бог богословия — это "Ты", это живой Бог Библии. Конечно, это Абсолют, но Абсолют личностный, которому мы говорим "Ты" в молитве... "Боги" и даже "личный" Бог индуизма — это только аспекты, только проявления некоего безличного абсолюта; проявления — для нехристианского Востока — столь же условные, как и мир, которому они предостоят, призванные, как и он, исчезнуть, раствориться в чистой самоуглубленности, в полной самотождественности. Тождественность же эта не знает "другого" и поглощает всякое личное отношение...»

Если человеческая мысль, которую, как еще смутную и нетвердую веру, вел к Истине какой-то инстинкт, могла ощутить формировать вне христианского учения какие-то идеи, приближающие ее к Троичности, то сама тайна Бога — Троицы оставалась для нее закрытой».¹

Евгений Петровский

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники на китайском языке

- Дао-дэ цзин - Дао-дэ цзин (Каноническая книга о Пути к Благодати). — «Дао-дэ цзин». Пекин, 1993.
И цзин - И цзин (Канон перемен),
Лунь Юй - Лунь юй (Беседы и суждения),
Чжун юн-Чжун юн (Учение о середине и постоянстве).
«Сы шу у цзин» («Четверокнижие и пятиканоние»). — Тяньцзинь, 1989, т.1.

Литература на русском языке

1. *Флоренский Павел. свящ.* Из богословского наследия / Богословские труды. М., 1977, № 17.
2. *Персианов Георгий, прот.* Сущность конфуцианства. ТСЛ, 1988.
3. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
4. *Маслов А.А.* Мистерия Дао. М., 1996.
5. *Конисси Д.П.* Философия Лаоси. Тао — тэ — кинг Лаоси / Вопросы философии и психологии. 1894, № 3 (23).
6. *Барт А.* Религии Индии. М., 1897.
7. *Лосский В.Н.* «Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие». М., 1991.
8. *Осипов А.И.* «Основное богословие». М., 1994.

¹ Лосский, 1991, с. 200... с. 40.

Международный форум в Одессе

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПОЛИТИКИ ПРЕДЛАГАЮТ ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИРОВОГО СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

С 20 по 23 января 1999 года в Одессе проходила очередная конференция православных политических, религиозных и общественных деятелей, дипломатов из двенадцати стран Европы. Инициатором и организатором конференции на тему «Православие и угрозы системного кризиса мирового постиндустриального общества, глобальной экономики и государственных институтов власти» выступил Международный Фонд единства православных народов.

В адрес участников и гостей поступили поздравления и приветствия от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, предстоятеля Болгарской Православной Церкви Патриарха Максима, Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Владимира, президента Украины Л. Д. Кучмы, Председателя Верховной Рады Украины А. Н. Ткаченко, Председателя Государственной Думы Российской Федерации Г. Н. Селезнева, Генерального секретаря ЕМАП С. Папатемиуса, Председателя Палаты Представителей Национального Собрания Республики Беларусь А. А. Малофеева, а также от других светских и церковных должностных лиц.

На конференции выступил заместитель Председателя Верховной Рады Украины В. В. Медведчук, который в своем обращении к участникам конференции отметил важность духовного единства стран и народов восточнохристианского ареала и высказал надежду, что настоящий международный форум сможет найти правильные, присущие Православию неконфликтные пути решения сложных проблем преодоления гло-

бального кризиса в современном обществе.

Высокопреосвященнейший митрополит Агафангел особенно подчеркнул актуальность рассматриваемых на конференции проблем в канун торжественной встречи всем христианским миром двухтысячелетия Рождества Христова, отметив необходимость для православных народов уже сегодня определиться в своем ответе на вызовы глобального кризиса современности.

Участники конференции высказали свою тревогу в связи с современным кризисным положением национальных экономик восточнохристианских государств. С большой озабоченностью констатировалось, что углубляющийся глобальный финансовый и экономический кризис в наибольшей мере затронул именно эти страны, дестабилизировал национальные валютно-банковские механизмы и структуры, что привело к пессимистическим настроениям в обществе.

Президент Международного Фонда единства православных народов, В. А. Алексеев в своем докладе уделил внимание анализу некоторых причин экономических и политических просчетов в глобальных проектах, провозглашающих создание «центра по управлению миром». Анализируя причины «щедротности» мировых кредиторов, В. А. Алексеев убедительно продемонстрировал, что с начала восьмидесятых годов сумма кредитов, выдаваемых международными валютными центрами бедным и слаборазвитым странам, сначала сравнялась с суммой изымаемых по ним процентов, а затем сумма процентов в виде прибыли стала расти

вверх. «МВФ под умелым руководством США быстро превратился в высокодоходный инструмент мирового господства», — отметил докладчик.

При этом сам доклад, содержащий критику политики мирового финансового господства США, никак нельзя было упрекнуть в предвзятости или антиамериканизме. Автор предложил руководствоваться иной, отличной от идеологии потребительского общества, христианской парадигмой, «ибо эта западная цивилизация не соответствует в основе своей заповедям Спасителя».

Отвечая «строителям» нового мирового порядка, В. А. Алексеев отметил, что «никто из ныне живущих на земле людей не обладает правом взять на себя ответственность за судьбы всего мира. Высшая власть принадлежит Богу и только от Бога она может путем высшей сакральной легитимации в каком-то объеме быть передана в руки Помазаннику Божьему в тот час, когда придет его время. Один из тех, кому Господь вручил высшую власть над своим народом, — ветхозаветный царь Давид, преисполнившись Духом Божиим, говорил: *Ибо Господне есть Царство, и Он — владыка над народами* (Пс. 21, 29).

«Если мы хотим сохранить свою цивилизацию, обеспечить выживаемость, культуру и самобытность наших народов, мы должны во что бы то ни стало сохранить наши государства от распада, — убеждал собравшихся В. А. Алексеев. — Мы должны при этом особо позаботиться об укреплении духовного единства народов нашего общего восточнохристианского пространства, о развитии нашей общей культуры, покоящейся

на идеях Христоцентричности, восприятия мира как удела Божия».

В выступлении митрополита Кишиневского и всея Молдовы Владимира прозвучало определение Православия как силы борьбы со злом, проповеди добра и любви к людям. Отмечалось, что наши православные народы, нелюбимые западными футурологами, как и столетия назад выстоят в этой борьбе, потому что видят свое предназначение в спасении ближнего. В этой связи была затронута тема обострения ситуации между Югославией и западным военным альянсом. Участники конференции выступили против действий США в Югославии, заявив о недопустимости применения военной силы со стороны НАТО.

Далее в своем докладе митрополит Агафангел говорил о печальных последствиях разрушения вековых устоев общества, в результате чего произошло: стирание различий между мужчиной и женщиной — в одежде, психологии, социальной роли; деформация иерархических отношений на уровне муж-жена, родители-дети; введение в повседневную практику аборт; такие нововведения, как контрацепция, стерилизация, поощряющие разврат; эвтаназия — практика содействия самоубийству и другие жестокие последствия мировых соблазнов. С таким положением не имеют права мириться прежде всего два института — государство и Церковь, которые должны направлять и вести общество к высоким нравственным целям. В духе конструктивного призыва к лидерам государств, партий, политических общественных движений и религиозных организаций были выдержаны выступления других участников конференции — депутата Государственной Думы В. С. Медведева, депутата Союзной Скупщины Югославии М. Стойковича и депутата Парламента Эстонии Н.А. Маспанова.

В докладе Президента ЕМАП В. И. Зоркальцева было сказано о том, что попытки построить суверенитет новых государств Восточной Европы без учета их исторического опыта, лишены всякой перспективы. «В сохранении и защите православ-

ных традиций особую роль призвана сыграть Европейская Межпарламентская Ассамблея Православия. Это, пожалуй, единственная международная организация, которая никогда не обсуждала и не собирается обсуждать вопросы, связанные с использованием вооруженной силы в международных делах. Православная духовность способна умиротворить и другие общности, также ощущающие бессмысленность конфронтационности и взаимного соперничества», — отметил В.И. Зоркальцев.

Свой доклад Президент ЕМАП закончил призывом ко всем православным политическим и общественным деятелям «стать стабилизирующим фактором международных отношений, основой чего является наша духовность, которая позволит человечеству подняться над спорами и предубеждениями. Нам предстоит сыграть и отведенную нам историей роль моста между великими цивилизациями Востока и Запада. Соборность и коллективизм как высшее проявление духа православия должны стать теми принципами, на основе которых человечество объединится и одержит победу над мировым злом».

В ходе прений и в коммюнике, принятом конференцией, были высказаны предложения о необходимости поиска собственных путей выхода из тупиков потребительского общества и ловушек масскультуры.

Участники международного форума обратились также к лидерам ев-

ропейских стран и главам международных организаций с заявлениями в поддержку территориальной целостности Югославии и в связи с нарушениями прав православных верующих в Республике Молдова и Эстонской Республике.

Ввиду приближающегося 2000-летия Рождества Христова было решено усугубить совместные усилия к достижению всеправославного единства. В связи с этим была упомянута предстоящая ежегодная конференция ЕМАП, которая должна состояться в Москве в июне 1999 года и стать переломной в деле существенного повышения влияния ЕМАП на Европейское сообщество и его политические структуры.

Была подчеркнута роль Международного Фонда единства православных народов в укреплении межправославных связей, привлечении общественности, государственных, политических и парламентских институтов к широкому делу поддержки Православия, развития сотрудничества между единоверными народами восточнохристианской традиции.

С благодарностью были оценены труды Верховной Рады, священноначалия канонической Православной Церкви Украины и руководства Одессы по подготовке и проведению конференции на высоком организационном уровне.

Денис Алексеев, аспирант философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Навстречу 2000-летию Рождества Христова

Под председательством Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II — Председателя Попечительского совета Международного общественно-Фонда единства православных народов 11 марта 1999 года в Москве состоялось ежегодное Собрание учредителей и совместное заседание Попечительского Совета и Правления Международного общественного Фонда единства православных народов.

В своем докладе президент Фонда доктор философских наук Валерий Аркадьевич Алексеев прежде всего отметил, что в истекший период Фонд действовал в новом для себя качестве — как Международный Фонд. И хотя до этого вся предыдущая деятельность Фонда носила характер межправославной, международной деятельности, что, собственно, видно из самого его названия, тем не менее преобразование Фонда в международный стала качественно новым этапом в его деятельности. Уже созданы и активно действуют отделение Фонда в Белоруссии и представительство в Болгарии. Обе эти структуры прошли государственную регистрацию в своих странах и активно, полезно и конструктивно действуют в рамках существующих там законодательств. На их счету уже немало конкретных дел, направленных на улучшение межправославных связей, укрепление духовного единства братских единоверных народов. Фондом ведется работа по созданию подобных структурных подразделений в других странах, а также ряде регионов России. В ходе собрания и совместного заседания в состав Фонда были приняты Украинское и Западно-Сибирское отделения Фонда, утверждены их

Уставы; шла речь об открытии Греческого представительства в Афинах, где с помощью ОАО «Газпром» уже строится здание для Духовно-культурного центра и представительства Фонда.

Докладчик подробно рассказал о значительной работе Фонда по развитию деятельности Европейской Межпарламентской Ассамблеи Православия (ЕМАП), которая объединяет парламентариев более 20 стран Европы, СНГ, Балтии, Балкан и Средиземноморья. Фонд с самого начала своей деятельности, в 1995 году, попечительствует над этим большой политической и общественно-церковной важности делом.

В 1998 году непосредственно Фондом и при его активном содействии были проведены крупные мероприятия в рамках развития ЕМАП: пятая ежегодная конференция ЕМАП в Варшаве и международная конференция в Кишиневе, в которых наряду с депутатами и главами парламентов приняли участие президенты этих стран Александр Квасневский и Петр Лучинский. Эти конференции стали важными событиями в политической и общественно-церковной жизни стран-участниц. В текущем году Фондом проведена международная конференция в Одес-

се, а сейчас при участии Фонда готовится шестая ежегодная конференция ЕМАП, которая пройдет 20–24 июня 1999 года в Москве и Санкт-Петербурге. Практически эта конференция станет началом крупных международных мероприятий в рамках подготовки и встречи 2000-летия Рождества Христова. И очень знаменательно, что именно Москва и Россия дают начало празднованию этой великой даты в истории человечества на всем поствизантийском восточнохристианском пространстве.

Президент Фонда особо подчеркнул, что под знаком подготовки к встрече 2000-летия Рождества Христова строилась вся работа Фонда в отчетном периоде. Так, большим событием стало окончание строительства, освящение и передача в дар Московскому Патриархату Дома паломников в Тиверии (Израиль) — на Святой Земле, на участке, принадлежащем Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Чуть больше года потребовалось Фонду, чтобы полностью профинансировать строительство этого объекта. Это первое капитальное строение, возведенное российской стороной на Святой Земле после 1917 года. Знаменательно, что закладку первого камня в осно-

вание этого здания освятил Святейший Патриарх Алексий II. Ныне этот Дом уже принимает паломников.

В рамках специальной программы, поддержанной Президентом России Б. Н. Ельциным и Святейшим Патриархом Алексием II, в ближайшее время начнется создание еще одного Дома для паломников на Святой земле — в Яффе, на участке, принадлежащем Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

В конце отчетного года был заложен и освящен Его Святейшеством Алексием II первый камень в основание нового здания Фонда, в котором разместятся служба «Паломник» и другие структуры Фонда. 22 мая 1999 года на праздник Святого Николая предполагается освятить и передать в дар Святейшему Патриарху Алексию II Патриаршее подворье в деревне Афинеево Наро-Фоминского района в Подмоскowie.

Большим общероссийским и международным событием в контексте 2000-летия от Рождества Христова должна стать инициатива Тверского регионального отделения Фонда о проведении Крестного хода по территориям и рекам России, Украины и Белоруссии. Святейший Патриарх Алексий II поддержал эту грандиозную акцию, придал ей статус Патриаршей программы. Крестный ход начинается 22 мая 1999 года от истока Волги. Маршрут его пройдет по местам, где некогда обитало единое население Древней Руси — по водам трех великих рек: Волги, Днепра и Западной Двины, по территориям трех братских стран. Крестный ход станет большой объединительной акцией в деле сплочения единых народов этих государств.

В русле активной подготовки к 2000-летию Рождества Христова строил свою работу Издательский центр «Россия молодая». В 1998 году им выпущены материалы Международной конференции Фонда в Кишиневе и четвертой конференции ЕМАП в

Салониках. Хорошо были восприняты православной общественностью издание сборника «Школа православной России», выпуск репринтного иллюстрированного издания, посвященного преподобному Серафиму Саровскому, других книг и брошюр. Был продолжен выпуск журнала «Встреча», издаваемого совместно с Московской Духовной Академией и Семинарией на средства Фонда. Этот журнал стал очень популярным среди православной молодежи. Поставлена задача сделать столь же интересным и популярным новый журнал Фонда «К единству!», который в марте 1999 года получил государственную регистрацию.

В отчетном периоде, несмотря на финансовые трудности, которые особенно обострились после 17 августа 1998 года, Фонд не свернул работу по оказанию благотворительной помощи епархиям, приходам, монастырям, духовным школам Русской Православной Церкви, детским приютам и престарелым. Среди тех, кто получил адресную помощь Фонда — Серафимо-Дивеевский и Борисоглебский Аносин, Саввино-Сторожевский ставропигиальный и Богоявленско-Анастасиин женский Костромской монастыри и другие обители Русской Православной Церкви, Троице-Сергиева Лавра. Среди получателей помощи Люблинская школа-интернат для глухих детей, Пензенская областная больница им. Бурденко, школа-интернат N 49, ВК ГУИН МЮ России, Ярославская детская библиотека, Калужская епархия и другие.

Особая забота Фонда — поддержание творческой части православной общественности: писателей, кинематографистов, художников, артистов. В этом плане Фондом традиционно оказывалась помощь в организации и проведении Международного кинофорума «Золотой Витязь», международной книжной выставки-ярмарки «Русь Православная», праздника святых Кирилла и

Мефодия и Дней славянской письменности и культуры и других. Запланировано, что уже с этого года будут учреждены Почетные грамоты Фонда, а также премии Международного Фонда единства православных народов десяти выдающимся государственным, церковным, общественным деятелям всего православного мира — за особые заслуги в служении человечеству в духе 10 заповедей Божиих.

Участники Соборания учредителей и совместного заседания Правления и Попечительского Совета Фонда приняли участие в обсуждении затронутых в докладе президента Фонда вопросов и проблем, выразили глубокое удовлетворение по поводу проводимой Фондом работы в отчетном периоде, а также деятельности самого президента Фонда. Их оценки вполне разделял в заключительном слове Его Святейшество Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, пообещав всаческую поддержку инициативам Фонда, направленным на укрепление всеправославного единства, возрождение православных традиций, на созидательную подготовку к празднованию 2000-летия от Рождества Христова.

Председатель Попечительского совета Фонда Его Святейшество Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II вручил награды Русской Православной Церкви ряду известных политиков и общественных деятелей, принимающих активное участие в работе Фонда.

Орденом во имя равноапостольного Великого князя Владимира были награждены член Попечительского Совета Фонда, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Совете Федерации Ю. Ф. Яров и член Правления Фонда, председатель Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций В. И. Зоркальцев.